

12+

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 1
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Выпуск 1/2015

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

12 +

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия № 1
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Выпуск 1 / 2015

Электронный научный журнал

Пермь
ПГГПУ
2015

**ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ISSN 2308-717X (Online)
ISSN 2308-7218 (Print)
ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2013 г.
Выходит 2 раза в год**

**Серия № 1. Психологические
и педагогические науки**

ВЫПУСК 1 / 2015

Учредитель – ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
Издатель – ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. Вып. 1 / 2015 : электронный научный журнал [Электронный ресурс] / ред. кол.: Е.А. Силина (отв. ред. вып.), А.А. Волочков, Д.С. Корниенко, Т.В. Евтух (отв. секретарь вып.) ; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2015. – 130 с. – 2,5 Mb.

Предлагаемый читателю выпуск «Вестника ПГГПУ» (Серия «Психологические и педагогические науки») посвящен психологическим исследованиям, проводимым преподавателями, аспирантами и студентами кафедры психологии, кафедры теоретической и прикладной психологии, практической психологии ПГГПУ, а также учеными из ПГНИУ, научными работниками из университета Бангладеш. Теоретико-эмпирические исследования сгруппированы по разделам психологии – история психологии, общая и экспериментальная, психология развития и образования, семейная психология, новые методы и технологии и т.п. Отличительной чертой данного выпуска являются статьи, посвященные 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и отражающие работу В.С. Мерлина и его коллег-психологов в эвакуогоспиталях, а также статья, в которой представлен анализ психологического содержания образа войны.

Издание адресовано ученым в области психологии, аспирантам, студентам и всем тем, кто интересуется предложенной проблематикой.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:

Е.А. СИЛИНА – канд. психол. наук, проф., зав. кафедрой психологии (отв. ред. вып.)
А.А. ВОЛОЧКОВ – д-р психол. наук, проф., зав. кафедрой практической психологии
Д.С. КОРНИЕНКО – д-р психол. наук, зав. кафедрой теоретической и прикладной психологии
Т.Е. ЕВТУХ – канд. психол. наук, доц. кафедры психологии (отв. секретарь вып.)

Электронный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-54747 от 17.07.2013 г.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), договор № 270-04/2014 от 28.04.2014 г.

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание в международном регистрационном каталоге (ISSN International Centre, Франция, Париж)

Сайт журнала Вестник ПГГПУ. Серия № 1 «Психологические и педагогические науки»:
URL: [http:// www.vestnik1.pspu.ru](http://www.vestnik1.pspu.ru)

Электронная почта журнала: pedagog.vestnik@pspu.ru – Гангнус Наталии Андреевне;
tevtuh@pspu.ru – Евтух Татьяне Викторовне

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

I. К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	4
<i>ВОРОНОВА Е.Ю. В.С. МЕРЛИН В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....</i>	4
<i>ЖДАНОВА С.Ю., МИШЛАНОВА С.Л. ОБРАЗ ВОЙНЫ В РАЗЛИЧНЫХ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ.....</i>	11
II. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ	18
<i>ДЕРИШ Ф.В. СИМПТОМОКОМПЛЕКС «ТЁМНАЯ ТРИАДА» ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С БАЗОВЫМИ СВОЙСТВАМИ ЛИЧНОСТИ</i>	18
<i>ОРЛОВА Д.Г. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СТРУКТУРА, ИССЛЕДОВАНИЯ (ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ).....</i>	28
<i>ХАРЛАМОВА Т.М. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ АКТЁРОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛА</i>	37
III. ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ	47
<i>САИФУДДИН КАЗИ, ШАХА АШОК КУМАР, АХМЕД ФЕРДЖАНА. ПОЛУШАРНАЯ ДОМИНАНТНОСТЬ ЗВУКОВРЕМЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В МОЗГЕ ЧЕЛОВЕКА.....</i>	47
IV. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ	55
<i>БАЛАНДИНА Л.Л. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ–РЕФЛЕКСИВНОСТЬ» И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С ИНТЕЛЛЕКТОМ И ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ДОШКОЛЬНИКОВ</i>	55
<i>СИЛИНА Е.А. СТРАТЕГИЯ ОСВОЕНИЯ ВОЗРАСТА ЖЕНЩИНАМИ 25–30 И 45–50 ЛЕТ.....</i>	66
<i>ШВЕДЧИКОВА Ю.С. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ГЕЙМЕРОВ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ</i>	76
V. ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	87
<i>ВОЛОЧКОВ А.А. УСПЕВАЕМОСТЬ И КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УЧЕБНОЙ АКТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКА</i>	87
<i>ЕВТУХ Т.В. АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В СВЯЗИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ИХ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ.....</i>	98
VI. ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ	105
<i>БОГОМЯГКОВА О.Н. СПЕЦИФИКА РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК В СЕМЬЯХ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ</i>	105
<i>БОГОМЯГКОВА О.Н., БАЛАНДИНА Н.Н. ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ И СЕМЕЙНЫХ УСТАНОВОК МАТЕРЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ-БЛИЗНЕЦОВ.....</i>	113
<i>КОРНИЕНКО Д.С., РОТМАНОВА Н.В. ОЦЕНКА РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ И СВОЙСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СИБЛИНГОВ</i>	120

РАЗДЕЛ 1. К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

УДК 159.9.07

Воронова Елена Юрьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии

*ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия*

614990, Пермь, Сибирская, 24, +7(342) 238-63-72

e-mail: elenavoronova_12@mail.ru

В.С. МЕРЛИН В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Elena Y. Voronova

PhD, assistant professor of applied psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»*

24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: elenavoronova_12@mail.ru

V.S. MERLIN IN THE SOVIET PSYCHOLOGY DURING WORLD WAR II

Аннотация. В статье описывается научная деятельность Вольфа Соломоновича Мерлина в период Великой Отечественной войны. Анализируются социальные условия, личные обстоятельства, профессиональные задачи, стоящие перед ученым в рассматриваемый период. Научные и практические результаты исследований В.С. Мерлина сопоставляются с деятельностью его коллег, с целью создания общей картины развития советской психологии в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: В.С. Мерлин; научные и практические результаты исследований; период Великой Отечественной войны.

Abstract. The article describes the research activities of Wolf Solomonovich Merlin during the Great Patriotic War. The social conditions, personal circumstances, the professional challenges facing scientists in the period under review are analysed. V.S. Merlin's scientific and practical research results are compared with the activities of his colleagues, to create a general picture of the development of Soviet psychology in the Great Patriotic War.

Key words: V.S. Merlin; scientific and practical research results; the period of the Great Patriotic War.

Советские психологи в период Великой Отечественной войны внесли свой весомый вклад в достижение победы над фашизмом. Оценивая социальную ситуацию в Советском Союзе периода 1940–50-х гг. Б.Г. Ананьев пишет: «Начиная с 1937–1938 гг. и до начала Великой Отечественной войны наблюдается все возрастающий подъем советской психологии, выражающийся как в разработке важных теоретических проблем психологической науки, так и в значительном количестве оригинальных конкретных исследований, открывающих новые явления и закономерности развития психики и сознания. За эти годы были опубликованы ценные работы в самых разнообразных областях психологии. Разнообразие проблем и методов исследования, проявление ряда творческих направлений в конкретизации марксистско-ленинской теории в психологии свидетельствовали о том, что достигнутое к этому времени теоретическое единство советской психологии способствует многогранному расцвету нашей науки» [1].

В период Великой Отечественной войны Вольф Соломонович Мерлин жил и трудился в Свердловске. С 1938 по 1948 г. Мерлин работал в Свердловском педагогическом институте. Этому предшествовал полный нравственных выборов и испытаний 10-летний период: переезд из Ленинграда в Саратов и из Саратова в Свердловск.

Это период тяжелых личных испытаний Вольфа Соломоновича. Его принципиальность и свободолюбие, проявляющиеся во всем, в первую очередь в профессиональной деятельности, приводят к необходимости разлуки и потере близких ему людей. Из-за травли педологической школы М.Я. Басова, к которой принадлежал и В.С. Мерлин, он вынужден был покинуть Ленинград и оставить жену и двоих детей. Они погибли во время блокады от прямого попадания снаряда в их квартиру. Второй брак с преподавателем русской литературы Саратовского государственного университета Г.Б. Курляндской также был не долгим. Этому способствовали запрет педологии как лженауки, временная безработица Вольфа Соломоновича и вынужденный переезд в Свердловск.

Но, несмотря на личные обстоятельства, В.С. Мерлин оставался преданным своему учителю М.Я. Басову и тематике его исследований – исследованию воли человека. В период с 1936 по 1950 г. в советской психологии личность трактовалась как результат учения и воспитания, поэтому исследование воли было очень актуальным. Его кандидатская диссертация «Волевая деятельность и условный рефлекс» (защищенная в 1938 г.) посвящена этой проблеме. В предвоенный 1939 год выходит статья Мерлина «Психологические основы воспитания сдержанности». Судя по количеству ссылок на нее, статья становится общеизвестной [8].

Вопрос о воспитании сдержанности трактуется В.С. Мерлиным как случай более общей проблемы воспитания воли: «В сдержанности проявляется одно из основных направлений волевого усилия – усилие, направленное

на задержку или подавление какого-либо действия или внешнего проявления, при этом подавляемое действие или внешнее его проявление импульсивно, т.е. оно возникает без предварительного обдумывания или сознательной цели. Вот почему воспитание сдержанности является не только необходимым условием сознательной дисциплины в школе, но и необходимым моментом в воспитании коммунистической личности» [8].

На основе наблюдений в ходе экспериментов с учащимися по формированию у них сдержанности В.С. Мерлин делает следующие выводы:

«Воспитание сдержанности нельзя свести к воспитанию одного изолированного качества воли. Воспитание сдержанности тесно и неразрывно связано с воспитанием характера, с воспитанием коммунистической личности. Для того чтобы определенный воспитательный прием был достаточно эффективен, он должен опираться на соответствующее свойство характера.

При воспитании сдержанности для нас важен не только самый факт сдержанности, но и его мотив. Если ученик сдержан только потому, что боится, как бы его дома не поругали, то социальная ценность такой сдержанности ничтожна. При воспитании сознательной дисциплины для нас важна не сдержанность вообще, а сдержанность, основанная на коммунистических мотивах поведения, на социалистическом отношении к труду, на понимании социального значения учебной работы и т. д.» [8].

В октябре 1941 г. МГУ был эвакуирован в Свердловскую область, в небольшой поселок Кауровку, расположенный на берегу реки Чусовой. Там помещался эвакуационный госпиталь, научным руководителем которого был назначен А.Н. Леонтьев. Начальником медицинской части этого госпиталя был П.Я. Гальперин, там же работали заведующие экспериментальными лабораториями В.А. Запорожец, старшие научные сотрудники Я.З. Неверович, А.Г. Комм, доцент Свердловского института В.С. Мерлин, С.Я. Рубинштейн, старший лаборант Т.О. Гиневская и др. [2]. По воспоминаниям А.Н. Леонтьева, в Свердловске в 1942 г. находился и Б.М. Теплов.

П.Я. Гальперин и Т.И. Гиневская изучали зависимость движений пораженной конечности от характера поставленной задачи; В.С. Мерлин и А.Г. Комм – особенности координации нарушенных движений; Я.З. Неверович – перестройку двигательных систем в процессе восстановительной трудотерапии; А.В. Запорожец – роль установок больного в структуре его двигательных нарушений и в ходе реабилитации функций поврежденной конечности и т.д. Исследовательская работа органически сочеталась с научно-практической деятельностью, с разработкой и апробацией новых способов восстановительной терапии.

Таким образом, в 1942 г. В.С. Мерлин, занимаясь педагогической работой в институте, становится научным консультантом в клинике Института психологии МГУ при эвакогоспитале в Свердловске. Вольф Соломонович оказывал психологическую и психотерапевтическую помощь, в том числе с помощью гипноза, инвалидам войны, потерявшим конечности и зрение. В это время он занимался поиском решения проблемы координации движений у раненых (1942) и способов реабилитации ослепших бойцов (1942–1945).

Определяя генеральное направление и исходные теоретические позиции предпринимаемых исследований, А.Н. Леонтьев основывался на учении Л.С. Выготского о системном характере психофизиологических функций и на концепции Н.А. Бернштейна о построении движения. Он указывал, что двигательные нарушения при травмах верхних конечностей носят сложный системный характер, обусловленный не только непосредственно дефектами костно-мышечного аппарата, но и вызванными ранением деформациями систем афферентации и координации двигательного акта, а также порожденными болезненным состоянием установками раненого. Системное понимание дефекта требовало и системного подхода к его реабилитации как к сложному процессу последовательной компенсации и восстановления афферентационных и координационных механизмов движения больного, связанному с перестройкой его установок и мотивов поведения [2].

В рамках реабилитационной и исследовательской работы, организованной сотрудниками МГУ, весьма интенсивное исследование динамики координации движений пораженной конечности было проведено В.С. Мерлиным. Он поставил перед собой задачу изучить с этой стороны произвольные движения вольногимнастического типа и сравнить их с движениями, аналогичными по своему геометрическому рисунку и анатомическим образующим, но иными по своей психологической характеристике.

Движения требуют не только симультанной координации, но также и координации, автоматизмы которой обеспечивают правильное развертывание движения во времени – одновременность начала движения одних звеньев конечности и определенную последовательность включения других. Исследование В.С. Мерлина и было направлено на изучение именно временной координации.

Это исследование, опирающееся на точную методику записи, которая дает возможность ввести в эксперимент целые ряды повторяющихся движений, позволило подойти к выяснению вопроса о зависимости между объемом движения и степенью его координированности. Полученные в этой серии результаты показали, что в условиях, когда движения больной конечности совершаются в небольших объемах, показатели степени их дискоординированности значительно уменьшаются, падая в отдельных случаях до нормы (средний показатель – 0,10); и наоборот, при увеличении объема движения до возможного предела дискоординация резко возрастает (средний показатель – 0,30) [6].

Таким образом, результаты этой серии опытов позволили В.С. Мерлину сформулировать правило зависимости степени дискоординации от его объема: чем более объем движения пораженной руки приближается к своему пределу, тем более ее движение дискоординируется, тем менее управляемой она становится.

Совершенно особое значение, по признанию А.Н. Леонтьева, имел «основной факт, установленный исследованием В.С. Мерлина, – тот факт, что когда движение пораженной руки приобретает как бы “инстинктивный”,

“невольный” характер, то степень его координированности возрастает во много раз и становится почти нормальной» [3]. Эти факты на тот момент не вписывались в теорию деятельности, но в будущем найдут объяснение в теории индивидуального стиля деятельности.

Часть материалов этих практических работ были изложены в докладе В.С. Мерлина «Динамика координационных нарушений движения после травмы руки» (Труды конференции по восстановлению функций) и опубликованы в Ученых записках МГУ (1947) [6], а также представлены в докладе Вольфа Соломоновича на совещании по вопросам психологии личности в АПН СССР [5].

Работа по реабилитации в результате ранения ослепших бойцов, осуществляемая с 1942 по 1945 г., была обобщена лишь в 1968–1970 гг. в книге «Проблемы экспериментальной психологии личности». В ней В.С. Мерлин пишет: «Фактический материал, который мы анализируем в дальнейшем, получен нами в специальном исследовании, произведенном в 1943–1945 гг. на базе специального эвакогоспиталя для военноослепших. Автор проводил в этом госпитале воспитательную и психотерапевтическую работу. Для исследования были отобраны 35 больных с полной потерей зрения в результате ранения. Были отобраны лишь те больные, у которых в анамнезе не было показаний о нервно-психологических заболеваниях до ранения, а также о тяжелой контузии или коммоции после ранения. У некоторых из отобранных больных (7 случаев) инвалидность, помимо слепоты, была связана также с поражением конечностей (ампутацией пальцев, руки, ноги и т.п.). Основная задача воспитательной и психотерапевтической работы заключалась в преодолении депрессивного состояния, в привитии навыков ориентировки, самообслуживания, и на более поздней стадии – трудовых и профессиональных навыков, в формировании социально-нравственных мотивов. В госпитале имелись учебные кабинеты, мастерские и специальный цех завода, оборудованный автоматическими станками и полуавтоматами. В ходе психотерапевтической работы собирался анамнез, фиксировались беседы и наблюдения за больными» [7].

Результатом этой работы стало описание особенностей фаз проживания конфликта ослепшими, видов их мотивации и вариантов выхода из конфликта. Так, в процессе реабилитации ослепших были выявлены две тенденции интериоризации мотивов: усиление полового и пищевого влечения или интеллектуальных интересов, которые определяются свойствами личности ослепшего. «Существенную роль в активизации материальных потребностей играют объективные причины. Всякое расхождение между мотивами, актуализировавшимися в слепоте, и предконфликтными мотивами говорит о преобладающей роли в мотивации объективной ситуации конфликта. В этих случаях образование новых мотивов представляет собой реакцию на создавшуюся в конфликте объективную ситуацию. Таким образом, в этих случаях преобладают реактивные тенденции личности. Наоборот, в тех случаях, когда в конфликтах ослепших, несмотря на резкое изменение объективной ситуации деятельности, господствующие мотивы остаются теми же, что и до слепоты, преобладают активные тенденции личности» [7].

Выявленные В.С. Мерлиным у ослепших активные тенденции, характерные для личности с преобладанием нравственно-трудовых мотивов, в первых двух фазах конфликта, ослепших играют прямо противоположную роль. С одной стороны, они противодействуют деградации мотивов, с другой – они замедляют восстановление целенаправленной продуктивной деятельности. После того как в 3-й фазе конфликта восстанавливаются мотивы целенаправленных трудовых действий, активные тенденции личности начинают играть положительную роль, так как они придают устойчивый характер поставленным целям и задачам, регулирующим поведение вопреки случайным внешним обстоятельствам.

Таким образом, В.С. Мерлиным был выявлен универсальный механизм реабилитации личности, находящейся в конфликте, который в дальнейшем использовался им в психологической помощи людям с трудовыми и любовными конфликтами.

Для В.С. Мерлина, как и для всех его коллег, период Великой Отечественной войны был периодом полной самоотдачи. По выражению А.Н. Леонтьева, отношение к восстановительному госпиталю у сотрудников было как к своему любимому детищу. В неотправленном письме С.Л. Рубинштейну от 10 апреля 1943 г. Леонтьев пишет об этом госпитале: «Дни его жизни оказались плодотворны как годы» [2].

Особое место в исследованиях советских психологов во время Великой Отечественной войны заняло изучение нарушений психических функций при локальных поражениях головного мозга, вызванных ранениями, и исследование путей восстановления этих функций. Работы С.Г. Геллерштейна (1942), Л.В. Занкова (1942), А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца (1945), А.Р. Лурия (1948) положили начало особому направлению в изучении психической деятельности, развившемуся в специальную отрасль психологической науки – нейропсихологию. Наряду с большим практическим значением они имели и важное теоретическое значение. Исследования А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца [3], направленные на восстановление движений, доказали правильность положения о предметном характере человеческой деятельности.

В исследованиях А.Р. Лурия убедительно доказано выдвинутое Л.С. Выготским, а затем в физиологии П.К. Анохиным и Н.А. Бернштейном положение о том, что всякая сознательная деятельность – это сложная функциональная система совместно работающих аппаратов мозга, в ее построение каждый участок мозга вносит свой вклад. Предложенные А.Р. Лурия пути восстановления внутренней речи (перенесение разрушенного внутреннего действия вовне) и гипотеза Л.В. Занкова о действенной роли (в восстановлении речи) образов слов (любой модальности) оказались очень действенными [9].

Значительное число работ было посвящено изучению ночного зрения, повышения слуховой чувствительности (исследования К.Х. Кекчеева, Л.А. Шварц), маскировки (Б.Г. Ананьев), психологических проблем летного дела (К.К. Платонов, Л.М. Шварц, Е.В. Гурьянов).

Большой интерес вызвала опубликованная в эти годы работа Б.М. Теплова «К вопросу о практическом мышлении» (1945), касающаяся природы практического интеллекта, умственной деятельности организатора военной и хозяйственной деятельности.

Общее дело сближало психологов, помогало поиску общих подходов к решению проблем. Плеяда блестящих психологов — представителей разных научных школ имела возможность в суровых условиях не только вести научные дискуссии, но и немедленно проверять свои идеи на практике, а главное — сообща помогать людям.

Список литературы

1. *Ананьев Б.Г.* Избранные психол. труды. Т. 1. – М.: Педагогика, 1980. – 232 с.
2. *Запорожец А.А., Эльконин Д.Б.* Вклад ранних исследований А.Н. Леонтьева в развитие теории деятельности // Вестн. Моск. ун-та. – 1979. – № 4. – С. 14–24. – (Сер. 14. Психология).
3. *Леонтьев А.В., Запорожец А.В.* Восстановление движения. – М.: Советская наука, 1945.
4. *Лурия А.Р.* Восстановление функций мозга после военной травмы. – М., 1948.
5. *Мерлин В.С.* Восстановление личности после тяжелых эмоциональных потрясений // Доклад на совещ. по вопросам психологии личности. – М.: Изд-во АПН СССР, 1956.
6. *Мерлин В.С.* О координации движений при ранении верхней конечности // Учен. зап. МГУ. – 1947. – Т. 2, вып. 3. – С. 87–96.
7. *Мерлин В.С.* Проблемы экспериментальной психологии личности // Учен. зап. ПГПИ. – Пермь, 1968. – Т. 59, вып. 5. – С. 3–160.
8. *Мерлин В.С.* Психологические основы воспитания сдержанности // Советская педагогика. – 1939. – № 11/12. – С. 138–148.
9. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. – М.: Педагогика, 1975. – С. 213.

УДК 159.9.01

Жданова Светлана Юрьевнадоктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой
психологии развития**Мишланова Светлана Леонидовна**доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
лингводидактики*ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, Букирева, 15, +7(342)239-61-55**e-mail: svetlanaur@gmail.com***ОБРАЗ ВОЙНЫ В РАЗЛИЧНЫХ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ****Svetlana Y. Zhdanova**doctor of psychological sciences, associate professor, head of the Department
of Psychology of Development**Svetlana L. Mishlanova**

doctor of philological sciences, professor, head of the department of Lingvodidactics

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State National Research University», Perm, Russia,**15, Bukireva Str., 614990, Perm, Russia**e-mail: svetlanaur@gmail.com***THE IMAGE OF WAR IN VARIOUS SEMIOTIC SYSTEMS**

Аннотация. В статье представлены результаты создания онтологии предметной области «Образ войны». Показано, что иерархическая структура концепта «образ войны» образована базовыми узлами, элементами структуры, между которыми существует взаимосвязь. Выявлено, что важными содержательными характеристиками образа войны выступают интеллектуальный и эмоциональный компоненты. Образ войны зависит от субъекта восприятия, является динамичным, эмоционально окрашенным. Помимо собственного образа включает также образ врага. Субъективная составляющая образа войны представлена непосредственными переживаниями, проявляется в форме рефлексивной оценки.

Ключевые слова: онтология; предметная область; образ войны.

Abstract. The article presents the results of the creation of ontology «The image of war». It is shown, that the basic units and structural elements, between

which there is a relationship, form the hierarchical structure of the concept of «image of war». It was revealed, that intellectual and emotional components are the important informative characteristics of the image of war. The image of war depends on the subject of perception, it is dynamic and appellative. In addition to the self-image, it includes the image of an enemy. The subjective component is represented by direct experience and is manifested in the form of reflective assessment.

Key words: ontology; subject area; the image of war.

Вся история человечества может быть поделена на две части – войну и мир [15]. По-мнению В.В. Серебрянникова, это два полярных состояния, которые характеризуют общество, свидетельствуют об уровне его развития, отношениях с внешним окружением [15].

В настоящее время отчетливо наблюдается тенденция к учащению войн. Особенности современных войн заключаются в том, что увеличивается размер территорий, на которых ведутся военные действия, возрастает число стран и народов, принимающих в них участие, все более разрушительными становятся последствия, увеличивается жестокость, возрастают количество жертв, причиненный ущерб [7; 13; 15].

Сегодня войны претерпевают существенные изменения также по характеру применяемого оружия, социально-политическим характеристикам, своему военно-техническому облику [6]. Одна из главных особенностей войн XX в. заключается в том, что в своем развитии они достигли ступени мировых войн, охватывая огромное количество государств, населения мира, они ведутся на огромных территориях: сухопутных, воздушных, морских пространствах. В связи с этим особо актуальным становится обращение к опыту Второй мировой войны, осмысление ее значения, роли в истории, изучение отношения общества, в том числе к причинам, поводу, началу, итогам и последствиям Второй мировой войны.

Изучение представлений о войне способствует пониманию роли, значения войны и ее последствий в истории человечества, жизни отдельного человека, направлено на сохранение исторической памяти, понимание внешней политики государства.

Изучение образа войны в сознании респондентов способствует формированию духовных, нравственных ценностей, осознанию ценности жизни, формированию объективного взгляда на события истории, позволяет избежать субъективных, фальсифицированных оценок Второй мировой войны, направлено на сохранение Второй мировой войны в народной памяти как свидетельства величайшей трагедии.

Грандиозная по военно-политическим и социальным последствиям, своим масштабам Вторая мировая война не имела себе равных в истории. Охватив более 80 % населения земного шара, она вовлекла более 60 стран, продолжалась 6 лет и унесла жизни более 60 миллионов человек.

Анализируя онтологию базы знаний по тематике войны, следует отметить, что исследования, посвященные Второй мировой войне, носят междисциплинарный характер, являются предметом изучения различных наук: социологии, психологии, истории, относятся к их военным отраслям.

В психологической науке феномен Второй мировой войны исследовался в рамках двух направлений: военной психологии и исторической психологии. В рамках военной психологии интерес для исследователей представляли такие вопросы, как: деятельность, свойства личности воинов [2]. В этот период исследователи активно изучали психические состояния участников боевых действий (А.М. Дмитриевский, В.Н. Полянский, А.С. Резанов, П.И. Измestьев и др.). Например, большое внимание уделяли исследованию паники (А.С. Резанов, П.И. Измestьев). В дальнейшем предметом изучения в рамках военной психологии стали вопросы, относящиеся к Первой мировой войне, другим войнам и военно-вооруженным конфликтам. В этой связи стали рассматриваться такие проблемы, как: особенности боевой деятельности, обучение и воспитание личного состава, формирование волевых качеств, выносливости у бойцов [3; 11].

Так, вопросы мотивации воинов и их поведения изучал С.Л. Рубинштейн. Проблемы стрессовых состояний бойцов, особенности восстановления раненых, их дальнейшей реабилитации исследовали Б.Г. Ананьев, А.В. Запорожец, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, В.В. Мерлин. Б.М. Теплов опубликовал работу «Ум полководца», в которой на основании исторических материалов исследовал мышление полководцев.

В исследовании Г.Д. Лукова было проанализировано, как влияет на психику человека боевая обстановка, рассмотрены вопросы обучения, воспитания воинов. Проблемы коллективной военной психологии были представлены в работах М.П. Коробейникова, К.К. Платонова, В.В. Шеляг, Н.Ф. Феденко и др. В частности, были изучены следующие вопросы: психология боя, профессиональная и инженерная психология в армии, психологический отбор воинов-специалистов, морально-психологическое воспитание и подготовка войск, воздействие войны на человека и общество, отношение общества к войне в разные исторические периоды [10; 15].

Другая часть работ, имеющих отношение к обсуждаемой проблеме, была выполнена в рамках исторической психологии. Здесь в первую очередь следует назвать труды Б.Ф. Поршнева, его учеников В.М. Зензинова, Е.Ю. Зубкова, в которых исследовалась психология вернувшихся с войны к мирной жизни фронтовиков, изучалось влияние социально-психологических аспектов войны, в том числе на формирование послевоенной атмосферы [13].

В целом анализ литературы показывает, что, несмотря на активный интерес к проблемам военной психологии, поведению человека во время боевых действий, исследования, посвященные изучению образа войны, в том числе у жителей стран-участниц, отсутствуют. Вместе с тем представляется актуальным изучение образа Второй мировой войны в странах, развязавших войну; насильно втянутых в военные действия; в странах, не участвовавших в войне. Кроме того, самостоятельный интерес представляет изучение образа войны в различных семиотических системах (вербальной, невербальной). К сожалению, данная проблема остается неизученной.

База знаний, онтология предметной области «Образ войны» может быть описана посредством анализа понятия образа войны, которое рассматривается

как комплекс представлений о войне. В нашем исследовании в качестве объекта анализа выступали различные семиотические системы (вербальные, невербальные), представленные в медиатекстах о войне (интернет-ресурсы, новостные каналы, блоги, учебники, песни, фильмы о войне). В ходе исследования было обнаружено, что иерархическая структура концепта «образ войны» образована базовыми узлами, элементами структуры, между которыми осуществляется взаимосвязь. Выявлено, что важными содержательными характеристиками образа войны выступают интеллектуальный и эмоциональный компоненты [8; 12]. Интеллектуальные компоненты образа включают в себя рациональное, логическое осмысление явления. Эмоциональные компоненты отражают чувства и эмоциональное отношение к войне [5].

Рассматривая проблему психологии образа, важно говорить о субъекте восприятия, поскольку структура, содержательные компоненты образа войны зависят от специфики субъекта восприятия. С точки зрения Е.С. Сеньявской, субъект восприятия может быть дифференцированным. Применительно к образу войны в качестве субъекта восприятия могут выступать: массовое общественное сознание, армейский состав, в том числе его низшее, среднее командное звено, военное, а также высшее политическое руководство [12].

В исследовании Е.С. Сеньявской были обнаружены общие, универсальные, а также специфические психологические механизмы формирования образа войны. Было показано, что закономерности формирования образа зависят от статуса субъекта восприятия. Так, автор считает, что чем ближе субъект восприятия находится к высшим звеньям управления, тем в большей мере структура образа войны представлена интеллектуальными и рациональными компонентами. Ученый объясняет данный факт тем, что люди, включенные в процесс управления, находятся ближе «к точкам пересечения информационных потоков», располагают большей информацией. В то время как у лиц, не принимающих непосредственное участие в принятии решений, образ войны формируется под влиянием пропаганды [16]. В связи с этим массовое общественное сознание в процессе формирования образа войны в большей мере ориентировано на закономерности «психологии толпы» и включает в основном эмоциональные компоненты [4; 12].

Рассматривая проблему структуры образа, следует отметить, что образ войны включает в себя собственный образ и образ врага [1; 4]. Образ врага наполнен такими характеристиками, как: представления о характере войны, ее масштабах, соотношении сил. Важное место в ряду данных характеристик занимает представление о перспективах, итогах войны. Результаты и перспективы войны воспринимаются в отношении собственной стороны, как правило, благоприятными, в то время как для противника, напротив, неблагоприятными, поскольку без надежды на победу затевать войну бессмысленно [12; 14].

Образ войны – это не статичное образование, он всегда динамичен. В то же время образ войны может быть адекватным и ложным. С точки зрения временной перспективы можно выделить следующие виды образов войны: прогностический, синхронный, ретроспективный образ [12].

Прогностический образ войны включает в себя прогноз, заключение о предстоящих событиях, суждение о развитии ситуации, исходе войны. Прогностический образ зачастую является ложным, неадекватным, благодаря чему делает войну возможной. Например, достаточно распространенным на кануне Первой мировой войны был лозунг: «На Рождество мы будем дома!» [12].

Синхронный образ войны складывается непосредственно в процессе осуществления военных действий. Структура и содержание характеристик данного образа зависят от специфики субъекта восприятия. Так, важной составляющей образа войны в массовом сознании является моральное и психологическое состояние армии, общества в целом. Важными элементами образа войны у военных, политиков выступают представления о принятии решений, оказывающих влияние на политические события, исход военных действий.

Ретроспективный образ войны является отражением исторической памяти народа. В то же время ретроспективный образ выступает в качестве важного предмета исследования в различных областях знания: психологии, истории, политике, военной науке. Рассматривая ретроспективный образ войны в динамике, следует отметить, что со временем достаточно отчетливо проявляются различия в структурных и содержательных характеристиках данного образа у представителей массового сознания и профессионалов. Так, Е.С. Синявская отмечает, что со временем эмоциональная составляющая образа, ее содержательная характеристика, отражающая конкретные боевые действия, события, а также общественная значимость постепенно угасают [12; 13].

Однако в профессиональном отношении ретроспективный образ сохраняет свое первоначальное содержание, в то же время становится более дифференцированным. Это связано с тем, что с течением времени информация становится более доступной, раскрываются бывшие ранее секретными различные исторические документы, материалы. Это обеспечивает возможность для осмысления новых аспектов.

Ретроспективный образ имеет важное значение, поскольку позволяет оценить роль, значение войны в жизни людей, страны, осуществить анализ стратегий, тактики войны с точки зрения извлечения положительного опыта ведения военных действий.

Образ войны может быть положительным и отрицательным. Положительная оценка связана с пониманием значения войны в жизни человека, осознанием ценности жизни, с развитием духовных, нравственных ценностей. Негативный образ войны может проявляться в абсолютизации опыта войны.

Ретроспективный образ войны взаимосвязан с прогностическим и синхронным образами, например, может включать прогностический образ, что проявляется в предвидении будущих войн [12].

В целом следует заключить, что проблема изучения образа войны у жителей стран-участниц относится к числу неизученных. Вместе с тем изучение эксплицитного и имплицитного знания, представлений о Второй мировой войне, образа войны в сознании обычных жителей, наивных субъектов

познания имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку вносит вклад в дальнейшее развитие концепции восприятия «другого», «чужого», изучение образа войны. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что важными содержательными характеристиками образа войны выступают интеллектуальный, эмоциональный компоненты. Образ войны обусловлен спецификой субъекта восприятия, является динамичным, эмоционально окрашенным. Помимо собственного образа образ войны включает также образ врага. Субъективная составляющая образа войны представлена непосредственными переживаниями, проявляется в форме рефлексивной оценки.

Список литературы

1. *Амиров В.М.* Образ врага в российском журналистском дискурсе разных войн // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2009. – № 1/2 (62). – С. 156–161.
2. *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. – Париж, 1939.
3. *Гурова О.С.* Психологические особенности субъективных представлений о жизненных перспективах участников локальных войн: дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук по специальности 19.00.01. Барнаул, 2004. – 176 с.
4. *Забелина Н.Ю.* Бельгийские союзники в восприятии британцев во время Первой мировой войны // Вестник МГУ. Секция «История». – 2010. – № 1. – С. 85–94.
5. *Забелина Н.Ю.* Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук по специальности 07.00.03. – М., 2011.
6. *Корчагов А.Ю.* Теория и практика взаимодействия военно-политических лидеров и масс в конфликтных ситуациях: на примере мировых войн XX века: дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. – М., 2002. – С. 166.
7. *Куприянычева Е.А., Мишланова С.Л.* Построение онтологии предметной области «война» на материале лексикографических источников // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной междунар. конф. г. Екатеринбург, 30–31 января 2015 г. / Урал. гос. пед. ин-т. – Екатеринбург, 2015. – Ч. I. – С. 153–161.
8. *Мишланова С.Л., Жданова С.Ю.* Мультиmodalность репрезентации знания в дискурсе // Гуманитарные чтения РГГУ – 2014: Теория и методология гуманитарного знания. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных и социальных наук. Гуманитарное знание и образование: сб. материалов. – М.: РГГУ, 2015. – С. 623–636.

9. *Моисеева И.Ю.* Социально-психологический портрет фронтовика Великой Отечественной войны: на материалах Коми АССР [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialno-zsikhologicheskii-portret-frontovika-velikoi-otechestvennoi-voiny-na-materialakh-k#ixzz3b5hDzDf6>.
10. *Реброва И.В.* Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект: на материалах Краснодарского края: дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук по специальности 07.02.00. – Краснодар, 2005. – 255 с.
11. *Салчинкина А.Р.* Кавказская война 1817–1864 гг. и психология комбатства: дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук по специальности 07.02.00. – Краснодар, 2005. – 203 с.
12. *Сенявская Е.С.* Образ войны как феномен общественного сознания
13. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-keading.club/chapter.php/1019663/11/Senyavskaya_-_Psihologiya_voyny_v_HH_veke._Istoricheskiy_opyt_Rossii.html (24.05.2015).
14. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999. – 383 с.
15. *Сенявская Е.С.* Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // Вопросы истории. – 2006. – № 11. – С. 92–103.
16. *Серебрянников В.В.* Социология войны. – М., 1997. – С. 11–12.
17. *Тагильцева Ю.Р.* Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2012. – № 4 (42). – С. 175–178.
18. *Strokanov A.A., Zhdanova S.U.* Russian and American students' images of their future presidents. Psychology in Russia: State of the Art, 2014. – Vol. 7(4). – P. 43–50. / Social psychology [Электронный ресурс]. – URL: http://psychologyinrussia.com/volumes/7_4_2014.php.

Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-16-59006 «а (р)» (The study was carried out with the financial support of the RFH, grant № 14-16-59007 / a).

РАЗДЕЛ 2. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.922

Дериш Федор Валерьевич
студент факультета психологии

*ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, +7(342) 238-63-44, e-mail: derish@pspu.ru*

СИМПТОМОКОМПЛЕКС «ТЕМНАЯ ТРИАДА» ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С БАЗОВЫМИ СВОЙСТВАМИ ЛИЧНОСТИ

Fedor V. Derish
student of the faculty of psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: derish@pspu.ru*

«DARK TRIAD» IN RELATION TO DISPOSITIONAL PERSONALITY TRAITS

Аннотация. Целью исследования является проверка наличия симптомокомплекса «Темная триада» на выборке пермских студентов. Выборка состоит из 256 студентов пермских вузов, возраст 18–25 лет. Для проверки гипотез использовались краткая форма опросника «Темная триада» и опросник обобщенных свойств личности (HEXACO-PI-R). Полученные данные обрабатывались линейным корреляционным (по Пирсону) и множественным регрессионным анализом. Результаты показывают, что «макиавеллизм» занимает особое место в структуре «Темной триады», и «негативные» свойства по-разному связаны со всеми обобщенными свойствами личности (кроме свойства «открытость опыту») и эти данные соотносятся с другими исследованиями.

Ключевые слова: психопатия; нарциссизм; макиавеллизм; личность; «Темная триада».

Abstract. The aim of the study is to verify the presence of symptoms «Dark triad» of perm students. The sample consists of 256 students of the Perm State Humanitarian Pedagogical University, age 18–25 years. Test the hypotheses used a short form questionnaire «Dark triad» and generalized personality traits

questionnaire (HEXACO-PI-R). The data were processed linear correlation (Pearson), multiple regression analysis. The results show that «Machiavellianism» occupies a special place in the structure of «Dark triad» and negative traits are related in various ways with all the generalized personality traits (except factor «openness to experience»).

Key words: psychopathy; narcissism; machiavellianism; personality; «Dark triad».

В середине 1990-х гг. эволюционный психолог Дж. МакХоски выпустил две работы, в которых высказал предположение, что неклиническая психопатия, неклинический нарциссизм и макиавеллизм тесно связаны друг с другом. В первой работе утверждалось, что макиавеллизм и нарциссизм описывают схожие особенности поведения личности [19], а во второй работе он предположил, что термины «макиавеллизм» и «психопатия» описывают один и тот же феномен [20]. Однако впоследствии Л. Киршем и Дж. Беккером данное предположение было опровергнуто, но несомненным оставался тот факт, что данные психологические характеристики связаны [16].

Симптомокомплекс личности «Темная триада» подробно изучается сравнительно недавно, преимущественно за рубежом и является новым направлением в исследовании личности. Само понятие «Темная триада» было введено в конце девяностых годов и вошло в число психологических терминов в 2002 г. благодаря исследованию Д. Полхуса и К. Уильямса. На небольшой выборке студентов был обнаружен своеобразный комплекс свойств (нарциссизм, макиавеллизм и психопатия), где каждое свойство положительно связано с двумя другими [22]. Главная особенность данного симптомокомплекса в том, что за основу взяты три «негативных» свойства. При этом каждое свойство «Темной триады» имеет сложное внутреннее содержание, относительно которого пока не существует единого мнения.

Изучение психопатии, нарциссизма и макиавеллизма как психологических категорий имеет свои этапы, направления, подходы, а также теоретические и эмпирические точки пересечения. Далее мы рассмотрим каждую «темную» характеристику личности по отдельности.

Психопатия

До середины XIX в. психопатия понималась как психическая болезнь и изучалась преимущественно в психиатрии, но, уже начиная с 80-х гг. XIX в. психопатия начинает рассматриваться как пограничное расстройство личности [1]. Под психопатией понимается аномалия развития эмоционально-волевой и мотивационной сферы личности, характеризующаяся тотальностью патологических черт характера, относительной стабильностью их проявлений в течение жизни и социальной дезадаптированностью [7].

Выделение категории «психопатия» в психопатологии подтолкнуло исследователей к созданию различных классификаций, которые рассматривали многообразие психопатических вариантов личности [6].

Психопатию рассматривают как первичную (клиническую), которая включает низкое чувство вины, эгоизм, неспособность к переживанию эмоций и преобладание инстинктивных желаний, а также вторичную (неклиническую) как социопатическое поведение [15].

Наиболее распространенной является двухфакторная модель психопатии, включающая сниженную эмоциональность, или первичную психопатию (эгоизм, холодность, низкая тревожность, бесстрашие, безжалостное использование других, склонность к манипулятивному поведению), и асоциальное поведение, или вторичную психопатию (нестабильность, антиобщественный стиль жизни) [11; 13; 18; 21].

Нарциссизм

Прерогатива изучения нарциссизма, или нарциссического расстройства личности, принадлежала психиатрам и клиницистам, которые описывали его следующими характеристиками: грандиозное чувство значимости; поглощенность фантазиями; вера в собственную уникальность; потребность в постоянном внимании и восхищении; ожидание особого отношения; манипуляции в межличностных отношениях; дефицит эмпатии; сверхзанятость чувством зависти; дерзкое, заносчивое поведение. Для диагностики расстройства минимальным требованием является проявление одновременно не менее пяти нарциссических черт личности и только если их проявление наблюдается на протяжении не менее полугода.

Сильное влияние на развитие представления о нарциссизме оказал психоанализ. З. Фрейд выделял два вида нарциссизма: первичный как поглощенность собой, наблюдается в раннем периоде жизни, и вторичный онтогенетически более поздний нарциссизм, включающий в себя стремление к известности и славе [9]. В более поздних работах (например, Х. Кохут, О.Ф. Кернберг) также выделяются два вида, или полюса, нарциссизма, характеризующиеся проявлениями от нормативного поведения до нарциссического расстройства, которое связано с чувством грандиозности.

На сегодняшний день единого определения нарциссизма нет, а конкретное содержание понятия рассматривается исходя из методологических предпочтений самих исследователей. Обобщая множество определений нарциссизма, можно утверждать, что для нарциссических личностей характерны самоуверенность, они применяют нарциссические стратегии, направленные на поддержание имиджа грандиозности, такие как авторитетность и эксгибиционизм, самовосхищение и тщеславие; такие люди склонны к лидерству и подчеркиванию своего превосходства, они высоко

оценивают свои интеллектуальные способности, внешнюю привлекательность, достижения, даже если при этом возникает высокий риск разрушить межличностные отношения [10].

Макиавеллизм

Термин «макиавеллизм» используется довольно часто в социологии, психологии управления, организационной психологии и других гуманитарных науках. Макиавеллизмом называют склонность индивида к использованию манипуляций в межличностной сфере, при этом один скрывает свои истинные намерения и с помощью ложных отвлекающих маневров добивается того, чтобы другой, сам того не осознавая, изменил свои цели.

Американские исследователи Р. Кристи и Ф. Гейс называют главными составляющими макиавеллизма: 1) убеждение субъекта в том, что при общении с другими людьми ими можно и даже нужно манипулировать; 2) навыки, конкретные умения манипуляции. Последние включают в себя способность убеждать других, понимать их намерения и причины поступков [4]. Эти ученые создали психологический опросник «Mach-IV», который активно используется для диагностики данного личностного свойства [12].

Макиавеллизм в отличие от двух других черт не рассматривается как патологическое расстройство или как психопатологический синдром.

Исследования, посвященные поиску связи между макиавеллизмом и социально неодобряемыми характеристиками личности и поведения, выявили такие негативные характеристики макиавеллистов. Так, была подтверждена положительная связь лживости и макиавеллизма, как в деловом сотрудничестве, так и в интимно-личностных отношениях, макиавеллизма и эгоистического поведения, коррупции [5].

Макиавеллизм долгое время считался фактором успешности, прогностически позитивной характеристикой работника. Некоторые компании открыто заявляют, что предпочитают выбирать людей с высоким уровнем макиавеллизма, так как они прагматичны, эмоционально дистанцированы и способны самостоятельно принимать решения [8].

Низкая эмоциональная чувствительность, прагматичность, пренебрежение конвенциональными правилами и нормами, а также склонность к манипулированию образует «холодный» синдром свойств, который изначально рассматривался как основа макиавеллизма [2].

«Темная триада»

В рамках теории черт изучаются преимущественно нейтральные или нейтрально-положительные свойства личности (например, одно из пяти базовых свойств – «открытость опыту»). В свою очередь негативные свойства личности, которые в широком диапазоне ситуаций отражают не конвенциональные, но при этом полезные для самого индивида формы поведения (нарушение социальных норм, манипулирование с целью получения

выгоды), имеют большой потенциал для более глубокого понимания поведения человека. Так или иначе, симптомокомплекс личности «Темная триада» является одним из самых перспективных на роль «негативной» стороны личности.

Формальное наличие «Темной триады», выраженной в корреляциях психопатии, нарциссизма и макиавеллизма, многократно проверялись, и при обобщении результатов таких исследований было выявлено, что взаимосвязь между нарциссизмом и макиавеллизмом варьирует в пределах 0,10–0,60; между нарциссизмом и неклинической психопатией – в пределах 0,21–0,60; между макиавеллизмом и неклинической психопатией – в пределах 0,22–0,70.

Каждое из трех свойств, входящих в этот комплекс, представляет собой самостоятельный конструкт, не сводимый к двум другим, что проявляется, например, в несовпадении структур связей нарциссизма, психопатии и макиавеллизма с другими психологическими характеристиками [3]. Свойства, входящие в триаду, обнаруживают отрицательные связи с показателями эмоционального интеллекта, с доброжелательностью (большая пятерка) и честностью–склонностью к обману (модель HEXACO). Все черты «Темной триады» так или иначе вносят вклад в отклоняющееся поведение подростков, носители всех черт «Темной триады» прибегают к манипулятивным стратегиям и обману в межличностных отношениях, в частности и при общении с партнерами противоположного пола. Можно предположить, что все черты личности, входящие в симптомокомплекс «Темной триады» затрагивают сферу взаимодействия личности с социумом, межличностные отношения и отношение к себе.

Изучение «Темной триады» предоставит возможность более целостно взглянуть на личность и более подробно разобраться в негативно оцениваемых обществом личностных свойствах. В связи с этим можно полагать, что симптомокомплекс личности «Темная триада» обладает внутренней структурой, в которой два свойства определяют вариативность третьего, либо наоборот, одно свойство определяет вариативность двух других.

Таким образом, целью данного исследования является определение степени взаимосвязи каждого свойства симптомокомплекса «Темная триада» с другими обобщенными свойствами личности.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 256 студентов пермских вузов, в возрасте 18–25 лет ($M=20,2$; $SD=1,86$), 180 женщин и 76 мужчин. В процессе исследования респонденты заполняли опросники, направленные на измерение симптомокомплекса «Темная триада» и обобщенных свойств личности.

Для диагностики макиавеллизма, психопатии и нарциссизма применялась краткая форма опросника «Темная триада» (Short-Dark Triad) [14]. Он содержит 27 утверждений, оцениваемых по 5-балльной шкале.

Обобщенные свойства личности определялись по опроснику HEXACO-PI-R, включающему в себя следующие шкалы: «честность–

склонность к обману», «эмоциональность», «экстраверсия», «доброжелательность», «сознательность» и «открытость опыту» [17]. Методика измеряет личностные свойства, аналогичные свойствам «большой пятерки», а также дополнительный фактор «честность–склонность к обману».

Полученные данные подверглись обработке методами математической статистики. Для определения степени связи свойств «Темной триады» между собой и с обобщенными личностными свойствами HEXACO использовался линейный корреляционный анализ по Пирсону. В исследовании использовался также множественный регрессионный анализ для определения особенностей связи свойств «Темной триады» через проверку трех моделей, которые позволят выяснить, насколько вариативность каждого свойства «Темной триады» объясняется значениями других ее свойств.

Результаты и их обсуждение

Анализ полученных данных проводился в два этапа. На первом этапе для подтверждения существования симптомокомплекса «Темная триада» на нашей выборке применялся корреляционный анализ, как это было выполнено в более ранних исследованиях [22]. Полученные значимые прямые корреляционные взаимосвязи между всеми свойствами «Темной триады» представлены на рисунке. Наибольшее значение коэффициента корреляции имеют «психопатия» и «макиавеллизм», а наименьшее «психопатия» и «нарциссизм».

Рис. N=256, все корреляции значимы на уровне $p < .001$

Далее использовался множественный регрессионный анализ. Были построены три линейные модели, в которых в качестве зависимой переменной выступало каждое свойство «Темной триады», а в качестве независимых – два других.

В результате лучшей моделью, объясняющей взаимосвязи между свойствами «Темной триады», оказалась *Модель 3* (табл. 1), в которой вариативность «макиавеллизма», объясняемая с помощью «нарциссизма» и «психопатии» (предикторов) составляет 31 %, что свидетельствует о достаточной степени детерминации.

В моделях, где «макиавеллизм» выступает предиктором вместе с другими свойствами симптомокомплекса, объяснимость модели снижается. «Макиавеллизм» определяет дисперсию «нарциссизма» и «психопатии»

в наибольшей степени ($b^*=,30$; $b^*=,47$ соответственно), а вклад переменных, находящихся в паре с ним, становится незначимым ($b^*=,10$; $b^*=,11$). Другими словами, при фиксированных значениях «макиавеллизма» значение частных корреляций других свойств становится незначимым. Вероятно «макиавеллизм» личности занимает особое место среди компонентов «Темной триады». Дополнительно сравнивая коэффициенты частных корреляций, можно заметить, что «психопатия» объясняет больший процент дисперсии значений «макиавеллизма», чем «нарциссизм» ($b^*=,44$; $b^*=,24$).

Таблица 1

**Результаты множественного регрессионного анализа свойств
«Темной триады»**

Зависимая переменная	R ²	F-критерий	Предиктор	Beta
Модель 1				
Нарциссизм	,14	19,758	Макиавеллизм	,30 ***
			Психопатия	,11
Модель 2				
Психопатия	,26	45,313	Макиавеллизм	,47 ***
			Нарциссизм	,10
Модель 3				
Макиавеллизм	,31	56,326	Нарциссизм	,24 ***
			Психопатия	,44 ***

Примечание: *** $p < ,001$

Результаты множественного регрессионного анализа подтвердили то, что симптомокомплекс обладает внутренней структурой, в которой «нарциссизм» и «психопатия» в достаточной степени определяют вариативность «макиавеллизма». В свою очередь «макиавеллизм» является значимым для вариативности «нарциссизма» и «психопатии». Вероятно, такое «взаимообусловливание» и позволяет говорить о существовании всего симптомокомплекса.

Второй этап исследования заключался в определении взаимосвязи «Темной триады» и обобщенных свойств личности с помощью корреляционного анализа Пирсона. Наибольшее число отрицательных связей обнаружилось для «честности-склонности к обману» (табл. 2). Также отрицательно связанными оказались «макиавеллизм» и «психопатия» с «доброжелательностью». Кроме того, были получены связи между «макиавеллизмом» и «эмоциональностью», «нарциссизмом» и «экстраверсией», «психопатией» и «сознательностью».

Вероятно, связь симптомокомплекса и свойства «честность–склонность к обману» объясняется тем, что в НЕХАСО честность по смыслу и по содержанию пунктов противоположна «Темной триаде». Кроме этого, общим для «Темной триады» и «честности-склонности к обману» является их связь с такими психологическими характеристиками, как социальная доминантность, консерватизм, асоциальное поведение, склонность рисковать и использовать манипулятивные тактики [3].

Таблица 2

**Результаты множественного регрессионного анализа свойств
«Темной триады»**

Показатели	Макиавеллизм	Нарциссизм	Психопатия
Честность–склонность к обману	-,52 ***	-,20 **	-,41 ***
Эмоциональность	-,14 *	,01	-,04
Экстраверсия	,03	,24 ***	-,09
Доброжелательность	-,16 **	-,05	-,40 ***
Сознательность	-,01	,09	-,13 *

Примечание: * $p < ,05$; ** $p < ,01$; *** $p < ,001$

Взаимосвязи с «доброжелательностью» указывают на схожесть «макиавеллизма» и «психопатии», проявляющихся в низкой уступчивости и жесткости социального взаимодействия. Причем для «психопатии» это более характерно, чем для «макиавеллизма».

Связь «нарциссизма» и «экстраверсии» обусловливается высоким уровнем социальной смелости – одной из составляющих экстраверсии, что является характерным признаком нарциссических личностей. Кроме того, в детальном исследовании, посвященном связи нарциссизма с благоприятным первым впечатлением, «более нарциссичные» индивиды оказались гораздо активнее в общении, склонными использовать неожиданные выражения, шутки и в то же время они демонстрируют высокую уверенность в себе [23].

Также обнаружено, что респонденты, которые обладают более высоким уровнем «макиавеллизма», характеризуются низкой потребностью в эмоциональной поддержке, некоторым уровнем бесстрашия, сниженными тревожностью и сентиментальностью. Такие характеристики составляют так называемый «холодный» синдром свойств макиавеллистов, что позволяет им довольно успешно реализовывать различные манипулятивные тактики, не ощущая при этом эмоционального дискомфорта. В свою очередь для «психопатии» характерны недостаточное усердие, плохая организованность, слабая благоразумность и выраженная недалёковидность, которые отражают одну из основных сторон психопатии – импульсивность в поведении и принятии решений.

Полученные связи обобщённых свойств личности и «Темной триады» частично повторяют результаты предыдущих исследований. Сходным оказалось наличие отрицательных связей «макиавеллизма», «психопатии» и «доброжелательности»; «сознательности» и «психопатии»; положительных – между «нарциссизмом» и «экстраверсией» [22]. При сравнении результатов можно заметить, что свойства «большой пятерки», связанные с «Темной триадой», различаются как по количеству, так и по силе связей, что обусловливается применением различающихся методик при измерении личностных свойств.

Выводы

1. Существование симптомокомплекса «Темная триада» было подтверждено на выборке Пермских студентов. Симптомокомплекс имеет внутреннюю структуру связей, где «макиавеллизм» занимает особое место, причем вариативность этого свойства определяется и объясняется двумя другими свойствами «Темной триады».

2. Полученные связи обобщённых свойств личности и «Темной триады» частично повторяют результаты других исследований об отрицательных связях «макиавеллизма», «психопатии» и «доброжелательности»; «сознательности» и «психопатии»; и положительных – между «нарциссизмом» и «экстраверсии» [24]. Описание личности, обладающей симптомокомплексом «Темная триада» через связь черт с обобщенными свойствами личности довольно интересно: такие люди социально смелы, редко беспокоятся и часто не нуждаются в эмоциональной поддержке, но при этом подвержены сиюминутным импульсам, непредсказуемы и порой неблагоприятны.

В целом можно заключить, что симптомокомплекс «Темная триада» в значительной степени объясняется обобщенными диспозиционными свойствами личности, но при этом остается самостоятельным, со своей спецификой, комплексным свойством.

Список литературы

1. Бурцев А.О. Возникновение и развитие понятия «психопатия»: отечественные и зарубежные исследования личностных расстройств в XIX столетии // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2014. – № 3 (6). – С. 9–27.
2. Егорова М.С. Макиавеллизм в структуре личностных свойств // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия 10. Дифференциальная психология. – 2009. – № 1/2. – С. 65–80.
3. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 38. – С. 12.
4. Знаков В.В. Макиавеллизм: Психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. – 2000. – № 5. – С. 16–22.
5. Ларина А.Д. Подходы, установки и перспективы в исследовании макиавеллизма // Вопросы психологии / ред. Е.В. Щедрина, А.Г. Асмолов. – 2010. – № 3 (март-апрель). – С. 75–83.
6. Лебединский В.В. Нарушения психического развития в детском возрасте: учеб. пособие для студентов психол. фак. вузов. – М.: Академия, 2003. – 144 с.
7. Максимова Н.Ю., Милютин Е.Л., Пискун В.М. Основы детской патопсихологии: учеб. пособие. – Киев: Перспектива, 1999. – 432 с.
8. Соколова Е.Т., Иванищук Г.А. Проблема сознательной и бессознательной манипуляции // Психологические исследования. – 2013. – 6(28). – С. 3.

9. *Фрейд З.* О нарциссизме // Очерки по психологии сексуальности. – Минск: Поппури. – 2003. – 460 с.
10. *Шамишкова О.А., Клепикова Н.М.* Операционализация понятия «нарциссизм» в пределах психической нормы // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 3. – С. 151–158.
11. *Blair R.J.R.* Neurocognitive models of aggression, the antisocial personality disorders, and psychopathy // J. Neurol. Neurosurg. Psychiatry. 2001. – V. 71. – P. 727–731.
12. *Christie R., Geis F.* Studies in machiavellianism. – N.Y.: Academic Press, 1970.
13. *Cleckley H.* The Mask of Sanity. – C.V. Mosby, 1976. – 596 p.
14. *Jones D.N., Paulhus D.L.* Introducing the Short-Dark Triad (SD3): A brief measure of dark personality traits. Assessment. – 2014. – N. 21(1). – P. 28–41.
15. *Karpman B.* The Myth of Psychopathic Personality // American Journal of Psychiatry. – N. 104, March. – 1948. – P. 523–534.
16. *Kirsch L.G., Becker J.V.* Emotional deficits in psychopathy and sexual sadism: Implications for violent and sadistic behavior // Clin. Psychol. Rev. – 2007. – V. 27, N. 8. – P. 904–922.
17. *Lee K., Ashton M.C.* Psychometric properties of the HEXACO personality inventory // Multivariate Behavioral Research. – 2004. – N. 39(2). – P. 329–358.
18. *Mealey L.* The sociobiology of sociopathy: An integrated evolutionary model // Behavioral and Brain Sciences. – 1995. – V. 18. – P. 523–541.
19. *McHoskey J.* Narcissism and machiavellianism // Psychol. Reports. – 1995. – V. 77. – P. 755–759.
20. *McHoskey J.* Machiavellianism and personality dysfunction // Person, and Individ. Diff. – 2001. – V. 31, N. 5. – P. 791–798.
21. *Millon Th., Millon C.M., Meagher S., Grossman S., Ramnath R.* Personality Disorders in Modern Life. – NJ, John Wiley&Sons, 2004. – 627 p.
22. *Paulhus D., Williams K.* The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. – 2002. – V. 36.
23. *Schmukle S.C., Egloff B., Back M.D.* Why Are Narcissists so Charming at First Sight? Decoding the Narcissism–Popularity Link at Zero Acquaintance. Journal of Personality and Social Psychology. – 2010. – N. 98(1). – P. 132–145.

УДК 159.923

Орлова Дарья Григорьевна

ассистент кафедры теоретической и прикладной психологии

*ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, Сибирская, 24, +7(342)212-14-67,**e-mail: 13-orlova@mail.ru***ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СТРУКТУРА, ИССЛЕДОВАНИЯ
(ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)****Darya G. Orlova**

assistant of the Department of theoretical and applied psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education**«Perm State Humanitarian Pedagogical University»**24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: 13-orlova@mail.ru***PSYCHOLOGICAL AND SUBJECTIVE WELL-BEING: DEFINITION,
STRUCTURE, RESEARCHES (REVIEW OF CURRENT PUBLICATIONS)**

Аннотация. В статье представлен обзор основных теорий психологического и субъективного благополучия (Н. Бредберна, Э. Динера, К. Рифф) в исторической последовательности, а также эмпирических исследований субъективного благополучия и внешних, по отношению к личности, условий. Актуальность данной работы состоит в систематизации накопленного объема данных и выявлении проблемных зон в изучении психологического и субъективного благополучия.

Ключевые слова: психологическое благополучие; субъективное благополучие; здоровье; доход; основные жизненные события.

Abstract. This article reviewed the major theories of psychological and subjective well-being (N. Bradburn, E. Diener, K. Riff) in historical sequence, empirical studies of subjective well-being and external to the individual conditions.

The relevance of this work is to systematize the accumulated amount of data and identifying problem areas in the study of psychological and subjective well-being.

Key words: psychological well-being; subjective well-being; health; income; major life events.

Понятие «психологическое благополучие» вошло в состав научных терминов уже достаточно давно, и на данный момент существует многообразие подходов к определению содержания этого понятия. Целью данной статьи является обзор эмпирических исследований психологического благополучия, проведенных за последние 10 лет в зарубежной психологии.

Прежде чем обратиться к результатам исследований, рассмотрим существующие на данный момент теории психологического благополучия.

Во второй половине XX в., в связи с ростом интереса к психологическому здоровью (наряду с привычным физическим здоровьем) были разработаны специфические психологические критерии здоровья [18]. В дальнейшем это привело к появлению целого ряда исследований различных аспектов данного вида здоровья, и в частности, психологического благополучия.

Американский психолог Н. Бредберн [1] заложил теоретическую основу для понимания феномена психологического благополучия. Он определил данный феномен как баланс между двумя комплексами эмоций, накапливаемых в течение жизни – позитивным и негативным (в дословном переводе это позитивный и негативный аффект).

Дальнейшему пониманию феномена психологического благополучия способствовали работы Э. Динера [8; 9; 12], который ввел понятие «субъективное благополучие». Субъективное благополучие, по мнению автора, состоит из трех основных компонентов: удовлетворение, комплекс приятных эмоций (pleasant affect) и комплекс неприятных эмоций (unpleasant affect).

Несмотря на схожесть трактовок структуры психологического благополучия и структуры субъективного благополучия, Э. Динер все же не рассматривает их как прямые аналоги. Он считает, что субъективное благополучие – лишь компонент психологического благополучия, отмечая при этом, что для описания последнего необходимо вводить дополнительные характеристики [9; 22].

Еще одним автором, внесшим вклад в изучение психологического благополучия, стала американская исследовательница К. Рифф [28; 29]. Опираясь на исследования Н. Бредберна, она разработала собственную структуру благополучия. К. Рифф выделила шесть основных компонентов психологического благополучия: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни и личностный рост.

В целом для подведения итогов обзора западных концепций можно обратиться к классификации, автором которой является Р.М. Райан [27]. Ученый разделяет все подходы к пониманию благополучия на два основных направления: гедонистическое (от греч. hedone – удовольствие) и эвдемонистическое (от греч. eudaimonia – блаженство, счастье). Такие представители гедонистического направления, как Д. Канеман [14; 19], Н. Бредберн [1], Э. Динер [8; 9; 12] описывают благополучие главным образом в терминах удовлетворенности-неудовлетворенности. В свою очередь

приверженцы эвдемонистического понимания данной проблемы (К. Рифф, А. Уотерман) считают, что личностный рост – главный и самый необходимый аспект благополучия [28; 29; 31; 32].

Общую картину классических теорий благополучия можно представить следующим образом (см. рисунок).

Рис. Классические подходы к пониманию благополучия в зарубежной психологии

Как говорилось ранее, автором термина «психологическое благополучие» является Н. Бредберн (1969), который считал, что структура психологического благополучия состоит из 2 компонентов: позитивного и негативного аффекта. Э. Динер (1984) добавил к данной структуре ещё одну составляющую – «удовлетворенность жизнью», как более глобальный и когнитивный компонент и назвал благополучие субъективным, делая акцент на том, что для изучения благополучия только эмоционального компонента недостаточно. К. Рифф (1989) в свою очередь оспорила точку зрения Э. Динера, придя к выводу, что субъективное благополучие и его составляющие носят чрезмерно изменчивый характер и мало отражают общую картину благополучия в долгосрочной перспективе [4]. Она получила более подробную структуру психологического благополучия, состоящую из 6 представленных на рисунке факторов.

Несмотря на серьезную теоретическую обоснованность подходов, поразному определяющих психологическое благополучие, в последнее время наблюдается тенденция к объединению различных теорий и комплексному изучению благополучия. Существует ряд исследований, свидетельствующих о положительных корреляционных связях между психологическим и субъективным благополучием, что говорит о том, что данные понятия тесно взаимосвязаны [19; 20].

Однако, несмотря на тенденцию к сближению различных подходов к пониманию благополучия, на данный момент в зарубежной психологии превалирует количество исследований, затрагивающих конкретно субъективное благополучие [5; 9; 21; 30].

А. Уотерман утверждает, что одной из причин более подробной научной разработки субъективного благополучия являются фундаментальные различия в интерпретации эвдемонистического подхода, что привело к проблемам с терминологией и теоретической базой. В сочетании с тем фактом, что эвдемонистический подход изучается только около 20 лет, а гедонистический подход вдвое дольше, неудивительно, что субъективное благополучие более строго определено и разработано [31; 32].

В работах, посвященных субъективному благополучию, часто встречаются такие понятия, как аффективный компонент, или аффективное благополучие (позитивный и негативный аффект), и когнитивный компонент, или когнитивное благополучие (удовлетворенность жизнью) [4; 5; 10; 24; 25].

Аффективное благополучие соотносится с частотой и интенсивностью положительных и негативных эмоций и настроением; когнитивное благополучие соотносится со специфическими и глобальными оценками жизни, такими как удовлетворение семейной жизнью или жизнью вообще. Растущий объем эмпирических исследований указывает на то, что аффективное и когнитивное благополучие связаны между собой, но различны по параметру временной стабильности [13; 24] и имеют различные предикторы и последствия.

В изучении проблемы субъективного благополучия выделяются две позиции: внутренняя, связанная с самосознанием, особенностями личности, и внешние по отношению к личности условия как возможность повышения уровня благополучия.

В данном обзоре мы подробнее остановимся на изучении субъективного благополучия с внешней позиции, которую в свою очередь можно также подразделить на несколько основных направлений исследований:

1. Изучение связи субъективного благополучия и здоровья/долголетия.

Заключение о том, что субъективное благополучие является предиктором здоровья и долголетия здоровых людей, является бесспорным выводом соотношения данных феноменов Э. Динера и соавт. [10; 11].

Однако связь субъективного благополучия и здоровья людей с уже имеющимися заболеваниями не столь однозначна. С. Прессман и С. Коэн (2005) предположили, что позитивный аффект может причинять ущерб здоровью людей на поздней стадии болезни с неблагоприятным краткосрочным прогнозом и в то же время быть полезным для тех болезней, которые имеют хорошие долгосрочные перспективы. Кроме того, в некоторых случаях, таких как астма, высокий уровень позитивного аффекта может приводить к обострениям и приступам [26].

Ю. Чида и А. Стептой (2008) пришли к выводу, что положительные психологические состояния могут оказывать влияние на воспалительные процессы и факторы свертывания крови, которые участвуют в сосудистых заболеваниях [6].

Результаты метаанализа экспериментальных исследований, которые опубликовали Е. Чоу, М. Тсао и Т. Харт (2004), посвящены взаимосвязи выживаемости больных с метастатическим раком и психосоциальных

вмешательств (усилия по повышению благополучия и снижению негативных состояний). Авторы пришли к выводу, что с небольшими оговорками можно сказать, что влияние на выживаемость посредством повышения уровня благополучия не привело к ожидаемым результатам (т.е. повышению выживаемости) [7].

Отдельного внимания заслуживают исследования, касающиеся связи субъективного благополучия и боли. Прессман и Коэн (2005) установили, что положительные эмоции связаны с уменьшением болевых ощущений и повышением болевого порога [26]. Аналогичные результаты были получены Хоуэллом и соавт. [17].

2. Исследование связи субъективного благополучия и дохода.

Эмпирические исследования, как правило, демонстрируют умеренную положительную корреляцию между субъективным благополучием и доходом. В работе М. Люмана, У. Шиммака и М. Эйда исследовались стабильные и изменчивые факторы, определяющие отношения между аффективным благополучием и доходом в британских домохозяйствах ($N = 37,041$ чел.) и отношения между когнитивным благополучием и доходом ($N = 31,871$ чел.). Результаты показали, что связь между субъективным благополучием и доходом, во-первых, может быть линейной, т.е. богатые люди, как правило, более благополучны, во-вторых, разброс индивидуальных различий в показателях и благополучия и дохода может изменять линейность этой связи [25].

В еще одном, грандиозном по своим масштабам, исследовании (в рамках всемирного опроса компании Gallup) изучались причины того, почему благополучие ассоциируется с более высоким уровнем доходов [12]. Среди этих причин были перечислены следующие: высокий доход свидетельствует об удовлетворенности базовых потребностей, потребностей в принятии и уважении; высокий доход является свидетельством достижения целей и т.д. Согласно полученным результатам доход является сильным предиктором оценки жизни (когнитивное благополучие), но гораздо слабее прогнозирует позитивные и негативные чувства (аффективное благополучие).

3. Исследование связи субъективного благополучия и адаптации к событиям в жизни.

В повседневной жизни большинство людей считает, что основные события жизни, такие как брак или потеря работы, оказывают огромное воздействие на психологическое благополучие. Однако в течение десятилетий многие исследователи утверждали совершенно противоположное [3; 15; 16; 17].

Свадьба или развод, выигрыш в лотерею или потеря состояния, новая работа или увольнение, по мнению этих исследователей, ни одно из подобных событий не должно повлиять на уровень субъективного благополучия в долгосрочном периоде, потому что люди быстро и неизбежно адаптируются к любым жизненным изменениям.

В одних из первых исследований П. Брикмана с соавт. (1971, 1978) направленных на изучение жизненных событий и субъективного благополучия, уровни субъективного благополучия недавних победителей лотереи и людей

с параличом сравнивались со средним уровнем субъективного благополучия контрольной группы [2; 3]. Поскольку различий было найдено гораздо меньше, чем ожидалось, авторы пришли к выводу, что и победители лотереи, и люди с параличом полностью адаптировались к произошедшим жизненным событиям.

Метаанализ исследований в рамках данной тематики был выполнен М. Люманом, М. Эйдом, У. Хофманном и Р. Лукасом [23]. Авторы изучали следующие вопросы: оказывают ли различное влияние жизненные события на аффективное и когнитивное благополучие и как показатель адаптации варьируется в зависимости от различных жизненных событий. Лонгитюдные данные из 188 публикаций (313 выборок, N=65,911) были объединены для описания реакций и адаптации к 4 событиям, связанным с семьей (вступление в брак, развод, тяжелая утрата, рождение ребенка), и 4 событиями, связанным с работой (потеря работы, новая работа, выход на пенсию, переселение/миграция). Согласно полученным результатам основные события в жизни имеют очень разные воздействия на аффективное и когнитивное благополучие. Также было доказано, что большинство событий в жизни сильнее влияют на когнитивное благополучие.

В одном из недавних исследований М. Люмана и соавт. [24] данные выводы были рассмотрены с точки зрения изучения структур аффективного и когнитивного благополучия при учете временного фактора. Другими словами, авторы предполагали, что эмпирические различия между аффективным и когнитивным благополучием могут быть вызваны разными временными периодами, подразумеваемыми респондентами, при оценке данных видов благополучия. Однако данная гипотеза не подтвердилась, и авторы пришли к выводу, что при ответе на вопросы, относящиеся к изучению аффективного и когнитивного благополучия, респондент не подразумевает разницы во времени.

Перспективным направлением в изучении аффективного и когнитивного компонентов благополучия является лонгитюдное исследование, как, например, в вышеназванной работе М. Люмана и соавт. [23]. Лонгитюд позволяет оценить оба компонента субъективного благополучия с учетом норм возрастных изменений и нормативных личностных кризисов, что является его несомненным преимуществом.

В целом, подводя итоги данного обзора, можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что понятие «психологическое благополучие» и его возможные вариации изучается уже более 50 лет, единого понимания данного феномена на сегодняшний день не существует. Необходима систематизация массива накопленных данных и разработка некоего обобщающего подхода, сочетающего в себе сильные стороны эвдемонистического и гедонистического подходов. Поскольку путаница в теоретической базе приводит и к проблемам диагностики психологического благополучия, необходимо крайне внимательно подходить к подбору диагностического инструментария и оценке полученных данных.

2. Все вышеописанные исследования связаны с изучением проблемы соотношения субъективного благополучия и внешних по отношению к личности условий. И если связь субъективного благополучия с доходом и важными жизненными событиями вполне однозначна, то соотношение психологического и физического здоровья, несмотря на огромное количество исследований, все еще остается наиболее малоизученным и вместе с тем перспективным. На наш взгляд, отдельного внимания требует сравнение личностных структур и места психологического благополучия в них у здоровых людей и людей определенными группами заболеваний (например, заболевания сердечно-сосудистой сферы).

Изучение проблемы психологического благополучия, несомненно, является актуальным и перспективным. В дальнейших работах планируется уделить пристальное внимание соотношению психологического благополучия и особенностей личности, а также диагностическому инструментарию, направленному на изучение психологического благополучия и его составляющих.

Список литературы

1. *Bradburn N.* The Structure of Psychological well-being. – Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. – 320 p.
2. *Brickman P., Campbell D.T.* Hedonic relativism and planning the good society // Appley M.H. (Ed.), *Adaptation level theory: A symposium.* – London, England: Academic Press. – 1971. – P. 287–302.
3. *Brickman P., Coates D., Janoff-Bulman R.* Lottery winners and accident victims: Is happiness relative? // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1978. – № 36. – P. 917–927.
4. *Burns R.A., Machin M.A.* Identifying gender differences in the independent effects of personality and psychological well-being on two broad affect components of subjective well-being//*Personality and Individual Differences.* – 2010. – № 48. – P. 22–27.
5. *Busseri M.A., Sadava S.W.* A review of the tripartite structure of subjective well-being: Implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis//*Personality and Social Psychology Review.* – 2011. – № 15(3). – P. 290–314.
6. *Chida Y., Steptoe A.* Positive psychological well-being and mortality: A quantitative review of prospective observational studies // *Psychosomatic Medicine.* – 2008. – № 70. – P. 741–756.
7. *Chow E., Tsao M.N., Harth T.* Does psychosocial intervention improve survival in cancer? A meta-analysis//*Palliative Medicine.* – 2004. – № 18. – P. 25–31.
8. *Diener E.* Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem // *J. of Personality and Social Psychology.* – 1995. – № 68. – P. 653–663.
9. *Diener E.* Subjective well-being//*Psychological Bulletin.* – 1984. – № 95. – P. 542–575.

10. *Diener E., Chan M. Y.* Happy people live longer: Subjective well-being contributes to health and longevity // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. – 2011. – № 3(1). – P. 1–43.
11. *Diener E., Ng W., Harter J., Arora R.* Wealth and happiness across the world: Material prosperity predicts life evaluation, whereas psychosocial prosperity predicts positive feeling. *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2010. – № 99(1). – P. 52–61.
12. *Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L.* Subjective Well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*. – 1999. – Vol. 125 (2). – P. 276–302.
13. *Eid M., Diener E.* Global judgments of subjective well-being: Situational variability and long-term stability//*Social Indicators Research*. – 2004. – Vol. 65(3). – P. 245–277.
14. *Frederick S., Loewenstein G.* Hedonic adaptation // *Kahneman D., Diener E., & Schwarz N. (Eds.), Well-being: The foundations of hedonic psychology*. – New York, NY: Russell Sage Foundation, 1999. – P. 302–329.
15. *Headey B., Wearing A.J.* Personality, life events and subjective well-being: Toward a dynamic equilibrium model // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1989. – № 57. – P. 731–739.
16. *Headey B., Wearing A.J.* Understanding happiness: A theory of subjective well-being. – Melbourne, Australia: Longman Cheshire, 1992.
17. *Howell R.T., Kern M.L., Lyubomirsky S.* Health benefits: Metaanalytically determining the impact of well-being on objective health outcomes//*Health Psychology Review*. – 2007. – № 1. – P. 83–136.
18. *Jahoda M.* Current concepts of positive mental health. – New York: Basic Books, 1958. – 136 p.
19. *Kahneman D., Diener E., Schwarz N.* Well-being: The Foundations of Hedonic Psychology. – NY.: Russell Sage Found, 1999. – P. 3–25.
20. *Keyes C.L.M., Shmotkin D., Ryff C.D.* Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions//*Journal of Personality and Social Psychology*. – 2002. – Vol. 82. – P. 1007–1022.
21. *Linley P.A., Maltby J., Woodc A.M., Osborne G., Hurling R.* Measuring happiness: The higher order factor structure of subjective and psychological well-being measures//*Personality and Individual Differences* – 2009. – № 47. – P. 878–884.
22. *Lucas R.E., Diener E., Suh E.* Discriminant validity of well-being measures// *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1996. – № 71(3). – P. 616–628.
23. *Luhmann M., Hofman W., Eid M., Lucas, R.E.* Subjective Well-Being and Adaptation to Life Events: A Meta-Analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2012. – Vol. 102, No. 3. – P. 592–615.
24. *Luhmann M., Hawkey L.C., Eid M., Cacioppo J.T.* Time frames and the distinction between affective and cognitive well-being // *Journal of Research in Personality*. – 2012. – № 46. – P. 431–441.

25. *Luhmann M., Schimmack U., Eid M.* Stability and variability in the relationship between subjective well-being and income // *Journal of Research in Personality*. – 2011. – № 45(2). – P. 186–197.
26. *Pressman S.D., Cohen S.* Does positive affect influence health? // *Psychological Bulletin*. – 2005. – № 131. – P. 925–971.
27. *Ryan R.M., Deci E.L.* On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being//*Annual Review Psychology*. – 2001. – № 52. – P. 141–166.
28. *Ryff C.D.* Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1989. – Vol. 57. – P. 1069–1081.
29. *Ryff C.D.* The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1995. – Vol. 69. – P. 719-727.
30. *Schimmack U.* The structure of subjective well-being. The science of subjective well-being. – New York, NY US: Guilford Press, 2008. – P. 97–123.
31. *Waterman A.S.* Reconsidering happiness: A eudaimonist's perspective. *Journal of Positive Psychology*. – 2008. – Vol. 3. – P. 234–252.
32. *Waterman A.S.* Two conceptions of happiness: contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment//*J. of Personality and Social Psychology*. – 1993. – Vol. 64. – P. 678–691.

УДК 159.922

Харламова Татьяна Михайловна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии

*ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, Сибирская, 24, +7(342) 212-85-90, e-mail: psychair@yandex.ru***ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ АКТЕРОВ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛА****Tatiana M. Kharlamova**

Ph.D., assistant professor, chair of psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»**24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: psychair@yandex.ru***EFFECT OF BIOLOGICAL GENDER ON THE PSYCHOLOGICAL
STRUCTURE OF THE PERSONALITY OF ACTORS**

Аннотация. Проведен сравнительный анализ психологической структуры личности актеров самодеятельных театров в зависимости от их биологического пола. Установлено, что актрисы впечатлительны, ранимы и склонны к депрессиям. Значимыми компонентами их личности являются коммуникативные и семейные жизненные смыслы. В свою очередь актеры-мужчины не подвержены нервному утомлению, позитивно воспринимают критику, обладают высоким творческим потенциалом и выраженной потребностью в достижении. Факторные структуры личности респондентов также в значительной степени специфичны.

Ключевые слова: актеры; психологическая структура личности; гендерная идентичность; потребность в достижении; жизненные смыслы; направленность личности.

Abstract. This paper reports the results of a comparative analysis of the effect of biological gender on the psychological personality structure of amateur theatre actors. Female actors are found to be impressionable, vulnerable and prone to depression. Their most important personality components are communication and family-oriented life meanings. Male actors do not show nervous exhaustion, take criticism positively, have higher creative potential, and demonstrate prominent need for achievement. Factorial structures of the subjects' personalities are also largely specific.

Key words: actors; psychological structure of personality; gender identity; need for achievement; meanings in life; personality orientation.

Многочисленные исследования показывают, что в психологической науке сохраняется устойчивый интерес к личности представителей актерской профессии (Ю.И. Галкина [3], М.Л. Евсеева [4], Н.Н. Николаенко [5], Т.М. Харламова [8], А.Ф. Шаймуратова [9] и др. [1; 2; 6; 7]). При этом основные акценты делаются на изучении актеров профессиональных театров, в том числе их индивидуальных свойств, различных компонентов творческой деятельности, потребности в самоактуализации и предрасположенности к личностному и профессиональному кризису. Значительное внимание уделяется разработке программ психологического сопровождения актеров в процессе овладения ими профессией и в практической деятельности. На этом фоне проблемы актеров самодеятельных театров остаются недостаточно изученными. Мы постарались восполнить данный пробел в эмпирических исследованиях, поскольку считаем, что актер-любитель посвящает театральной деятельности достаточно времени, сил и таланта, чтобы состояться как активная саморазвивающаяся личность, имеющая общие психологические черты с профессиональными актерами.

Целью нашей работы стало изучение психологической структуры личности актеров в зависимости от их биологического пола, что делает наше исследование еще более актуальным. В качестве испытуемых выступили актеры самодеятельных театров Пермского края, разделенные с учетом их пола на две равные выборки. В сформированный нами диагностический комплекс вошли: личностные опросники Р. Кеттелла (16PF №187) и Г. Айзенка (EPQ), опросники для выявления маскулинности-фемининности С. Бэм и потребности личности в достижении Ю.М. Орлова, методики изучения системы жизненных смыслов В.Ю. Котлякова и направленности личности В. Смекала – М. Кучера. Полученные данные были обработаны с применением t-критерия Стьюдента, корреляционного и факторного анализа.

Проведенный нами t-критериальный анализ позволил установить, что в мужской выборке в большей степени, чем в женской, выражены показатели «замкнутость – общительность» (фактор «А» по Р. Кеттеллу), «интеллект» (фактор «В»), «эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость» (фактор «С»), «подчиненность – доминантность» (фактор «Е»), «подверженность чувствам – высокая нормативность поведения» (фактор «G»), «жесткость – чувствительность» (фактор «I»), «практичность – развитое воображение» (фактор «М»), «консерватизм – радикализм» (фактор «Q1»), «расслабленность – напряженность» (фактор «Q4»). В женской выборке в большей степени, чем в мужской, выражен показатель «уверенность в себе – тревожность» (фактор «О»). Можно предположить, что актрисы более склонны к депрессиям, более впечатлительны и ранимы, чем их коллеги мужского пола. В свою очередь актеры более открыты, общительны и естественны в поведении. Они испытывают более яркие эмоции, живо откликаются на любые события и при этом позитивно воспринимают критику. Обнаруживается и определенная взаимосвязь между уровнем их вербальной

культуры и эрудицией. Также актеры-мужчины, по сравнению с женщинами, более ответственные и работоспособные, быстрее обучаются. Они независимы в суждениях, настойчивы в достижении цели, менее подвержены нервному утомлению, более артистичны, склонны к романтизму и художественному восприятию мира, обладают более развитым воображением и высоким творческим потенциалом. Испытуемые данной выборки стремятся быть хорошо информированными, они склонны к экспериментированию и обладают более высокой мотивацией, которая может стать причиной их психической напряженности и фрустрированности.

Интересно, что в нашем исследовании не выявлены значимые различия средних значений показателей маскулинности и фемининности — характерологических и психологических особенностей, традиционно приписываемых мужчинам и женщинам. Возможно, это объясняется наличием у испытуемых тенденции к андрогинии, при которой гармонично сочетаются психологические признаки обоих полов и сохраняются отчетливые представления о собственной половой идентичности. В профессиональной актерской деятельности способность к перевоплощению относится к наиболее значимым качествам. В числе прочих творческих задач эта способность предполагает принятие и выполнение социальной и психологической роли противоположного пола. Успешность данной деятельности во многом зависит от психологической готовности испытуемых нарушить эволюционно оправданные и общественно закрепленные стереотипизированные требования к мужчинам и женщинам.

Проведенный нами далее корреляционный анализ позволил получить следующие достоверные данные. Всего в мужской выборке выявлено 110 значимых взаимосвязей между исследуемыми показателями, в том числе 50 положительных и 60 отрицательных. В женской выборке взаимосвязей выявлено 166, 95 и 71 соответственно. Можно предположить, что у актеров-мужчин на фоне достаточно развитых симптомокомплексов личностных свойств имеют место более выраженные компенсаторные возможности. То есть они более гибко адаптируются к различным сферам окружающей действительности, чем их коллеги-женщины. Установлено также, что в выборке актрис наибольшее количество корреляций (по 19) имеют показатели коммуникативных и семейных жизненных смыслов, незначительно уступают им показатели потребности в достижении (18), альтруистических смыслов и смыслов самореализации (по 17). Соответственно, в мужской выборке наибольшее количество взаимосвязей имеет показатель потребности в достижении (10) и ему незначительно уступают показатели направленности на взаимодействие, альтруистических и статусных смыслов, смыслов самореализации (по 9), а также направленности на задачу, гедонистических и коммуникативных жизненных смыслов (по 8 корреляций). Очевидно, наиболее значимый структурирующий эффект на личность актрис оказывает потребность заботиться о членах своей семьи, жить ради них, передавать все лучшее собственным детям, участвовать в судьбе родных и близких людей, а также открытость общению с другими людьми, способность переживать

эмоции, связанные с этим общением, чувствовать свою нужность и причастность к жизни других людей. Соответственно, у актеров-мужчин в качестве главного системообразующего компонента личности выступает потребность в достижении цели, что придает их жизнедеятельности интерес и смысл, направление движения, позволяет максимально эффективно использовать навыки, проявлять способности и реализовывать планы. Людям с высоким уровнем мотивации достижения есть для чего жить. Обозначенные характеристики согласуются и с профессиональной деятельностью актеров театра.

Также было установлено, что в исследуемых выборках общими являются 32 корреляции, в том числе 13 положительных и 19 отрицательных. Их наличие позволяет предположить, что в структуре индивидуальности актеров есть стабильный конструкт, который не зависит от их биологического пола. При этом, чем сильнее данные испытуемые ориентированы на задачу, что отражает преобладание мотивов, порождаемых деятельностью, увлечение ее процессом, стремление к познанию, овладению новыми умениями и навыками, тем более у них выражены коммуникативные и статусные жизненные смыслы, что предполагает открытость общению и потребность строить карьеру, добиваться успеха и признания в глазах окружающих (зрителей, критиков и т.п.). Соответственно, чем выше потребность в достижении, тем менее у актеров обоих полов выражена потребность заботиться о членах своей семьи, участвовать в их судьбе, а также тем менее они ориентированы на получение удовольствия от жизни, наслаждение разнообразными ощущениями и тем менее они пренебрегают собственной выгодой. Интересными, на наш взгляд, являются и такие взаимосвязи исследуемых показателей, которые в женской и мужской выборках отличаются только «знаком». Их наличие позволяет предположить, что чем сильнее у испытуемых выражена маскулинность, тем более женщины социально активны, склонны к риску, завистливы, эгоцентричны и подозрительны, а мужчины – сдержанны, терпимы и свободны от зависти. Соответственно, чем сильнее у респондентов обеих выборок выражена деловая направленность, тем менее женщины стремятся занять высокое положение в обществе и тем более мужчины стремятся к этому, добиваясь признания в глазах значимых окружающих.

Все остальные выявленные корреляции – специфические. Например, установлено, что чем сильнее у испытуемых обоих полов выражена личностная направленность (направленность на себя), что связывается с преобладанием мотивов собственного благополучия, игнорированием потребностей других людей, тем более у актеров-мужчин выражены властность, самоуверенность, упрямство (до агрессивности), склонность считать свой образ мыслей законом для окружающих, конфликтность и потребность в более высоком статусе и тем менее выражены благоразумие, осторожность, социальная активность и экстравертированность, в том числе открытость внутреннего мира, способность понимать других лучше, чем себя, общительность, оптимистичность, гибкость поведения, инициативность и т.д. В свою очередь чем сильнее направленность на себя выражена у актрис, тем менее они

ориентируются на смыслы саморазвития, основанные на потребности человека исполнить свое предназначение, реализовать все свои способности и возможности, совершенствовать свою личность и отношения с окружающим миром.

Интересным нам кажется и тот факт, что чем более значимы для актеров-мужчин когнитивные смыслы, основанные на потребности познавать жизнь, разбираться в противоречиях окружающего мира и собственной личности, искать смысл и причины происходящего, тем более они ориентированы на собственное благополучие, тем активнее стремятся к первенству и престижу. Подобная личностная направленность предполагает ориентацию на себя, свои чувства и переживания, поиск знаний, способствующих удовлетворению притязаний в профессиональной сфере, достижению в ней высокого статуса. Также, чем сильнее у данных испытуемых выражены когнитивные смыслы, тем более они властны, независимы в суждениях и поведении, своенравны и конфликтны, настойчивы в достижении цели и тем менее осторожны и благоразумны. Для сравнения, чем более значимы когнитивные смыслы для актрис, тем более они ориентированы на деятельность, увлечены ее процессом, бескорыстно стремятся к повышению профессионального мастерства, тем более они готовы в интересах театра сотрудничать с коллегами и тем менее склонны к риску.

В свою очередь, чем более значимы для актеров-мужчин экзистенциальные смыслы, основанные на потребности придавать ценность самому проживанию жизни, иметь свободу выбора, испытывать любовь во всех ее проявлениях, тем более они естественны в поведении, внимательны и мягкосердечны в отношениях, тем более способны живо откликаться на любые события, испытывать яркие эмоции. Тем менее им свойственны такие проявления маскулинного типа личности, как честолюбие, агрессивность и напористость. Соответственно, чем более значимы данные смыслы для актрис, тем более они ориентированы на социальное одобрение, тем более чувствительны, эмоциональны и тревожны.

Специфичные взаимосвязи показателя статусных смыслов, основанных на потребности человека занимать высокое общественное положение, позволяют утверждать следующее: чем сильнее выражены данные смыслы у актеров-мужчин, тем менее им свойственны такие фемининные психологические черты, как скромность, застенчивость, доверчивость, зависимость и тем более они нуждаются в свободе выбора. Соответственно, чем более значимы статусные смыслы для актрис, тем менее они открыты, доверчивы и естественны в общении, тем менее ригидны в мышлении и эмоциях, тем менее привержены правилам, нормам и авторитетному мнению, тем менее ориентированы на свой внутренний мир и тем большую потребность в достижении статусной цели они испытывают.

Интересны, на наш взгляд, и специфичные корреляции показателей маскулинности–фемининности, позволяющие утверждать, что чем более маскулинны актеры-мужчины, тем менее они наивны и непосредственны, а чем более фемининны – тем менее ориентированы на достижение высокого статуса

и менее экставертированы, тем более способны познавать мир, разбираться в собственной личности и тем болезненнее переживают неудачи, расстраиваются по мелочам. В свою очередь чем более фемининны актрисы, тем более они активны, открыты новому и свободны, а чем более маскулинны – тем более высоким творческим потенциалом обладают, тем более практичны, реалистичны и ориентированы на семейные, коммуникативные и альтруистические смыслы (передавать все лучшее собственным детям, чувствовать свою нужность и причастность к жизни других людей, служить общему благу, «служить театру», пренебрегая собственной выгодой).

Факторный анализ позволил выявить в каждой исследуемой выборке следующие наиболее значимые факторы. В выборке актеров-мужчин в первый фактор с положительным знаком вошли показатели направленности на взаимодействие, потребности в достижении цели, экзистенциальных, статусных смыслов и смыслов самореализации (имеет наибольший факторный вес), а с отрицательным знаком – показатели направленности на задачу, альтруистических, гедонистических, коммуникативных и семейных смыслов (последний имеет наибольший факторный вес). Это позволило назвать первый фактор «Жизненные смыслы самореализации и семейные смыслы». Во второй фактор с положительным знаком вошли показатели направленности на себя и когнитивных смыслов, мы назвали его по показателю, имеющему наибольший факторный вес, – «Когнитивные жизненные смыслы». Детерминантами обозначенных качеств выступают следующие свойства личности испытуемых: «подчиненность–доминантность» (фактор «Е»), «сдержанность–экспрессивность» (фактор «-F», имеет наибольший «отрицательный» вес), «подверженность чувствам–высокая нормативность поведения» (фактор «G», имеет наибольший «положительный» вес), «робость–смелость» (фактор «-H»), «жесткость–чувствительность» (фактор «-I»), «прямолинейность–дипломатичность» (фактор «-N»), «уверенность в себе–тревожность» (фактор «-O»), «консерватизм-радикализм» (фактор «-Q1») и «конформизм–нонконформизм» (фактор «Q2»).

Таким образом, выявленная нами факторная структура личности актеров-мужчин включает в себя жизненные смыслы самореализации и противоположные им по знаку семейные смыслы, а также когнитивные жизненные смыслы.

В выборке актрис в первый фактор с положительным знаком вошли показатели направленности на себя, гедонистических, коммуникативных (имеет наибольший факторный вес) и семейных смыслов, а с отрицательным знаком – показатели направленности на взаимодействие, смыслов самореализации (имеет наибольший вес) и статусных смыслов. Мы назвали первый фактор «Коммуникативные жизненные смыслы и смыслы самореализации». Обозначенные качества детерминированы такими свойствами личности, как «практичность–развитое воображение» (фактор «M»). Во второй фактор с противоположными знаками вошли показатели потребности в достижении цели и альтруистических смыслов, что позволило назвать его «Потребность в достижении цели и альтруистические жизненные смыслы». Детерминантами

данных качеств выступают: «замкнутость–общительность» (фактор «А»), «интеллект» (фактор «В»), «эмоциональная неустойчивость–эмоциональная устойчивость» (фактор «С»), «подчиненность–доминантность» (фактор «Е»), «подверженность чувствам–высокая нормативность поведения» (фактор «G»), «уверенность в себе–тревожность» (фактор «-О», имеет наибольший «отрицательный» вес), «консерватизм–радикализм» (фактор «-Q1», имеет наибольший «положительный» вес), «конформизм–нонконформизм» (фактор «Q2»), «расслабленность–напряженность» (фактор «Q4») и показатель маскулинности. В третий фактор женской выборки с положительным знаком вошел показатель экзистенциальных смыслов, а с отрицательными знаками – показатели направленности на задачу и когнитивных смыслов (имеет наибольший вес). Фактор назван «Экзистенциальные жизненные смыслы и когнитивные смыслы». Данные качества детерминированы такими личностными свойствами, как «робость–смелость» (фактор «Н», имеет наибольший факторный вес), «жесткость–чувствительность» (фактор «-I») и «низкий самоконтроль–высокий самоконтроль» («Q3»).

Таким образом, выявленная нами факторная структура личности актрис включает в себя коммуникативные жизненные смыслы и противоположные им по знаку смыслы самореализации, потребность в достижении цели и противоположные ей по знаку альтруистические жизненные смыслы, экзистенциальные жизненные смыслы и противоположные им по знаку когнитивные смыслы.

Сравнительный анализ результатов факторизации данных позволяет предположить, что выявленные факторные структуры личности достаточно специфичны, и эта специфика обусловлена биологическим полом испытуемых. Общим можно считать присутствие показателя когнитивных смыслов, при этом в мужской выборке он выступает в качестве самодостаточного компонента, а в женской выборке возможна его компенсация показателем экзистенциальных смыслов, что делает факторную структуру личности актрис более гибкой и адаптивной. Следует отметить, что и в других факторах женской выборки заложена возможность взаимной компенсации ее компонентов. Например, недостаточная личная профессиональная целеустремленность актрис может быть компенсирована их готовностью бескорыстно «служить театру», и этот факт не останется незамеченным другими, в том числе работодателями. Возможна и обратная тенденция, при которой недостаток альтруизма может быть компенсирован высокой мотивацией на достижение цели, чему способствует, например, такое свойство личности испытуемых, как уверенность в себе. Соответственно, недостаточно выраженная потребность в коммуникативных смыслах может быть компенсирована высокой потребностью актрис в самореализации, в совершенствовании своих способностей и личности в целом, в постоянном творческом росте, развитии своего мастерства. При наличии противоположной тенденции недостаток потребности в реализации своего предназначения компенсируется у испытуемых женской выборки выраженными способностями к общению, чувством причастности к жизни и деятельности других людей, в том числе

коллег по сцене. Этому процессу в значительной степени способствуют такие индивидуальные свойства актрис, как высокий творческий потенциал и развитое воображение. В мужской выборке, соответственно, недостаточно развитая потребность в самореализации может быть компенсирована выраженной потребностью участвовать в судьбе родных и близких людей, заботиться о них. А при наличии противоположной тенденции психологические эффекты взаимной компенсации компонентов личности актеров проявляются в том, что недостаточно развитая ориентация на семейные жизненные смыслы может быть компенсирована выраженной потребностью актеров-мужчин в реализации своего предназначения, в достижении успеха у зрителей, в признании со стороны критиков и коллег.

Полученные в нашем исследовании данные согласуются с результатами работ других авторов, например, Т.В. Пахомовой, доказавшей противоречивость структуры личности представителей актерской профессии и выделившей в качестве ведущих параметров их индивидуальности направленность на успех и стремление к реализации потенциальных возможностей.

Выводы

1. Актрисы самодеятельных театров более склонны к депрессиям, впечатлительны и ранимы, чем их коллеги мужского пола. В свою очередь актеры-любители более открыты, общительны, естественны в поведении, более ответственные, работоспособны, независимы в суждениях, настойчивы в достижении цели, более артистичны, склонны к романтизму и художественному восприятию мира, чем их коллеги женщины. Для всех испытуемых характерна тенденция к психологической андрогинии.

2. Наиболее значимый структурирующий эффект на личность актрис самодеятельных театров оказывают коммуникативные и семейные жизненные смыслы, содержанием которых является потребность в общении с другими людьми, в чувстве причастности и нужности им, потребность заботиться о членах своей семьи, жить ради них, передавать все лучшее собственным детям. Соответственно, у актеров-мужчин данных театров в качестве главного системообразующего компонента личности выступает потребность в достижении цели, что придает их жизнедеятельности интерес, смысл и направление движения.

3. В структуре личности испытуемых имеет место стабильный конструкт, не зависящий от их биологического пола. Его наличие позволяет утверждать, что чем более респонденты ориентированы на задачу (преобладают мотивы деятельности), тем сильнее у них выражены коммуникативные и статусные жизненные смыслы (потребность в общении и карьерном росте); чем выше у них потребность в достижении, тем менее выражена потребность заботиться о членах своей семьи, получать удовольствие от жизни и тем более они ориентированы на собственную выгоду.

4. Специфика корреляций исследуемых показателей проявляется в том, что чем сильнее у респондентов выражена направленность на себя (стремление

к удовлетворению притязаний, первенству, престижу), тем более мужчины самоуверенны и конфликтны и тем менее женщины склонны к саморазвитию; чем выше потребность испытуемых в когнитивных жизненных смыслах (стремление к познанию мира и собственной личности), тем более актеры-мужчины ориентированы на высокий статус, настойчивы в достижении цели, а актрисы – ориентированы на деятельность и бескорыстное повышение своего мастерства; чем более значимы для испытуемых экзистенциальные смыслы (потребность придавать ценность самому проживанию жизни), тем более мужчины естественны в поведении, внимательны, добры и тем менее честолюбивы и агрессивны, а женщины – более ориентированы на социальное одобрение, чувствительны и тревожны.

5. Специфичные взаимосвязи показателей маскулинности–фемининности позволяют утверждать, что чем более маскулинны актеры-мужчины из самодеятельных театров, тем менее они наивны и непосредственны, а чем более фемининны, тем менее ориентированы на достижение высокого статуса и тем более способны познавать мир и болезненно переживать неудачи. В свою очередь чем более фемининны актрисы данных театров, тем более они активны, открыты новому, а чем более маскулинны, тем более практичны, ориентированы на семейные, коммуникативные и альтруистические смыслы (передавать все лучшее собственным детям, чувствовать свою нужность и причастность к жизни других людей, служить театру, пренебрегая собственной выгодой).

6. Факторная структура личности респондентов также специфична, что обусловлено биологическим полом испытуемых. В мужской выборке компонентами данной структуры являются жизненные смыслы самореализации и семейные смыслы, а также когнитивные жизненные смыслы. В женской выборке, соответственно, – коммуникативные жизненные смыслы и смыслы самореализации, потребность в достижении цели и альтруистические жизненные смыслы, экзистенциальные жизненные смыслы и когнитивные смыслы. Наличие противоположных по знаку компонентов усиливает компенсаторные возможности личности испытуемых, например, недостаточная профессиональная целеустремленность актрис может быть компенсирована их готовностью бескорыстно «служить театру», а недостаточно развитая потребность в самореализации актеров-мужчин может быть компенсирована высокой потребностью участвовать в судьбе родных и близких людей.

Полученные данные и сформированный нами диагностический комплекс могут быть интересны и полезны руководителям самодеятельных театров, актерам-любителям, практикующим психологам, а также всем интересующимся проблемами саморазвития личности, гендерной идентичности и т.п. во взаимосвязи с биологическим полом респондентов.

Список литературы

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл, 2007. – 528 с.

2. Базаркина И.Н., Сенкевич Л.В., Донцов Д.А. Психология личности. – СПб.: Человек, 2014. – 176 с.
3. Галкина Ю.И. Критерии, показатели и уровни личностно-профессионального становления актеров. – М.: Школа-студия (институт) им. В.И. Немировича-Данченко при МХТ им. А.П. Чехова, 2010. – 32 с.
4. Евсеева М.Л. Гештальт-терапевтическое воздействие на личность актеров в кризисных состояниях: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – М., 2003. – 158 с.
5. Николаенко Н.Н. Психология творчества: монография. – СПб.: Речь, 2007. – 277 с.
6. Первин Л., Оливер Дж. Психология личности: теория и исследования. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 606 с.
7. Реан А.А. Психология личности. – СПб.: Питер, 2013. – 288 с. – (Серия «Мастера психологии»).
8. Харламова Т.М. Специфика взаимосвязей показателей свойств личности актеров в зависимости от их биологического пола = *Kharlamova T.M. On the specificity of the associations of personality traits of actors depending on their gender* // Международная научная конференция «Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники» («*Research Graduate School in priority areas of science and technology*», Швейцария, г. Берн, 27 апреля – 3 мая 2015 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 3. – С. 580–581.
9. Шаймуратова А.Ф. Профессиональная самоактуализация и профессионально важные качества личности будущих актеров // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 11. – С. 150–155.

РАЗДЕЛ 3. ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

УДК 59.9

Кази Саифуддин
Ашок Кумар Шаха
Ферджана Ахмед

*Департамент психологии, Университет Джаганнатх, Дакка 1100, Республика
Бангладеш*

E-mail: asoke_saha@yahoo.com

ПОЛУШАРНАЯ ДОМИНАНТНОСТЬ ЗВУКОВРЕМЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В МОЗГЕ ЧЕЛОВЕКА

**Prof. Dr. Kazi Saifuddin
Dr. Asoke Kumar Saha
Farjana Ahmed**

*Department of Psychology, Jagannath University, Dhaka, Bangladesh
Dhaka 1100, Bangladesh*

E-mail: asoke_saha@yahoo.com

HEMISPHERIC DOMINANCE OF AUDITORY TEMPORAL PERCEPTION IN HUMAN BRAIN

Аннотация. Исследовалась полушарная доминантность функции восприятия времени в условиях звукового стимула. Записывались слуховые вызванные потенциалы (СВП) испытуемого, находящегося в сурдокамере. С помощью компьютерных технологий оценивалась величина воздействия слухового стимула на межполушарные различия. Слуховые сигналы (белый шум) смешивались с варьирующимися уровнями звукового давления (УЗД) или с переменным шумом с постоянным интервалом около 1 мс. В результате было обнаружено доминирование СВП в левом полушарии по сравнению с правым полушарием ($p < 0.05$). Также было обнаружено левополушарное доминирование латентности СВП ($p < 0.01$). Делается вывод о том, что левое полушарие человеческого мозга является доминантным для функции звуковременного восприятия.

Ключевые слова: звуковременное восприятие; слуховые вызванные потенциалы; уровень звукового давления.

Abstract. Hemispheric dominance was tested for only temporal perception when the stimuli were auditory type in human. In an anechoic chamber auditory evoked potentials (AEP) for the single subject were recorded by the summing computer technique to study the magnitude effects of auditory stimuli on the hemispheric differences. Auditory signals (white noise) were propagated with different values of sound pressure level (SPL) or magnitudes with constant rise and fall times about 1 ms. In the results, dominating amplitudes of AEP were found for the left-hemisphere ($p < 0.05$) than that of the right-hemisphere. Also dominating latencies of AEP were found for the left-hemisphere ($p < 0.01$) than that of the right-one. Left-hemisphere was concluded as dominating than that of the right one for the auditory-temporal perception in human brain.

Key words: auditory temporal perception duration; auditory evoked potential; sound pressure level.

Introduction

Each part of cerebral hemisphere processes environmental information in a different but complementary manner. Structures perception located in the left hemisphere are assumed to participate in symbolic-logical thinking. Thus, the time perception should be investigated in the context of hemispheric dominance or specialization. Because of the horizontal axis as time is determinant of all material changes on the vertical axis. In connection with this a reversal group was used before to carry out a complementary test in which subjects responded in the first block of experiments with the non-dominant (left) hand and with the dominant hand in the second [11]. Results showed that left hemisphere activity was continuous during the interval-learning stage and with optimal reaction times and remained continuous when estimation values approximated the real interval. In addition, in optimal reaction time and near to optimal time estimation responses, the left side showed lower frequency and alpha ratio than did the right. Results from the reversal group did not differ from those of the first group.

Sperry's experiments demonstrated the existence of lateralization or hemispheric dominance (Nobelprize.org). However, it should be noted that the study of hemispheric dominance and lateralization is very complex and includes many open questions and inconclusive research. In addition, it should be noted that these instances of lateralization tend to occur in functionally specific and neurologically local fashions, rather than making people "left-brained" or "right-brained" as a whole [7]. The right hemisphere is dominant in early processing of words in Mandarin while the left is dominant in late processing [9].

The perception of temporal duration was measured against the different auditory background. Subjective time is not isomorphic to physical time [3] the subjective duration of an event can be systematically overestimated, a phenomenon referred to as «time dilation», «time subjective expansion» [16] or «chronostasis» [5; 17]. Time dilation was recently proposed to rely on the predictability of the event to be judged: low probability events (i.e. high unpredictability) would be experienced

as longer than high probability (i.e. high predictability) events of equal physical duration [16]. Distortions of subjective duration have also been reported in different contexts, namely, at the time of saccade [17; 10] or during voluntary action [12]. An extensive review of literature shows that the duration of an event is not solely experienced on the basis of its temporal properties: attention, arousal and emotional levels, expectancy and stimulus context can all affect the experience of time [6; 19] are related to the hemispheric specialization.

The click-evoked potentials from the human brainstem are currently used in audiology [2] and in neurology (Starr and Anchor, 1975). The average evoked potential to the auditory signal repetitions is determined by the amplitude and latency characteristics of the evoked-wave forms [13; 20] has shown that threshold at 1 kHz falls 10dB for a tenfold increase in duration up to about 200ms. It clearly indicated that greater amplitude and shorter latency are observed in the auditory evoked response as sensation level is raised [14] suggested that the latency of the evoked response decreased with an increase in signal duration because of temporal summation. In this case, amplitude and latency of the concern peaks can be calculated to explain the hemispheric dominance by comparing between the two hemispheres and a similar study was conducted by Saifuddin [15]. Though the temporal as well as the spatial factors are fundamental criterion of environment, and purpose of the present study is to obtain basic knowledge about the dominance of temporal factors over the spatial factors in cerebral hemisphere of the human brain.

Methods

Acoustic Signal

The sound as acoustic signal has been defined by four orthogonal factors of the autocorrelation function (ACF) as a prominent signal processor which is expressed by the equation 1 [1].

$$\Phi(\tau) = \frac{1}{2T} \int_{-T}^{+T} p(t)p(t + \tau) dt$$

(1)

Where, $p(t)$ is the signal (stimulus) at the entrance of the ears is the delay time, and $2T$ is the integration interval. In such ACF analysis, there are four parameters, namely-

- the energy represented at the origin of the delay, $\Phi(0)$;
- the amplitude, ϕ_1 , between the first peak and the zero crossing number;
- the structure including the time delay of the first peak, τ_1 , and
- the effective duration of the envelope of the normalized ACF, τ_e , which is defined by ten percentile delay or at which the envelope of the ACF becomes -10dB.

The first one (a) was used here as sound pressure level (SPL) in the white noise signal.

Subject

One subject (34 yr.) participated in this experiment. The male subject with normal hearing level took the conventional seat in the anechoic chamber and push the button when perceive signal duration is longer than the standard signal.

Signal Production

In total four white-noise signals with a constant duration of 4ms each were selected for the both physiological and psychological tests as normal wave form (Figure 1a). The rise and fall times of all signals were controlled by 1ms each. Such rise and fall times were measured based on the -3dB slop (Figure 1b). Four signals with SPL of 50, 60, 70, and 80 dB (A) were used through autocorrelation function (ACF) analyzer in the anechoic chamber.

Physiological Test

Four signals were produced repeatedly by a loudspeaker in the chamber from the horizontal distance about 74 ± 1 cm from the listening position. Right-handed subject was seated on a easy chair under relax session with close eye and no body movement. Two unipolar silver-disk electrodes were attached to the left and right temporal areas labeled as T3 and T4 respectively, according to the international 10–20 system (Jasper, 1958). The reference electrodes were located on the right and left earlobes and connected together. Ground electrode was placed at the center of the forehead and Silver electrodes (7 mm diameter) with electrolytic paste also used. In this session, electrical signals were amplified using a polygraph with a bandwidth of 0.3 50 60 Hz (Nihon Kohden Type 7109).

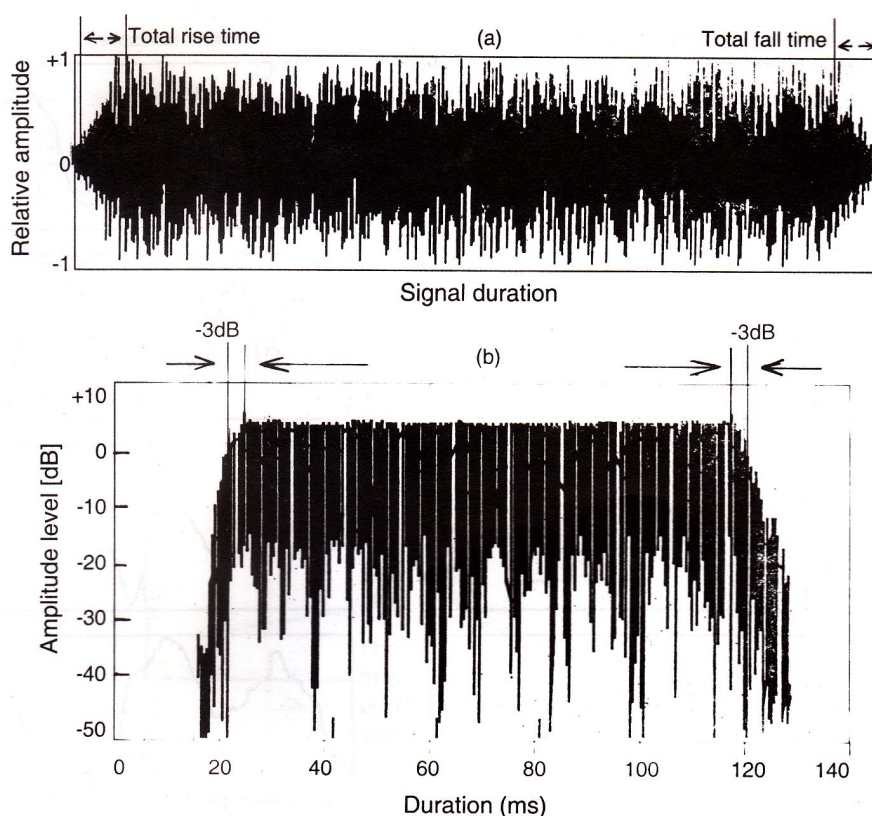

Figure 1: Wave form of sound signal: (a) normal slop, and (b) -3dB slop of rise and fall of the white noise

Forty responses were averaged online with a signal average (Nihon Kohden Type ATAC-450). The data from two channels of T3 and T4 were averaged simultaneously, and the data on four SPL conditions (50, 60, 70 and 80 dBA) were also averaged independently. The amplitudes were calibrated using a 50v calibration signal with an EEG amplifier.

Psychological Test

Different four paired-acoustic signals of white noise were presented in the by paired-comparison test through four sessions. First signal was white noise with constant duration 150ms and constant SPL 50dBA. Second signals of ten white noises with ten durations (140, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 210, 220 and 230ms) were used under four SPL conditions (50, 60, 70 and 80dBA) separately through four sessions. Rise and fall times of all signals were kept constant 1ms. The intra-pair and inter-pair presentation gaps were 1 and 3s, respectively. Each pair was repeated twenty times in each session. Subject judged whether second signal is longer than the first one and pushed button (Stanley, 1998). Subject went through four sessions with six different SPL conditions maintaining 10m rest time between two sessions and same setting position as before.

Results

The auditory evoked potentials (AEP) were recorded from the T3 and T4 positions of the skull. In this situation a short signal of about 4s duration was repeated alternatively as similar to the paired-comparison tests. The AEP responses were recorded and averaged of the 50 repetitions for each signal with different SPLs. Using the summation technique of the computer found wave-forms are shown in the Figure 2.

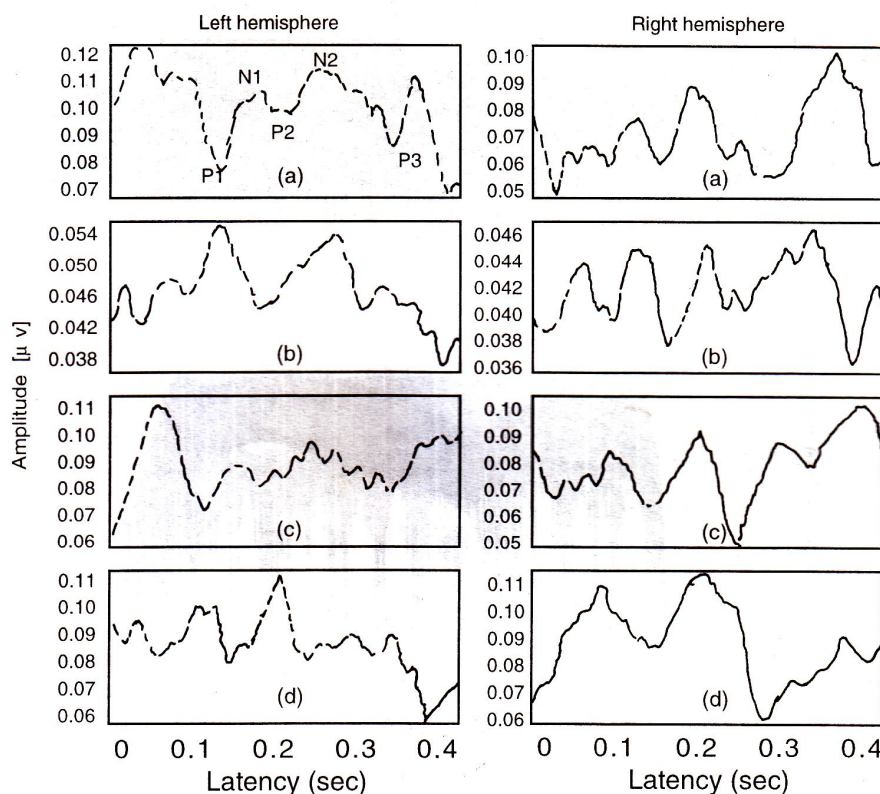

Figure 2: Averaged AEPs of the left and right hemispheres under four SPLs conditions: (a) 50dB, (b) 60dB, (c) 70dB, and (d) 80dB. Unit is defined as $50\text{v} = 0.614674$

In this wave forms of the physiological evoked, both the peaks as 'P' and 'N' with their sequential numbers were calculated on the basis of their latencies on horizontal axis and on the basis of amplitudes on the vertical one (Figure 3a and 3b). Here, P1, P2, P3, N1 and N2 were considered because of its concern with the psychological correlates.

Cumulative frequencies of duration judgments by the subject with four parameters of different SPL condition presented first in each pair shown in Figure 3(c). The 50 % line of the duration judgments when reference duration is 150ms was defined as threshold. On the 50 % line data were found 165.0, 170.0, 225.0, and 238.0ms, respectively (longer than 150ms are: 10.0, 13.3, 50.0, and 58.7 %, respectively) when white noises SPLs were: 50, 60, 70, and 80dBA.

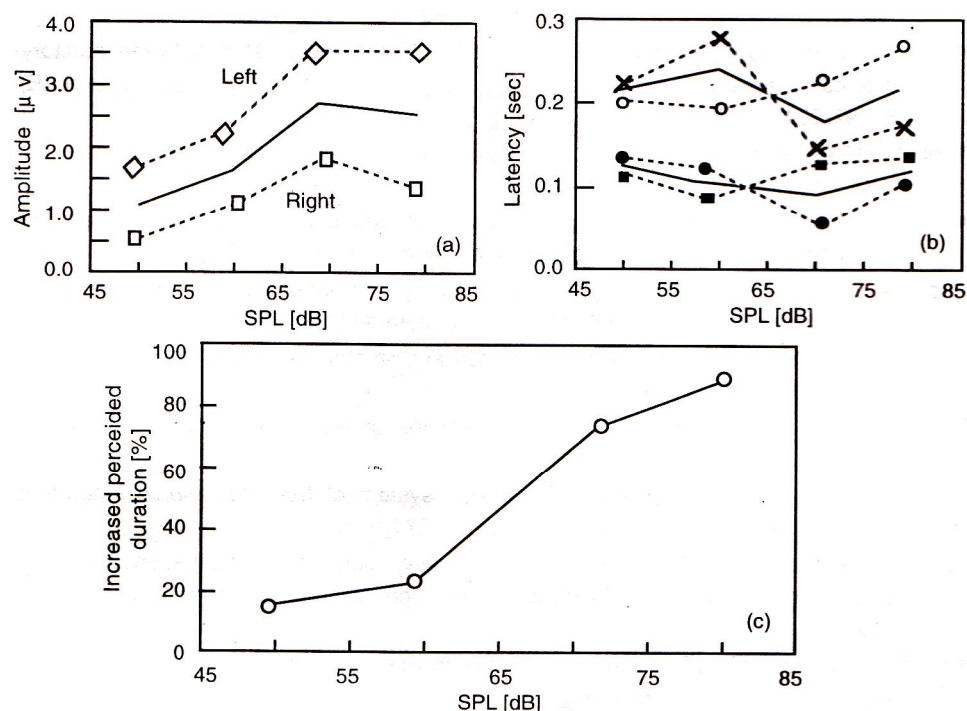

Figure 3: (a) Amplitudes ($\diamond$: left-hemisphere, $\square$: right-hemisphere, and -: average); (b) Latencies (o: N1-left-hemisphere, $\times$: N2-left-hemisphere, $\bullet$: N1-right-hemisphere, $\blacksquare$: N2-right-hemisphere, and -: average); and (c) 50% line of psychometric functions

Discussion

The experiment recorded the amplitudes and latencies of the auditory evoked potential of the brain established exclusively on the onset of signal amplitude. In the Figure 1, rise and fall times were controlled by considering density of energy. In the Figure 2, eight averaged wave forms are shown by means of two hemispheres and four different SPLs. The eight waves are finally averaged and shown in the Figure 3 (a and b) in which, graphic values (Figure 3a) of left hemisphere are always higher (means dominating) than that of the right hemisphere. Side by side in the Figure 3b, latencies for N1 and N2 both are found in the left hemisphere with higher values than that of those N1 and N2 in the right hemisphere. In the Figure 3c, averaged psychometric function indicates the higher values of perceived duration when the

SPL is higher significantly. Subjective study has been taken here because of evidence of the subjects' attentive judgments between two signal durations which is obtained in the AEP.

By considering all the factors and effective conditions of this experiment it can be concluded that for the time perception (duration judgment) left hemisphere plays a dominating rolls than that of the right hemisphere of the human brain. Thus the hemispheric dominance is proved experimentally for subjective time duration of human brain.

References*

1. Ando, Y. (1998). *Architectural Acoustics: Blending sound sources, sound fields, and listeners*. AIP Press/Springer Verlag, New York.
2. Davis, H. (1976). Principles of Electric Response Audiometry. *Ann. Otol. Rhinol. Laryngol. Suppl.*, 28, 1–96.
3. Efron, R. (1970). Effects on Duration on Perceptual Onset and Offset Latencies. *Perception and Psychophysics*, 8, 231–234.
4. Fraisse, P. (1957). *Psychologie Du Temps*. Presses Universitaires de France, Paris.
5. Hodinott-Hill, I., Thilo, K.V., Conwey, A. and Walsh, V. (2002). Auditory Chronostasis: Hanging on the telephone. *Current Biology*, 12, 1779–1781.
6. James, W. (1890). *The Principles of Psychology*. Henry Holt and Company, New York.
7. Jared, A., Nielsen, B.A., Zielinski, M. A., Ferguson, J. E., Lainhart, J.S. (2013). *An Evaluation of the Left-Brain vs. Right-Brain Hypothesis with Resting State Functional Connectivity Magnetic Resonance Imaging*, PLOS.
8. Jasper, H.H. (1958). The Ten-twenty Electrode System of the International Federation. *Electroencephalogr. Clin. Neurophysiology*, 10, 371–375.
9. Luo, H. (2006). Opposite Patterns of Hemisphere Dominance for Early Auditory Processing of Lexical Tones and Consonants. *Proceedings of the National Academy of Sciences*.
10. Morrone, M.C., Ross, J. and Burr, D. (2005). Saccadic Eye Movements Cause Compression of Time as Well as Space. *Nature Neuroscience*, 8, 950–954.
11. Neville, H.J. (1997). Neural Systems Mediating American Sign Language: Effects of sensory experience and age of acquisition. *Brain and Language*, 57, 285–308.
12. Park, J., Schlag-Rey, M. and Schlag, J. (2003). Voluntary Action Expands Perceived Duration of its Sensory Consequences. *Experimental Brain Research*, 149, 527–529.

*Список литературы к данной статье оформлен в соответствии с требованиями зарубежных стандартов (APA).

13. Paul, H.S. and Howard, C.J. (1968). Effects of Signal Duration and Rise Time on the Auditory Evoked Potential. *Journal of Speech and Hearing Research*, 11, 301–306.
14. Rapin, I., Tourk, K.M. and Krans-negor, N.A. (1965). Auditory Evoked Response in Normal Waking Adults. The young deaf child: Identification and management. *Acta. Oto-laryng. Supp.*, 206, 113.
15. Saifuddin, K. (2001). Relationship Between Auditory Evoked Potential and Subjective Duration in Respect of Sound Pressure Level. *Bangladesh Psychological Studies*, 11, 69–76.
16. Tse, P.U., Intriligator, J., Rivest, J. and Cavanagh, P. (2004). Attention and the Subjective Expansion of Time. *Perception and Psychophysics*, 66, 1171–1189.
17. Yarrow, K., Haggard, K., Heal, R., Brown, P. and Rothwell, J.C. (2001). Illusory Perceptions of Space and Time Preserve Cross-saccadic Perceptual Continuity. *Nature*, 302–305.
18. Yarrow, K. and Rothwell, J.C. (2003). Manual Chronostasis: Tactile perception precedes physical contact. *Current Biology*, 13, 1134–1139.
19. Zakay, D., and Block, R.A. (1997). Temporal Cognition. *Current Directions in Psychological Science*, 6, 12–16.
20. Zwillock, J. (1960). Theory of Temporal Auditory Summation. *Journal of Acoustical Society of America*, 32, 1046–1060.

РАЗДЕЛ 4. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 159.922

Баландина Людмила Леонидовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия

614990, Пермь, Сибирская, 24, +7(342) 212-85-90, e-mail: psychair@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ–РЕФЛЕКСИВНОСТЬ» И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С ИНТЕЛЛЕКТОМ И ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ДОШКОЛЬНИКОВ

Lyudmila L. Balandina

Ph.D., Assistant professor, Chair of psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»*

24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: psychair@yandex.ru

SPECIFICS OF EXPRESSION OF COGNITIVE STYLE «IMPULSIVENESS– REFLECTIVENESS» AND ITS CORRELATION WITH INTELLIGENCE AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF PRE-SCHOOLERS

Аннотация. В статье представлены результаты исследования когнитивной и личностной сферы старших дошкольников. Полученные данные свидетельствуют о специфике проявлений когнитивного стиля «импульсивность–рефлексивность». Рассматриваются половые различия мальчиков и девочек по параметру изучаемого стиля. Когнитивные стратегии «импульсивность» и «рефлексивность» являются составляющей индивидуальности ребенка, их необходимо учитывать в процессе подготовки к школе и в период школьного обучения.

Ключевые слова: когнитивный стиль; импульсивность–рефлексивность; интеллект; самооценка; мотив; достижение цели.

Abstract. The article represents the results of the psychological study of cognitive and personal aspects of senior pre-schoolers. The received data show the specifics of cognitive style «impulsiveness–reflexiveness». Gender differences of boys and girls are examined in terms of the parameter of the style in question.

Cognitive strategies «impulsiveness» and «reflexiveness» are the component of a child's individuality, they are necessary to be taken into consideration in the process of preparation for school and during the school period.

Key words: cognitive style; impulsiveness–reflexiveness; intelligence; self-esteem; motive; aim achievement.

Одной из современных проблем, исследуемых в контексте когнитивной психологии, является проблема, связанная с когнитивными стилями. Когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые определяют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения. Они являются устойчивой во времени характеристикой субъекта в познавательном функционировании [6].

Различным когнитивным стилям посвящены исследования Г. Уиткина, Р. Гарднера, А.В. Колга, Дж. Кагана и других авторов, которые продолжаются и в настоящее время. Каждый когнитивный стиль имеет две крайние формы познавательного реагирования. К когнитивным стилям не применимы оценочные суждения, так как представители каждого стиля имеют определенные преимущества в тех ситуациях, где их индивидуальные познавательные качества способствуют эффективному поведению. М.А. Холодной было выявлено, что испытуемые при необходимости могут применять противоположный полюс когнитивного стиля. Это позволило предположить, что когнитивные стили имеют отношение к механизмам, лежащим в основе продуктивного интеллектуального функционирования. Они могут варьировать, адаптируя познавательные возможности человека к требованиям его актуального окружения. В результате анализа эмпирических исследований автором были отмечены некоторые противоречия стилевых исследований [8; 10; 14; 15; 16].

Большинство выделенных стилей так или иначе соотносятся с продуктивностью познавательной деятельности, которая отождествляется с формально-логическим интеллектом (Палей, 1983 [11]; Смирнов, 1986; Алексеев, Громова, 1993; Шкуратова, 1994 [19] и др.).

В настоящее время все более популярным становится подход, в соответствии с которым стилевые характеристики рассматриваются по отношению не к отдельным уровням индивидуальности, а к системе индивидуальности в целом.

И.Г. Скотникова (1988, 1993), проанализировав соотношения между индивидуальным стилем деятельности и когнитивным стилем, доказала, что когнитивный стиль представляет собой гностическую подсистему целостной системы индивидуального стиля деятельности [13].

В контексте родительско-детских взаимодействий М.И. Лисина (1986), А.А. Шведовская (2006), Т.В. Евтух (2013) отмечали, что родитель и ребенок, обладая индивидуальными характеристиками, посредством использования определённых когнитивных стилей формируют специфический образ реальности, что в свою очередь формирует характер отношений [3; 18].

Т.В. Евтух, исследуя проблематику когнитивных стилей, отмечает, что вопросы, касающиеся факторов формирования когнитивных стилей, связанных с влиянием внутрисемейных отношений, реже, чем вопросы относительно формирования интеллекта, освещаются в научных исследованиях. Остаётся открытым вопрос о месте когнитивного стиля в структуре интегральной индивидуальности. В исследовании дошкольников автор выявил более активные взаимосвязи показателей когнитивных стилей родителей с показателями их взаимодействия, по сравнению с показателями когнитивной сферы ребёнка. Это может являться подтверждением опосредующего влияния когнитивных стилей на индивидуально-психологические показатели детей.

Одним из когнитивных стилей является стиль *«импульсивность–рефлексивность»*, который характеризует индивидуальные различия в склонности быстро или медленно принимать решения. Это понятие было введено Дж. Каганом (1976) для различения индивидуальных особенностей поведения при решении задач. Наиболее ярко это стилевое свойство проявляется в условиях неопределенности, когда требуется осуществить правильный выбор из некоторого множества альтернатив. При решении проблем импульсивные люди быстро реагируют, без тщательного продумывания. А рефлексивные люди принимают решение на основе тщательного взвешивания всех «за» и «против». Они собирают больше информации перед ответом, используют более продуктивные способы решения задач, более успешно используют приобретенные в процессе обучения стратегии деятельности в новых условиях. Соответственно, при решении мыслительных задач импульсивная стратегия приводит в среднем к меньшим затратам времени и большей частоте ошибок, чем рефлексивная стратегия.

Исследованию этого стиля посвящены работы ряда авторов. Р.Б. Аугис (1984) изучала особенности волевой регуляции младших школьников в условиях напряженности [1]. Группа исследователей (Корнилова и др., 1986) при изучении связи личностных особенностей поведения в ситуации неопределенности с параметрами когнитивного стиля «импульсивность–рефлексивность» установила, что импульсивные субъекты более ригидны. В отличие от рефлексивных, они не способны на отказ от одних решений в пользу других. Импульсивные индивиды склонны к риску и неспособны к отбору и накоплению информации [7].

Г. Клаус (1987, 2006), описывая регулирующие функции в процессе учения когнитивных стилей, отмечал влияние стиля на стратегии восприятия школьников, их понятийную сферу, развитие умозаключений. Когнитивный стиль «импульсивность–рефлексивность»: 1) характеризуется устойчивостью по отношению к возрастной группе, в которую входит индивид; 2) относительной независимостью от мотивации и целевых устремлений человека; 3) отражает особенности саморегуляции, связанные со сложившимся типом взаимоотношений между «интеллектом» и «аффектом» [5].

Объяснение природы различий между представителями двух полярных проявлений когнитивного стиля предложил А.В. Либин (2000), который рассмотрел связь этой характеристики с такими особенностями темперамента,

как эмоциональность и активность. Выявлено, что рефлексивные субъекты менее эмоциональны и более активны. Импульсивные отличаются низкой активностью и высокими показателями эмоциональности. Соответственно, при решении задач последние переживают сильные эмоции, в результате чего их энергии хватает только на проявление первой, спонтанной, реакции. В отличие от них рефлексивные тратят энергию не на интенсивное проживание эмоций, а на проработку дополнительных вариантов поведения [9].

С.И. Бондарь (2003), исследуя психологические особенности чтения текста на иностранном языке студентами с разными когнитивными стилями, подтвердил положение о том, что стиль «импульсивность–рефлексивность» накладывает определяющий отпечаток на процесс переработки информации. Было установлено, что более продуктивным по всем показателям работы с текстом является рефлексивный стиль [2]. Л.А. Жердева (2005) изучала особенности проявлений когнитивного стиля у тревожных детей младшего школьного и подросткового возраста [4]. Влияние импульсивности–рефлексивности на эффективность выполнения задач с разным уровнем информационной нагрузки рассматривалось в работе А.И. Чекалиной, А.Н. Гусева (2011). Рефлексивные испытуемые более эффективно выполняют задачи различения и обнаружения сигналов по сравнению с импульсивными испытуемыми [17]. К.З. Сансызбаева (2013) в своей работе отмечала влияние когнитивного стиля на успешность обучения и поведенческие проявления в ситуациях фрустрации [12].

В исследовании когнитивного стиля «рефлексивность–импульсивность» дошкольников и родителей Т.В. Евтух (2013) было обнаружено, что усиление полюса рефлексивности матери является более благоприятным для развития детского интеллекта и связано с эмоциональной близостью с ребёнком, его принятием и удовлетворённостью отношениями [3].

Внимание исследователей в основном обращено на школьные и более старшие возраста. Рассмотрение особенностей проявления когнитивного стиля «импульсивность–рефлексивность» в дошкольном возрасте представляет научный интерес.

Организация и методы исследования

В исследовании принимали участие дети старшего дошкольного возраста. Для изучения когнитивного стиля «импульсивность–рефлексивность» использовался тест подбора подобных фигур (MFFT) Дж. Кагана, а также в качестве диагностического инструментария применялись интеллектуальный тест Д. Векслера, методики изучения цели в условиях помех, общественного и личного мотива, тест самооценки «Лесенка».

Обработка полученных результатов проводилась с применением пакета программ «Statistica 8.0»: t-критерия Стьюдента, корреляционного анализа Пирсона. Кластерный анализ позволил выделить две группы испытуемых с полярными полюсами когнитивного стиля. Первый кластер получил название «Импульсивность», второй кластер – «Рефлексивность». Мы предполагали, что в разных кластерах когнитивный стиль во взаимосвязях с интеллектуальными, личностными характеристиками дошкольников проявит себя специфическим образом.

Результаты исследования

I. Характеристика когнитивного стиля испытуемых определяется на основании двух основных показателей: «*количество ошибок*» (X_o) и «*время реакции*» (X_t) в условиях выполнения деятельности.

Наиболее значимы различия между кластерами «импульсивность» и «рефлексивность» по показателю когнитивного стиля «количество ошибок», которые совершают дошкольники с разными проявлениями когнитивного стиля. «Импульсивные», по сравнению с «рефлексивными» дошкольниками, склонны совершать большее количество ошибок при выполнении заданий ($t=11,14$; $p\leq 0,001$), так как у них отсутствует склонность к тщательному и систематическому сбору информации, что подтверждается исследованиями индивидуальных различий в способах принятия решений.

По показателю «время реакции» различия между кластерами незначительны ($t=1,42$; $p\leq 0,2$). Время реакции несколько выше у детей кластера «рефлексивность», их реакция является более медленной по сравнению с импульсивными дошкольниками, для них характерен замедленный темп принятия решений, при этом гипотезы многократно уточняются на основе тщательного предварительного изучения свойств альтернативных объектов.

Таким образом, специфика данного стиля дошкольников определяется в большей степени количеством ошибок, а не временем выполнения заданий.

II. Сравнительный анализ средних значений показателей интеллектуальных и личностных характеристик старших дошкольников с различными проявлениями когнитивного стиля «импульсивность–рефлексивность».

Дошкольники кластера «импульсивность» и кластера «рефлексивность» имеют некоторые особенности по следующим индивидуально-психологическим характеристикам.

1. «Рефлексивные» и «импульсивные» дети не имеют значимых различий по показателям *интеллекта* – дошкольники с разными проявлениями стиля могут обладать сходным по уровню интеллектом. Исключение составляет субтест «недостающие детали». По данному показателю результаты оказались несколько выше ($p\leq 0,1$) у «импульсивных» детей, которые обладают более высокими перцептивными способностями – включённые в зрительное узнавание знакомых предметов они лучше умеют дифференцировать, отделяя существенное от второстепенного. Дошкольники с рефлексивным стилем медленнее распознают зрительно воспринимаемые объекты, так как «склонны принимать решения с учетом максимально полной информации о ситуации».

2. Действия «импульсивных» дошкольников в большей степени определяется общественным *мотивом*, в процессе деятельности они более ориентированы на других, желая что-то для них сделать. У рефлексивных детей более выражен личный мотив с ориентацией на самих себя, собственные потребности и интересы ($p\leq 0,1$). Таким образом, когнитивный стиль опосредующим образом может определять характер взаимоотношений детей.

3. При изучении *самооценки* обнаружено, что в целом дети с разными проявлениями когнитивного стиля высоко оценивают себя, что соответствует возрастной норме. Но в то же время «импульсивные» дети, по сравнению с «рефлексивными», имеют более высокую самооценку ($p \leq 0,1$), соответственно, они демонстрируют больше уверенности, открытости миру. В свою очередь отношение к себе сверстников более высоко оценивают «рефлексивные» дети, по сравнению с «импульсивными» ($p \leq 0,1$). Различия могут объясняться более тщательным сбором любой информации и склонности к анализу «рефлексивных» детей и спонтанностью, эмоциональностью «импульсивных» детей. Стилиевые особенности детей позволяют с разной степенью реалистичности оценивать себя, а поведенческие реакции определяют степень благоприятности их взаимодействий в среде сверстников.

III. Особенности корреляционных взаимосвязей между когнитивными стилями, интеллектуальными и личностными характеристиками в кластерах «импульсивность» и «рефлексивность» проявились следующим образом.

У дошкольников кластера «импульсивность», по сравнению с кластером «рефлексивность», выявлено больше связей между изучаемыми показателями (соответственно 24 и 4 значимых корреляционных связей). Возможно, это связано с особой уязвимостью или чувствительностью психики «импульсивных» детей. Плотность связей придает большую гибкость психике с возможностью компенсации и взаимоподдержки функций.

Кластер «импульсивность». С характеристикой когнитивного стиля «*время реакции*» отрицательно связаны *общий интеллект* ($r = -0,47$; $p \leq 0,05$) и его составляющие – *вербальный интеллект* ($r = -0,41$; $p \leq 0,05$), *невербальный интеллект* ($r = -0,43$; $p \leq 0,05$) (табл. 1).

Таблица 1

Значимые взаимосвязи между показателями когнитивного стиля и интеллекта дошкольников кластера «импульсивность»

Показатели	ВЗ	В4	В6	ВИ	В7	В9	В10	НВ И	ОИ
Xt – количество времени	-0,34	- 0,43 *	- 0,43 *	- 0,41 *		-0,35	-0,33	- 0,43 *	- 0,47 *
Хо – количество ошибок	-0,33				-0,33				

Примечание: * $p < 0,05$; Xt – количество времени; Хо – количество ошибок (тест Дж. Кагана); ВЗ – субтест «арифметический»; В4 – субтест «сходство»; В6 – субтест «повторение цифр»; ВИ – общий вербальный интеллект; В7 – субтест «недостающие детали»; В9 – субтест «кубики Косса»; В10 – субтест «складывание фигур»; НВИ – общий невербальный интеллект; ОИ – общий интеллект (тест Векслера).

Дети с развитыми интеллектуальными способностями быстрее выполняют предложенный вариант задания. Возможно, что скорость реакций в процессе познавательной деятельности способствует развитию интеллекта. Показатель когнитивного стиля «*количество ошибок при выполнении задания*» не определяется интеллектуальными параметрами. Полученные данные расходятся с результатами исследования С. Мессера (Messer, 1976)

относительно независимости быстроты ответа от уровня интеллекта, в отличие от количества ошибочных решений. По-видимому, при рассмотрении данного стиля в разных полярностях связи проявляются иным образом.

Невербальный интеллект связан с суммарным показателем волевых проявлений ($r=0,58$; $p \leq 0,01$), который характеризуется способностью дошкольников сохранять целенаправленность в деятельности, не отвлекаясь на внешние раздражители-помехи. «Более интеллектуальные» дети легче отвлекаются на помехи, не доводя начатое дело до конца. В структуре связей между параметрами интеллекта и воли более явно проявился невербальный интеллект и одна из четырех рассматриваемых помех – «звон колокольчика». Объяснение данного факта можно искать в особенностях возраста: при доминирующих функциях правого полушария ребенок оперирует более невербальными образами и сигналами, а не знаковыми системами.

Самооценка «отношения сверстников» и самооценка «добрый–злой» связаны на высоком уровне значимости с помехами в виде «появления нового взрослого» и «сверстника, предлагающего пойти погулять» ($p \leq 0,001$; $p \leq 0,001$). Более позитивно оценивающие себя дошкольники в большей мере склонны в процессе выполнения интеллектуальной деятельности отвлекаться на другого человека, который появляется в поле их внимания. Иные «предметные» раздражители («звук колокольчика», «игрушка») подобных связей не имеют. Самооценка отражает прямым и опосредованным образом благоприятную социальную среду и характер отношений со сверстниками и взрослыми. Позитивность социальных взаимодействий в сочетании с быстротой реакций на раздражитель, что свойственно импульсивным детям, может являться объяснением выявленных связей.

Кластер «рефлексивность». Характеристики когнитивного стиля как «*время реакций*» и «*количество ошибок при выполнении задания*» слабо связаны с показателями интеллекта (табл. 2).

Таблица 2

Значимые взаимосвязи между показателями когнитивного стиля и интеллекта дошкольников кластера «рефлексивность»

Показатели	Субтест «словарный» B5	Субтест «недостающие детали» B7
Xt – количество времени		
Xo – количество ошибок	-0,34	- 0,54**

У всех дошкольников – и «рефлексивных» ($r=-0,54$; $p \leq 0,01$), и «импульсивных» ($r=-0,34$; $p \leq 0,1$) – имеется связь между «*количеством ошибок*» и субтестом «*недостающие детали*» (см. табл. 1, 2). Независимо от проявления когнитивного стиля дошкольники с развитыми перцептивными способностями, умением дифференцировать существенные и второстепенные признаки в зрительных образах реже делают ошибки при выполнении задания. Но у «рефлексивных» детей данная связь более выражена, что каким-то образом может быть связано с их меньшими способностями по этой характеристике мышления по сравнению с «импульсивными».

Связей между показателями когнитивного стиля и личности в кластере «импульсивность» не выявлено, а в кластере «рефлексивность» представлены следующим образом (см. рисунок).

С показателем когнитивного стиля «*время реакции*» отрицательно связаны следующие показатели: самооценка «умный–глупый» ($r=-0,41$; $p\leq 0,05$) и помеха в виде «предложения сверстника пойти погулять» ($r=-0,42$; $p\leq 0,05$).

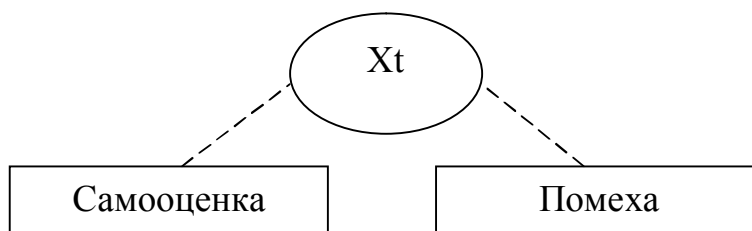

Рис. Значимые взаимосвязи между показателем когнитивного стиля «время реакции» и личностными характеристиками дошкольников кластера «рефлексивность»

Меньше времени тратят на выполнение предложенного задания «рефлексивные» дошкольники, высоко оценивающие свои умственные способности и имеющие недостаточно развитые волевые качества, что приводит к быстрому переключению на сверстника, предлагающего более интересное для ребенка занятие.

Половые различия. Наличие различий по параметру «импульсивность–рефлексивность» между испытуемыми разного пола наблюдается достаточно часто [5].

В данном исследовании было выявлено, что мальчики допускают меньшее количество ошибок по сравнению с девочками при выполнении заданий ($p\leq 0,1$). Данный факт подтверждается исследованием J. Naase (1977), согласно которому девочки и женщины нередко демонстрируют более импульсивное поведение, чем мальчики и мужчины.

В выборке девочек, в отличие от мальчиков, имеется большее количество связей изучаемых показателей с параметрами когнитивного стиля (10 и 2 корреляционных связей) и большая часть из них с показателем *времени реакции*.

Интеллектуальные способности более развиты у мальчиков, которые делают меньше ошибок (с рефлексивной направленностью), и девочек, которые тратят меньше времени на выполнение заданий (с импульсивной направленностью) ($p\leq 0,05$).

Волевые качества более выражены у мальчиков, которые делают в задании меньше ошибок, и у девочек, которые тратят больше времени на выполнение задания (рефлексивная направленность) ($p\leq 0,05$).

Практическое значение данного исследования определяется возможностью использовать полученные результаты в педагогической деятельности с целью индивидуализации обучения и воспитания, обеспечения условий для полноценной реализации возможностей ребенка.

Выводы

1. Когнитивный стиль – это инструментальная характеристика интеллектуальной деятельности, определяющая способ получения того или иного когнитивного продукта, представляющая собой биполярное измерение и не подлежащая оценочным суждениям.

2. Когнитивный стиль «импульсивность–рефлексивность» характеризует индивидуальные различия в скорости принятия решения и наиболее ярко проявляется в условиях неопределенности.

3. Наиболее значимы различия между кластерами «импульсивность» и «рефлексивность» по показателю «количество ошибок», которые совершают дети при выполнении заданий; специфика данного стиля в дошкольном возрасте определяется в большей степени количеством ошибок, а не временем выполнения задания.

4. У «импульсивных» дошкольников со стилевым показателем «время реакции» связан вербальный интеллект и невербальный интеллект. Дети с развитыми интеллектуальными способностями быстрее выполняют задания. У «рефлексивных» детей подобных связей не выявлено.

5. Среди показателей интеллекта в контексте когнитивного стиля особым образом у «импульсивных» и «рефлексивных» дошкольников проявилась мыслительная деятельность, связанная с перцептивными способностями, умением дифференцировать существенные и второстепенные признаки в зрительных образах.

6. «Импульсивные» дошкольники с высоким интеллектом легче отвлекаются на помехи, не доводя начатое дело до конца. В структуре связей более явно проявился невербальный интеллект и отвлекающая от задания реакция ребенка на звуковой раздражитель.

7. При выполнении заданий мальчики допускают меньшее количество ошибок, по сравнению с девочками. Интеллектуальные способности более развиты у мальчиков, которые делают меньше ошибок, и девочек, которые тратят меньше времени на выполнение заданий.

8. Практическое значение данного исследования определяется возможностью использовать полученные результаты в педагогической деятельности с целью индивидуализации обучения и воспитания, обеспечения условий для полноценной реализации возможностей ребенка в период подготовки к школе и далее в процессе школьного обучения.

Список литературы

1. Аугис Р.Б. Особенности волевой регуляции младших школьников в условиях напряженности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Рязань, 1984.

2. *Бондарь С.И.* Психологические особенности чтения текста на иностранном языке студентами по различным когнитивным стилем: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Киев, 2003. – 20 с.
3. *Евтух Т.В.* Метаэффект семьи на характеристики когнитивной сферы ребёнка // Социально-психологические характеристики семьи как факторы когнитивного и личностного развития ребёнка: коллективная монография. – Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2013. – С. 66–87.
4. *Жердева Л.А.* Особенности проявлений когнитивного стиля «импульсивность–рефлексивность» у тревожных школьников: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005. – 164 с.
5. *Клаус Г.* Когнитивные стили // Педагогическая психология: хрестоматия / под ред. В.Н. Карандашева, Н.В. Носовой, О.Н. Щепелиной. – СПб.: Питер, 2006. – 412 с.
6. Когнитивная психология / под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 480 с.
7. Когнитивный стиль и факторы принятия решения в ситуации неопределенности / Т.В. Корнилова, И.Г. Скотникова, Т.В. Чудина, О.И. Шурина // Когнитивные стили. – Таллин, 1986. – С. 99–103.
8. *Колга В.А.* Дифференциально-психологические исследования когнитивного стиля и обучаемости: дис. ... канд. психол. наук – Л., 1976. – 180 с.
9. *Либин А.В.* Дифференциальная психология: На пересечении европейских, российских и американских традиций. – М.: Смысл: Per Se, 2000. – 549 с.
10. *Митина А.М.* Зарубежные исследования когнитивных стилей обучения взрослых // Вестник Московского университета. – Сер. 14: Психология: науч. журн. – 2006. – № 4. – С. 82–90.
11. *Палей А.И.* Модальностная структура эмоциональности и когнитивный стиль // Вопросы психологии. – 1982. – № 6. – С. 18–26.
12. *Сансызбаева К.З.* Связь когнитивного стиля и поведения детей в ситуациях фрустрации // Психология в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – СПб.: Реноме, 2013. – С. 39–45.
13. *Скотникова И.Г.* Системная взаимосвязь сенсорных стратегий и особенностей индивидуальности: анализ с привлечением категории когнитивных стилей // Системный анализ сенсорно-перцептивных процессов / под ред. К.В. Бардина. – М.: ИП РАН СССР, 1988. – С. 149–205.
14. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
15. *Холодная М.А.* Психологический статус когнитивных стилей: предпочтения или «другие» способности? // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17, № 1. – С. 61–69.

16. *Холодная М.А., Кострикина И.С.* Особенности когнитивных стилей импульсивность/рефлексивность и ригидность/гибкость познавательного контроля у лиц с высокими и сверхпороговыми значениями IQ // Психологический журнал. – 2002. – № 6. – С. 72–82.
17. *Чекалина А.И., Гусев А.Н.* Влияние импульсивности–рефлексивности на эффективность решения сенсорных задач с разным уровнем информационной нагрузки [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – № 2(16). – URL: <http://psystudy.ru.0421100116/0014>.
18. *Шведовская А.А.* Особенности переживания детско-родительских отношений и взаимодействие с родителями детей старшего дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2006. – 30 с.
19. *Шкуратова И.П.* Когнитивный стиль в общении. – Ростов н/Д, 1994. – 156 с.

УДК 159.922.6

Силина Елена Алексеевна

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет». Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, +7(342) 212-70-19,
e-mail: corney@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ ОСВОЕНИЯ ВОЗРАСТА ЖЕНЩИНАМИ 25–30 и 45–50 ЛЕТ

Elena A. Silina

assistant professor, head of the Department of psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: corney@yandex.ru*

THE STRATEGY OF AGE ASSIMILATION BY THE WOMEN OF 25–30 AND 45–50 YEARS OLD

Аннотация. Понятие «стратегия освоения возраста», введенное Н.С. Глуханюк и Т.Б. Гершкович, позволяет подвергнуть анализу осознание взросления и старения людьми различного этапа взрослости. Компонентами стратегии освоения возраста являются физиологический, социальный, личностно-психологический, профессиональный в соответствии с основными аспектами старения, которые реализуются на трех уровнях – когнитивном (осознание и понимание происходящих возрастных изменений, знание способов их преодоления и освоения), аффективном (переживание эмоционального отношения к происходящим изменениям), мотивационном (активный поиск и использование продуктивных стратегий адаптации к возрастным изменениям). В нашей работе изучалась стратегия освоения возраста женщинами 45–50 лет (30 женщин) в сравнении с выборкой женщин 25–30 лет (30 женщин). Использовались методики «Стратегия освоения возраста» Н.С. Глуханюк и Т.Б. Гершкович, 16 FR Р.Б. Кеттелла, УСК Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкина, А.М. Эткинда). Полученные результаты показали, что к возрасту 45–50 лет формируются специфические возрастные различия в освоении возрастных изменений как в степени выраженности изучаемых характеристик, так и в их структурах.

Ключевые слова: возраст; стратегия освоения возраста; физиологический, социальный, личностный и профессиональный компоненты осознания возраста; самосознание.

Abstract. The concept «strategy of age assimilation» suggested by N.S. Gluhanuk and T.B. Gershkovich allows to analyse the consciousness and admission of the age regression processes by the people of different age. The components of age assimilation are physiological, social, personal and professional. In the article we study the «strategy of age assimilation» of women at 45–50 years old in comparison with the 25–30 years old ones. Methods: the questionnaires «strategy of age assimilation» (N.S. Gluhanuk and T.B. Gershkovich), 16 FP, Rotter's questionnaire of internality-externality. Results: the specific age characteristics of age assimilation are more marked in 45–50 years and their structure of indexes of physiological, social, personal and professional age admission are complicated and non conflicting in comparison with the 25–30 years old women.

Key words: strategy of age assimilation; physiological, social, personal and professional components of age assimilation; consciousness and admission of the age.

Исследование личностных характеристик людей зрелого возраста является одной из тем наших предыдущих работ [6; 7; 8]. Актуальность изучения психологии взрослых и пожилых связана с наличием значительного количества подходов к пониманию причин старения и характеристик этих периодов жизни человека при незначительном количестве эмпирических данных. Особый интерес, на наш взгляд, представляет осознание взрослой личностью факта собственной зрелости, изменений в своих возрастных характеристиках, а также приближающегося старения. Взрослость как середина жизни, «день жизни», как назвал этот период Г. Юнг [10; 12] является интересующим нас периодом, который анализируется в данной статье.

На основе понятия «структура жизни», основанного на специфических взаимосвязях индивида с обществом D.A. Levinson [13] предложил классификацию «взрослости», выделив следующие периоды: переход к ранней взрослости 17–22 года, ранняя взрослость 22–28 лет, переход 30-летия 28–33 года, ранняя взрослость 33–40, переход к средней взрослости 40–45 лет, начальный период средней взрослости 45–50 лет, переход 50-летия 50–55 лет, кульминационный период средней взрослости 55–60 лет, переход к поздней взрослости 60–65 лет, эра поздней взрослости 60– ... лет. На всех этапах возрастного развития взрослых людей прослеживаются гендерные различия (Б.Г. Ананьев [1], Л.А. Головей [5]; Г. Крайг, Д. Бокум [3]).

Психологии женщин среднего возраста, как отмечает Г. Крайг [3], посвящено незначительное количество исследований, по сравнению с мужчинами, в то время как для женщин середина жизни является временем перехода и переоценки. Они сильнее, чем мужчины, реагируют на физическое старение, начинающееся в средней взрослости, тем более, что общество реагирует на внешний вид женщины. Для того чтобы считаться успешной, здоровой, коммуникативно и профессионально интересной, она должна молодо

выглядеть, хотя появляются очевидные признаки старения. В профессиональном плане возраст 45–50 лет также приносит ролевое напряжение, поскольку даже при успешной профессиональной карьере можно считать, что это возраст «высокого плато», или «поколения руководителей», которому предшествовали десятилетия профессионального становления и роста. Именно с работой для человека среднего возраста связана, вероятно, большая часть его идентичности. При этом приходит осознание приближающегося пенсионного возраста и адаптации к возможному прекращению работы. Е. Эриксон [9; 11] полагает, что люди среднего возраста начинают решать проблемы грядущей старости, и средняя взрослость выполняет подготовительную функцию перехода к «вечеру жизни». В целом в периоде средней взрослости возрастает склонность к самоанализу, и человек начинает чётче осознавать многогранность собственной личности и ближайшие перспективы старения. Актуальность данной работы объясняется отсутствием специальных исследований осознания женщинами начального периода средней взрослости 45–50 лет, который приносит напряжение и приближающуюся рефлексия старения. На базе основных подходов и некоторых важнейших положений, характеризующих среднюю взрослость и специфику психологии женщин этого возраста, предметом нашего исследования является изучение готовности к освоению возрастно-временных изменений у женщин средней взрослости 45–50 лет. Основная гипотеза нашей работы заключается в том, что у женщин 45–50 лет отчетливо проявляются компоненты осознания возрастных изменений прежде всего в физиологической и социальной сферах самосознания.

Г. Олпорт [4] отмечал, что восприятие и самопознание личности в целом отличаются эффективностью и точностью, т.е. зрелость не искажает реальность, чтобы приспособить ее к потребностям и фантазиям человека.

Пик интроспекции и рефлексии «Я», по мнению В. Neugarten [14], приходится на период 50–60 лет, являясь ресурсом для преодоления физических изменений и социальных стрессов, которые могут возникать в это время. Большинство современных исследователей (Diener, Seligman, 1999) сходятся в том, что позитивный образ «Я» связан с субъективным благополучием, в котором выделяются аффективные, когнитивные и соматические показатели. Экспериментальные исследования показали, что глобальные самооценки имеют тенденцию оставаться положительными в течение периода от средней взрослости до старости, в то время как некоторые специфические (проблемно-зависимые) снижаются с увеличением возраста.

По данным теоретического анализа, в связи с проблемой самосознания взрослого человека Н.С. Глуханюк и Т.Б. Гершкович [2] предложили понятие «готовность к освоению возрастно-временных изменений», т.е. интегративное психическое образование, определяющее осознание личностью факта собственного старения, толерантное отношение к нему и проявляющееся в активном поиске продуктивных стратегий адаптации к этому процессу.

Модель готовности к освоению возрастно-временных изменений включает в себя четыре компонента – физиологический, социальный,

личностно-психологический, профессиональный – в соответствии с основными аспектами старения, которые реализуются на трех уровнях – когнитивном (осознание и понимание происходящих возрастных изменений, знание способов их преодоления и освоения), аффективном (переживание эмоционального отношения к происходящим изменениям), мотивационном (активный поиск и использование продуктивных стратегий адаптации к возрастным изменениям).

Для определения сформированности готовности к освоению возрастновременных изменений Н.С. Глуханюк и Т.Б. Гершкович разработали опросник «Готовность к возрастным изменениям», позволяющий диагностировать готовность к физическим, социальным, личностно-психологическим и профессиональным изменениям на когнитивном, аффективном и мотивационном уровнях.

В опроснике показателями готовности к освоению возрастновременных изменений являются компоненты и уровни.

Компоненты: физиологический компонент (ФК), социальный компонент (СК), личностно-психологический компонент (ЛК), профессиональный компонент (ПК).

Уровни: 1) КУ – когнитивный уровень любого компонента; 2) АУ – аффективный уровень любого компонента; 3) МУ – мотивационный уровень любого компонента; ГО – общий показатель готовности

Авторы предлагают следующую интерпретацию полученных результатов: общий показатель готовности к освоению возрастновременных изменений является интегративной характеристикой отношения человека к происходящим с ним возрастным изменениям или изменениям, которые произойдут с ним в будущем. Готовность характеризуется спокойным толерантным отношением к происходящим или будущим возрастным изменениям, без острых переживаний и негативных эмоциональных реакций.

Компоненты готовности – показатели, конкретизирующие особенности проявления готовности к освоению возрастновременных изменений относительно различных проявлений возраста.

Уровни готовности – показатели, иллюстрирующие психологические особенности реализации готовности в плане осознания происходящих с человеком в настоящем или ожидаемых в будущем возрастных изменений (когнитивный уровень), толерантного отношения к ним как к нормальному, неизбежному явлению (аффективный уровень), активного поиска продуктивных стратегий адаптации к этим изменениям (мотивационный уровень).

Организация и методики исследования

Были сформированы 2 выборки: первая – контрольная 25–30 лет 30 женщин, средний возраст 28,2 лет. Вторая – 45–50 лет, 30 женщин, средний возраст 47,4 лет.

Диагностика проводилась по следующим методикам:

1. Опросник Н.С. Глуханюк и Т.Б. Гершкович «Готовность к возрастным изменениям».

2. 16 FP Р.Б. Кеттелла .

3. УСК Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкина, А.М. Эткинда).

Результаты обрабатывались методами математической статистики – Т-критерий и корреляции.

Значимые Т-критериальные различия в показателях готовности к возрастным изменениям

Показатели готовности	45–50 лет	25–30 лет	Т-критерий	Уровень значимости
ФК	25,43	22,70	2,86	0,007
СК	21,23	17,73	2,91	0,120
КУ	31,23	21,87	3,76	0,005
ГО	91,60	82,10	2,87	0,001

Примечания: ФК – физиологический компонент, СК – социальный компонент, КУ – когнитивный уровень, ГО – общий показатель готовности.

Значение общего показателя готовности к возрастным изменениям (ГО) у женщин 45–50 лет превышает значение того же показателя у женщин 25–30 лет, и высокие показатели когнитивного уровня готовности (КУ) свидетельствует о том, что женщины старшего возраста более четко осознают и понимают естественность и вероятную неизбежность общих проявлений старения. Помимо этого, женщины 45–50 лет более готовы и толерантны к проявлениям старения в социальной сфере (СК), возможно, к таким, как ухудшение материального положения и приобретение статуса иждивенца, а также необходимости налаживать отношения с социальными службами. Это вполне объяснимо, так как более молодым не свойственно задумываться о таких проблемах.

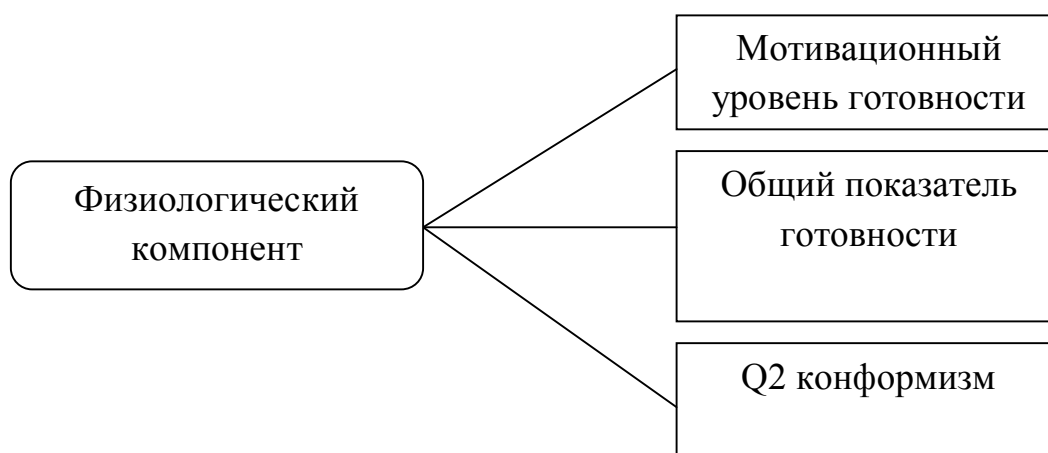

Рис. 1. Анализ корреляций у женщин 25–30 лет по ФК

Показатель ФК (физиологический компонент) положительно коррелирует с показателем МУ (мотивационный уровень готовности) и общим показателем готовности к возрастным изменениям (ГО). Это можно рассматривать как четкое понимание естественных физиологических изменений и об активном поиске продуктивных стратегий адаптации к ним, т.е. чем отчётливее человек осознает происходящие с ним изменения, тем выше общая готовность к освоению возрастно-временных изменений. Кроме того, показатель ФК связан с фактором Q2 (уровень конформизма). Таким образом, независимость и самостоятельность влияет на повышение уровня осознания и приспособления к проявлениям признаков старения.

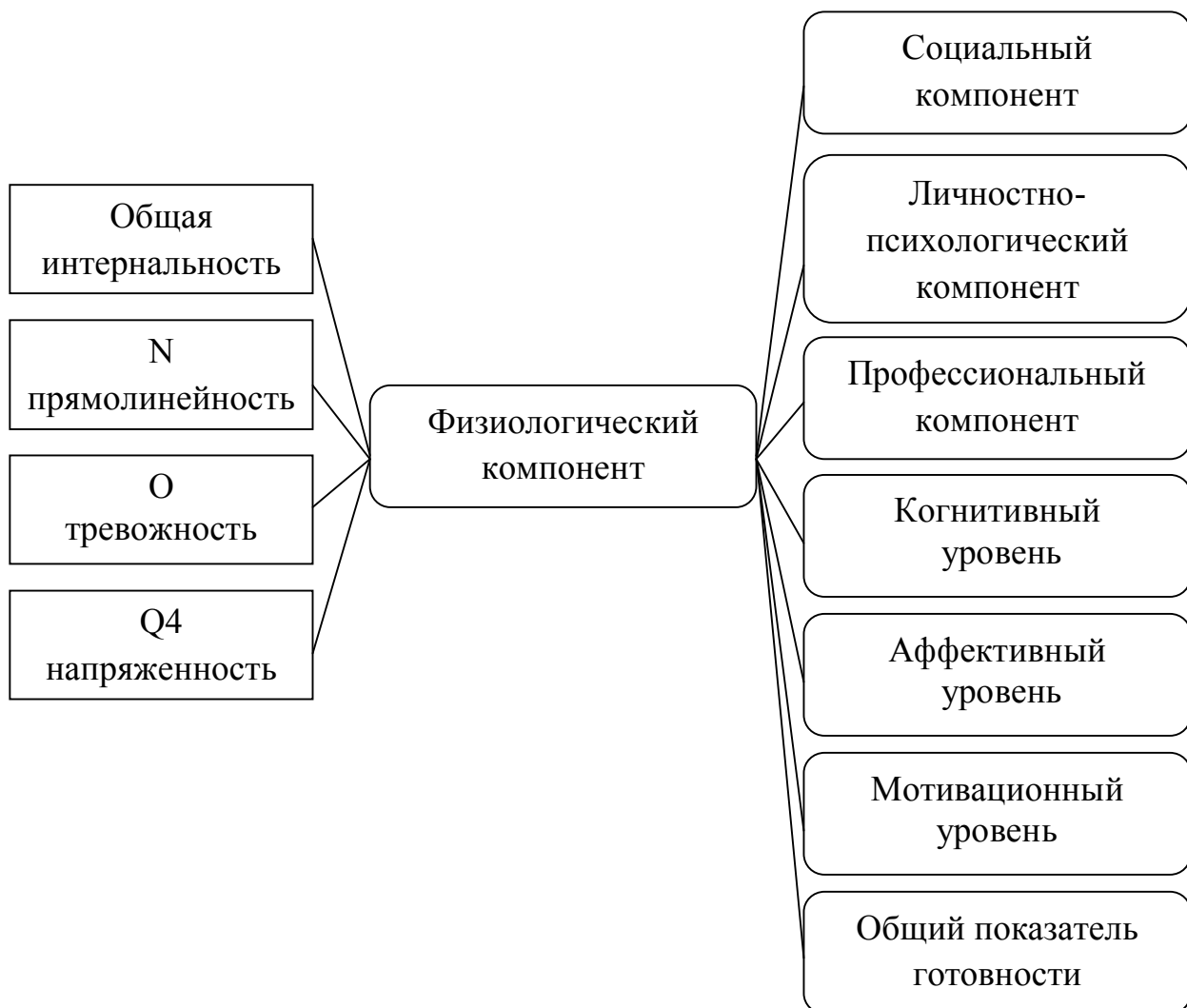

Рис. 2. Анализ корреляций у женщин 45–50 лет по ФК

Показатель ФК (физиологическая готовность) тесно связан практически со всеми показателями готовности к возрастным изменениям. Наличие более крепких связей у женщин 45–50 лет, по сравнению с корреляциями у женщин 25–30 лет, свидетельствует о целостной структуре готовности к возрастным изменениям, которая возникает к возрасту 45–50 лет и которая еще не сложилась в возрасте 25–30 лет. Представляется, что осознание именно физиологических показателей старения «стягивает» все прочие компоненты готовности к возрастным изменениям.

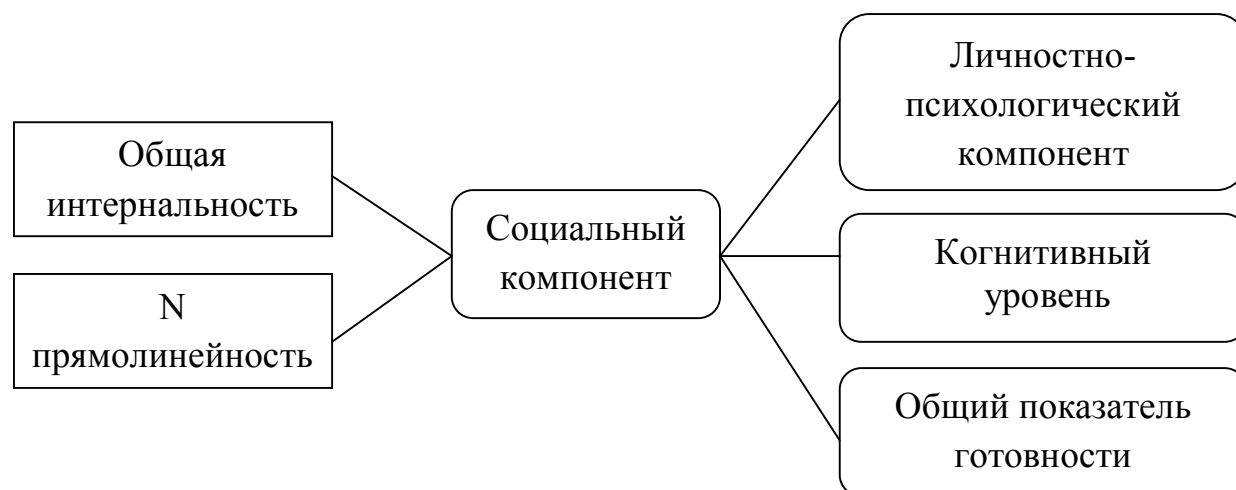

Рис. 3. Анализ корреляций у женщин 25–30 лет по СК

Показатель СК (социальный компонент готовности) положительно связан с личностным компонентом (ЛК), когнитивным уровнем (КУ) и общей готовностью (ГО). Таким образом, сильнее выражен компонент социальной и общей готовности или чем выше осознанность принять и найти способы адаптироваться к проявлениям старения, тем более спокойно человек начинает относиться к возрастным изменениям как к нормальным явлениям и активно искать пути компенсации и саморегуляции. Взаимосвязь показателя общей интернальности (ИО) с социальным компонентом готовности означает, что человек считает происходящие в его жизни события результатом своих собственных действий и осознает свою ответственность за них. Связь СК с фактором N свидетельствует о том, что чем более человеку присуща проницательность в отношении других людей, тем более осознанно осуществляется социальная адаптация к возрасту.

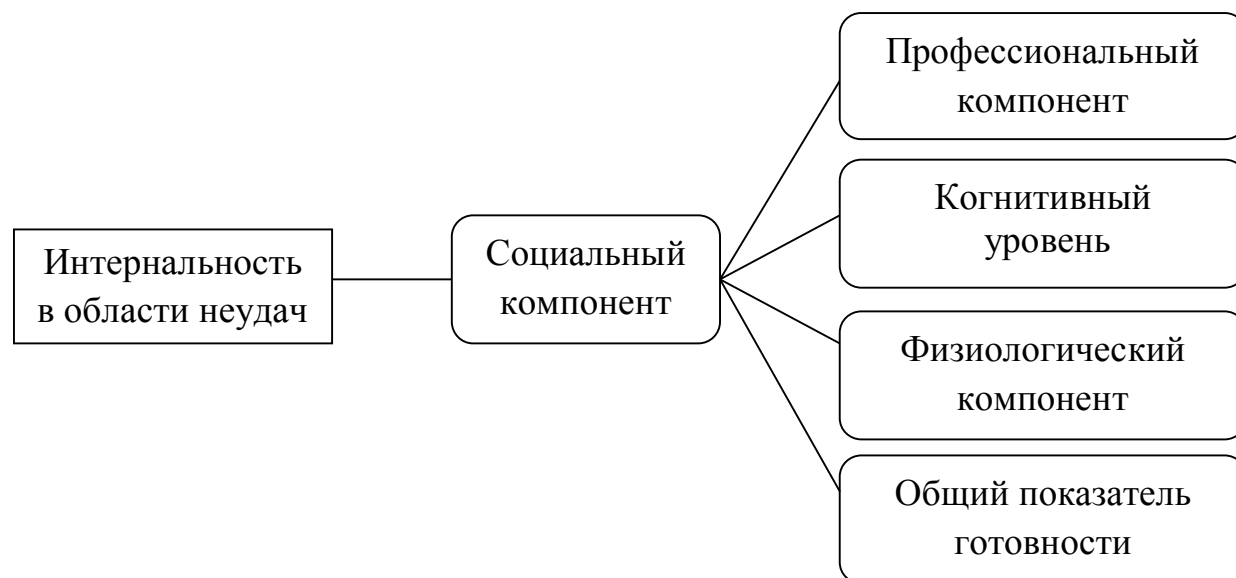

Рис. 4. Анализ корреляций у женщин 45–50 лет по СК

Наиболее чёткое различие корреляций СК у женщин 45–50 лет, по сравнению с женщинами 25–30 лет, заключается в связи социальной готовности к возрастным изменениям с профессиональной готовностью (ПК). То есть социальная адаптация к возрасту тем выше, чем человек более адекватно рассматривает возможности конкуренции с более молодыми коллегами или сложности в освоении новых технологий. Взаимосвязь СК с интернальностью в области неудач говорит о том, что социальная готовность к возрастным изменениям усиливает самоконтроль и собственную ответственность за профессиональную деятельность и неудачи в ней у женщин 45–50 лет, чего еще не обнаруживается у 25–30-летних женщин.

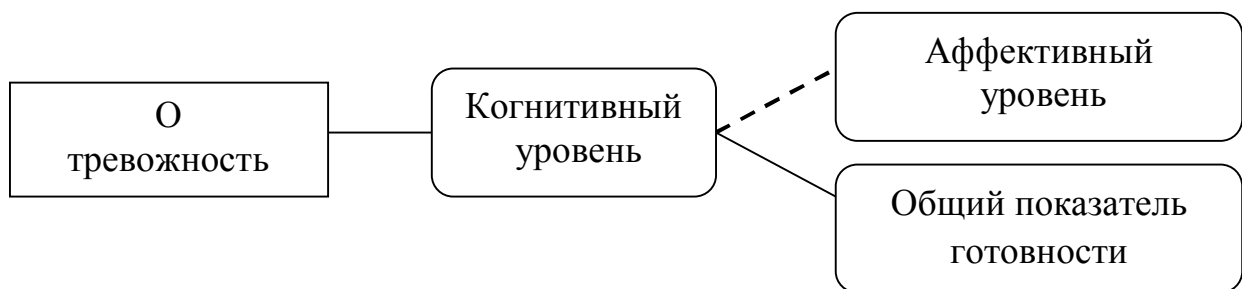

Рис. 5. Анализ корреляций у женщин 25–30 лет по КУ
(пунктирной линией обозначена отрицательная связь)

Наиболее важным фактом в обнаруженных связях является отрицательная связь показателя когнитивного уровня (КУ) с аффективным уровнем (АУ) и тревожностью (фактор О). Это демонстрирует, что осознание будущих возрастных изменений у молодых женщин вызывает яркую эмоциональную реакцию, скорее всего, негативную.

Рис. 6. Анализ корреляций у женщин 45–50 лет по КУ

Структура связей у женщин 45–50 лет отличается от аналогичной у более молодых женщин тем, что практически все основные показатели готовности – когнитивный, аффективный, личностный уровни и общая готовность образуют устойчивую и целостную структуру, аналогично структуре связей физиологической готовности в этом возрасте. Кроме того, когнитивный

уровень связан с осознанием собственной ответственности за неудачи и самоконтролем, что обеспечивает компенсаторные механизмы адаптации к жизни и профессиональной деятельности и, вероятно, формирующуюся к данному возрасту высокую саморегуляцию.

Выводы

1. Все компоненты и уровни готовности к возрастным изменениям у женщин 45–50 лет обладают более высокой степенью выраженности по сравнению с более молодыми женщинами.

2. Анализ интегрального показателя готовности к возрастным изменениям (ГО) у женщин 25–30 лет и 45–50 лет связан с одними и теми же показателями – физиологическим компонентом, социальным и когнитивным уровнем. Это может быть интерпретировано как меньшая дифференцированность общего показателя готовности к возрастным изменениям и его невысокая чувствительность к указанным возрастам.

3. Отличительными характеристиками готовности к возрастным изменениям являются следующие:

✓ показатель физиологической готовности у женщин 45–50 лет связан практически со всеми показателями готовности к возрастным изменениям и не выражен в возрасте 25–30 лет. Следовательно, данный симптомокомплекс формируется в относительно позднем онтогенезе – средней зрелости;

✓ показатель социальной готовности у женщин 45–50 лет связан с интернальностью в области неудач, развитием самоконтроля и собственной ответственности в профессиональной деятельности, чего нет у более молодых женщин;

✓ когнитивный уровень готовности к возрастным изменениям у молодых женщин 25–30 лет вызывает травмирующие, отрицательные переживания;

✓ для женщин 45–50 лет когнитивный уровень осознания возрастных изменений образует целостную непротиворечивую структуру и может обеспечивать адекватное компенсаторное приспособление к профессиональной деятельности и толерантное принятие возрастных изменений.

Список литературы

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л., 1968.
2. *Глуханюк Н.С., Гершкович Т.Б.* Поздний возраст и стратегии его освоения. – Изд. 2-е, доп. – М., 2003.
3. *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. – М., 2004.
4. *Олпорт Г.* Становление личности. – М., 2002.
5. Психологическая зрелость личности / под ред. Л.А. Головей. – СПб., 2014.
6. *Силина Е.А.* Дифференциально-психологическое исследование интегральной индивидуальности людей зрелого и пожилого возраста // Вестник ПГПУ. Серия X. Дифференциальная психология. – 2010. – Вып. 1/2. – С. 184–201.

7. *Силина Е.А.* Некоторые эмоционально-личностные особенности людей пожилого возраста // *Ананьевские чтения – 2010. «Современные прикладные направления и проблемы психологии»:* материалы науч. конф., 19–20 окт. 2010 г. – Ч. 2. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. – С. 157–159.
8. *Силина Е.А.* Онтогенез интегральной индивидуальности людей зрелого и пожилого возраста // *Вестник ПГПУ. Серия 1. Психология.* – 2010. – Вып. 1/2. – С. 74–79.
9. *Эриксон Е.* Детство и общество. – Изд. 2-е. – СПб., 1996.
10. *Юнг К.* Проблемы души нашего времени. – М., 1996.
11. *Erikson E.H.* On generativity and identity // *Harvard Educational Review.* – 1981. – № 51. – P. 249–269.
12. *Jung* The Stages of Life // *The Collected works of Jung C.* – 1931/1960. – Vol. 8.
13. *Levinson D.A.* Conception of adult development // *American Psychologist.* – 1986. – № 41. – P. 3–13.
14. *Neugarten B.* The changing meaning of age // *Psychology Today.* – 1987. – № 21 (5). – P. 29–33.

УДК 159.922.8 + 159.923.33

Шведчикова Юлия Сергеевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии

*ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, Сибирская, 24, +7(342) 212-85-90, e-mail: psyjulia@yandex.ru***ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
ГЕЙМЕРОВ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ****Julia S. Shvedchikova**

Ph.D., chair of practical psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»**24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: psyjulia@yandex.ru***SOCIAL COMPETENCE IN ADOLESCENT GAMERS**

Аннотация. В статье представлены результаты изучения социальной компетентности геймеров в юношеском возрасте. Проведен анализ понятия «социальная компетентность». В исследовании показаны различия в рефлексивности, эмпатичности, когнитивной стороне социальной компетентности в зависимости от пола и уровня игровой компьютерной активности. Установлено, что структура социальной компетентности имеет как общие, так и специфические черты у геймеров разного пола.

Ключевые слова: социальная компетентность; геймеры; юношеский возраст.

Abstract. The paper presents the results of a study of social competence in adolescent gamers. Theoretical analysis of the concept of «social competence» was made to clarify the background of the study. The results show the differences in «reflexivity», «empathy» and cognitive aspects of social competence depending of the level of computer gaming activity. Sex differences were found in the same social competence characteristics. The structure of social competence have common and specific components of gamers of different sexes.

Key words: social competence; adolescent gamers.

Современная жизнь характеризуется компьютеризацией всех ее сфер. Повсеместное распространение компьютеров ставит перед учеными ряд проблем, одна из которых – изучение позитивных и негативных последствий

взаимодействия человека с компьютером, конкретизация теоретических аспектов проблемы и др. Взаимодействие человека с компьютером может носить различный характер. Особое место здесь занимают компьютерные игры.

Анализ литературных источников показал, что обычно в исследованиях рассматривается взаимосвязь компьютерной игровой активности с качеством и выраженностью тех или иных психических особенностей, процессов, таких как память, мышление, коммуникативные способности и др., при этом, по данным С.А. Шапкина, обычно исследуются детский или подростковый возрасты как «начальные» во взаимодействии с компьютером [15].

Виртуальная реальность становится дополнительным инструментом, облегчающим достижение целей человека, средой для переноса социальной жизни и опосредованного контакта. Особенности взаимоотношений с этой реальностью оказываются отражением жизни человека и ее продолжением [1; 9]. Существуют исследования, которые касаются проблематики личности (М.А. Андреева), социального взаимодействия (косвенно касаются коммуникативной компетентности) (А.Е. Войскунский, Ю.Д. Бабаева), других психологических характеристик (Л.В. Черемошкина) [2; 3; 5; 14].

Термин «компетентность социального взаимодействия», по мнению И.А. Зимней, Н.М. Кодинцевой, А.А. Петровской, Ю.И. Емельянова, А.А. Панкратовой характеризует успешность, адекватность и эффективность интерперсональных связей и отношений, проявления личности в социальных контактах и понимание себя в них, ситуативную адаптивность и свободное владение средствами социального поведения, выраженность социального интеллекта [6; 8; 11; 15].

Единица анализа компетентности общения, по И.А. Зимней, – решение проблемной ситуации в общении. Формально компетентность социального взаимодействия может быть определена как представленность в ментальном опыте индивида различных типов проблемных ситуаций социального взаимодействия и владение способами их решения [8].

Понятие «социальная компетентность» достаточно широкое. Однако обратимся к позиции Ю.Н. Емельянова, отмечавшего, что социальная компетентность проявляется в триединстве чувств, мыслей и действий человека. Иначе говоря, в ней выделяют эмоциональную, когнитивную и поведенческую стороны [6].

В своем исследовании мы опираемся на обобщение некоторых характеристик, полученное в ходе теоретического анализа, на основании которого нами была создана сводная таблица сторон (сфер) социальной компетентности (табл. 1). Результат данного анализа послужил основой для подбора диагностического инструментария.

На наш взгляд, важным является изучение особенностей компетентности социального взаимодействия в связи с компьютерной игровой активностью.

Несмотря на то, что юноши составляют группу, очень активно взаимодействующую с компьютером, в том числе и с компьютерными играми, представители этого возраста исследуются в связи с данной проблематикой гораздо реже, чем представители детского и подросткового возраста.

Таблица 1

Стороны (сферы) социальной компетентности

Когнитивная		Поведенческая	Эмоциональная
Знания и навыки взаимодействия с обществом, коллективом, семьей (И.А. Зимняя) Знание этикета (И.А. Зимняя)/ Владение социальными нормативами (Н.М. Козинцева)/ Владение идейно-нравственными нормами, закономерностями общественной жизни (Ю.Н. Емельянов) Владение устной и письменной речью (И.А. Зимняя) / Свободное владение вербальными и невербальными средствами социального поведения (Ю.Н. Емельянов) Умение вести диалог, монолог (И.А. Зимняя) Умение преодолевать конфликтные ситуации (И.А. Зимняя) Навыки общения (И.А. Зимняя)		Реализация знаний, умений, навыков (см. когнитивную сферу) в социальных контактах с окружающими людьми / участие в коммуникативных ситуациях (Ю.Н. Емельянов) Активность в социальном взаимодействии, инициатива – в противовес пассивности, избеганию социальных контактов (Н.М. Козинцева) Конструктивное поведение в конфликтах (Н.М. Козинцева) Творческий подход в социальном взаимодействии, творческое решение проблемных ситуаций – в противовес стереотипным действиям по шаблонам, «сценариям» (Н.М. Козинцева) Построение социальных контактов на разной психологической дистанции – в противовес инерционности позиции, богатая палитра психологических позиций и средств, гибкость в их смене, полнота самовыражения (А.А. Петровская) Ситуативная адаптивность поведения (как результат) (Ю.Н. Емельянов)	Эмоциональная готовность к сотрудничеству (И.А. Зимняя) Сенситивность – эмоциональная чувствительность к психическим состояниям других людей, их стремлениям, ценностям и целям (основа эмпатии) Эмпатия – способность вчувствования, эмоционального резонанса на переживания другого (Ю.Н. Емельянов)
Рефлексивность	Осознание межличностных ситуаций, коммуникативных событий, закрепление результатов в когнитивных структурах психики в виде умений и навыков (Ю.Н. Емельянов) Осознание собственных потребностей и ценностных ориентаций (Ю.Н. Емельянов) Способность воспринимать окружающее без субъективных искажений (Ю.Н. Емельянов) Готовность воспринимать новое во внешней среде (Ю.Н. Емельянов) Понимание норм и ценностей других социальных групп (Ю.Н. Емельянов) Осознание чувств и состояний в связи с воздействием факторов внешней среды (Ю.Н. Емельянов) Осознание уровня экономической культуры (отношение к среде обитания) (Ю.Н. Емельянов)		
	Социальный интеллект (Эмоциональный интеллект (А.А. Панкратова) – устойчивая, основанная на специфике мыслительных процессов, аффективного реагирования (<i>связь с эмоциональной сферой</i>) и социального опыта способность понимать самого себя, других людей и их взаимоотношения и прогнозировать межличностные события в постоянном видоизменении психических состояний и межличностных отношений (Ю.Н. Емельянов)		
Н.М. Козинцева: социальная компетентность – интеллектуальное новообразование			

Целью данного исследования являлось изучение особенностей социальной компетентности студентов, играющих и не играющих в компьютерные игры.

Гипотеза исследования: существуют статистически значимые различия в степени выраженности и структуре параметров когнитивной (эмоциональный интеллект, рефлексивность), поведенческой (уверенность в себе) и эмоциональной (социальная эмпатия) сфер социальной компетентности как в зависимости от пола, так и в зависимости от уровня компьютерной игровой активности.

В исследовании приняли участие 126 человек – это молодые люди в возрасте от 17 до 22 лет (64 девушки и 62 юноши). В бланке ответов респондентам предлагалось ответить на тест А.В. Котлярова, состоящий из 16 вопросов, направленных на выявление степени склонности к игровой компьютерной активности [9].

Выборка была поделена на две группы в соответствии с ответами испытуемых:

1. Испытуемые с низким уровнем компьютерной игровой активности (66 человек: 34 девушки и 32 юноши).

2. Испытуемые-геймеры (60 человек: 30 девушек и 30 юношей) (при 5 и более положительных ответов в тесте).

Методики исследования подбирались нами с учетом необходимости исследовать все выделенные сферы социальной компетентности: когнитивную, поведенческую и эмоциональную.

1. Опросник «ЭмИн» – методика для измерения эмоционального интеллекта (Д.В. Люсин) [10].

2. Психодиагностическая методика определения индивидуальной меры рефлексивности (А.В. Карпов, В.В. Пономарева) [7].

3. Тест уверенности в себе (В.Г. Ромек) [12].

4. Методика для диагностики социальной эмпатии (Н.П. Фетискин) [13].

Результаты исследования

Для выявления различий в показателях когнитивной, поведенческой и эмоциональной сфер социальной компетентности в исследуемых группах использовалось сравнение средних значений по Т-критерию Стьюдента (для независимых выборок). Сравнение проводилось как в общем по выборке, так и с учетом пола. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Рассмотрим различие, полученное как при сравнении выборок без учета пола, так и при сравнении испытуемых одного пола: среднее значение показателя социальной эмпатии в группе испытуемых с низкой игровой активностью значимо выше, чем в группе геймеров. Это свидетельствует о том, что юноши с низкой компьютерной игровой активностью более отзывчивы к переживаниям других, больше склонны к сопереживанию. Возможно, это связано с тем, что при высокой игровой активности человек становится менее

чувствительным в реальных отношениях с людьми, так как в компьютерной игре от человека не требуется сочувствия или сопереживания.

Но возможно и обратное: геймерами становятся люди, изначально менее эмпатичные в реальных отношениях с другими людьми.

При сравнении средних значений без учета пола также было выявлено, что испытуемые с низкой компьютерной игровой активностью обладают более высоким внутриличностным интеллектом: лучше могут понимать свои эмоции, управлять ими. У них более выражено понимание эмоций вообще: т.е. не только своих, но и чужих. Возможно, благодаря этому они менее робки и застенчивы при установлении социальных контактов и непосредственном взаимодействии с другими людьми.

Это может быть связано с тем, что у геймеров навыки непосредственного социального взаимодействия, не требующиеся им при частой включенности в компьютерную игру, перестают развиваться или ухудшаются. Или, напротив, к компьютерной игре обращаются люди, которые не обладают достаточным или желаемым уровнем характеристик, необходимым для активного и продуктивного взаимодействия с другими; они находят удовлетворение в виртуальной реальности компьютерной игры.

Рассмотренные характеристики относятся ко всем трем сферам социальной компетентности: когнитивной, поведенческой и эмоциональной. То есть различия между геймерами и испытуемыми с низкой компьютерной игровой активностью затрагивают все стороны социальной компетентности.

При сравнении групп девушек с разным уровнем игровой активности выявлены различия, большей частью относящиеся к когнитивной стороне социальной компетентности.

Девушки с низкой компьютерной игровой активностью обладают более высоким межличностным эмоциональным интеллектом, т.е. более способны понимать эмоции других людей и управлять ими. Они также более склонны анализировать прошлые события, возможные ошибки, их причины; обладают большей, по сравнению с геймерами, склонностью планировать деятельность, представлять себе ее цели, будущие результаты, вероятный исход. Девушки с низкой компьютерной игровой активностью обладают большей способностью вызывать у других людей «нужные» эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций и, возможно, манипулировать людьми. Они более способны контролировать внешние проявления своих эмоций и более склонны к рефлексии.

В целом можно сказать, что девушки с низкой компьютерной игровой активностью больше включены в социальное взаимодействие, более активно проявляются в нем по сравнению с девушками-геймерами. Они больше анализируют деятельность, лучше контролируют как себя, так и других людей. Можно сказать, что им проще в социальном взаимодействии, они обладают более высокими показателями социальной компетентности.

Таблица 2

Результаты сравнения по Т-критерию Стьюдента (по уровню компьютерной игровой активности)

Показатель	1				2				3			
	Среднее		t	p	Среднее		t	p	Среднее		t	p
	Испытуе-мые с низк. к.и.а.	Геймеры			Девушки с низк. к.и.а.	Девушки - геймеры			Юноши с низк. к.и.а.	Юноши-геймеры		
Понимание чужих эмоций	24,14	22,02	3,053	0,006	23,21	21,90	1,615	0,111	25,13	22,13	3,401	0,001
Управление чужими эмоциями	20,11	19,50	1,032	0,304	19,74	18,23	2,120	0,038	20,50	20,77	-0,298	0,767
Межличностный эмоциональный интеллект	44,24	41,03	2,958	0,004	42,94	39,17	2,680	0,009	45,63	42,90	1,733	0,088
Понимание своих эмоций	17,74	16,18	2,182	0,031	17,53	16,60	0,979	0,331	17,97	15,77	2,036	0,046
Управление своими эмоциями	13,86	13,08	1,187	0,238	12,79	12,80	-0,008	0,994	15,00	13,37	1,577	0,120
Контроль экспрессии	10,67	9,60	1,893	0,061	10,12	8,47	2,309	0,024	11,25	10,73	0,625	0,534
Внутриличностный эмоциональный интеллект	42,27	38,87	2,033	0,044	40,44	37,87	1,320	0,192	44,22	39,87	1,599	0,115
Понимание эмоций	41,88	39,20	2,295	0,023	40,74	38,50	1,452	0,152	43,09	39,90	1,824	0,073
Управление эмоциями	44,64	42,32	1,492	0,138	42,65	39,83	1,559	0,124	46,75	44,80	0,797	0,428
Ретроспективная рефлексия деятельности	33,53	32,28	1,967	0,051	34,12	31,83	2,455	0,017	32,91	32,73	0,203	0,840
Рефлексия настоящей деятельности	28,48	27,35	1,327	0,187	28,06	26,13	1,438	0,155	28,94	28,57	0,362	0,719
Рефлексия будущей деятельности	34,17	32,33	2,024	0,045	34,56	31,80	1,963	0,054	33,75	32,87	0,771	0,444
Рефлексия общения с другими людьми	34,55	35,23	-0,773	0,441	35,76	36,50	-0,678	0,500	33,25	33,97	-0,526	0,601
Рефлексия - суммарный показатель	5,41	5,02	1,528	0,129	5,68	4,87	2,354	0,022	5,13	5,17	-0,110	0,913
Уверенность в себе	7,86	7,20	2,269	0,025	7,74	7,33	0,909	0,367	8,00	7,07	2,423	0,018
Социальная смелость	6,45	5,65	2,422	0,017	6,00	5,07	1,864	0,067	6,94	6,23	1,769	0,082
Инициатива в социальных контактах	5,26	5,18	0,247	0,805	5,38	5,33	0,116	0,908	5,13	5,03	0,213	0,832
Социальная эмпатия	24,41	22,23	3,074	0,010	25,38	23,23	2,369	0,021	23,38	21,23	2,502	0,015

Примечание: Испытуемые с низк. к.и.а. – Испытуемые с низкой компьютерной игровой активностью

При сравнении групп юношей с разным уровнем игровой активности также обнаружено, что различия в основном относятся к когнитивной стороне социальной компетентности. Так, юноши-геймеры по сравнению с юношами с низкой компьютерной игровой активностью менее способны устанавливать факт наличия эмоционального переживания у себя или у другого человека; устанавливать, какую именно эмоцию испытывают они или другие люди; понимать причины, вызвавшие эмоцию, и следствия, к которым она может привести. Это различия в когнитивной сфере социальной компетентности.

Кроме этого, юноши-геймеры менее способны принимать решения в сложных ситуациях, контролировать свои действия и их результаты, что характеризует поведенческую сторону социальной компетентности.

Следует отметить, что в группе девушек значимых различий почти в два раза больше, чем в группе юношей. Девушки больше, чем юноши, отличаются друг от друга в зависимости от степени компьютерной игровой активности. Это может означать, что сферы социальной компетентности у девушек более «восприимчивы» и сильнее изменяются под влиянием регулярного участия в компьютерных играх.

Общее же снижение параметров социальной компетентности у геймеров (10 показателей из 18) можно рассматривать как следствие взаимодействия с компьютерными играми и как фактор, способствующий обращению к ним: обращение к компьютерной игре может осуществляется при и из-за неудовлетворенности реальной жизнью, невозможности себя реализовать в ней, чувствовать себя успешным, принятым и т.д.

Эти результаты согласуются с исследованием, ранее проведенным А.В. Березиной. Было выявлено, что не играющие люди более успешны в социальном взаимодействии и выстраивании собственной жизни. Они лучше контролируют свою деятельность и управляют своей жизнью, более открыты в общении, успешнее устанавливают близкие отношения [4].

Важным, на наш взгляд, является рассмотрение не только значимых различий, но и сходств геймеров и испытуемых с низкой компьютерной игровой активностью. При развивающей или коррекционной работе с геймерами основой, опорой может служить именно то, чем они схожи с людьми с низкой компьютерной игровой активностью.

По результатам сравнения выявлено, что геймеры так же хорошо, как и испытуемые с низкой компьютерной игровой активностью, способны вызывать и поддерживать у себя желательные эмоции и контролировать проявления нежелательных. У геймеров примерно такие же способности соотносить с предметной ситуацией собственные действия, координировать, контролировать элементы деятельности в соответствии с меняющимися условиями, не хуже способности к осознанию того, как они воспринимаются партнером по общению, умение предугадать реакцию окружающих на свои действия.

Следует отметить также то, что девушки-геймеры не отличаются от девушек с низкой компьютерной игровой активностью ни по одному из показателей поведенческой сферы социальной компетентности. То есть

проблемы, которые могут возникать у девушек-геймеров во взаимодействии с другими людьми, будут, скорее, связаны с несколько низкими параметрами когнитивной или (и) эмоциональной сфер. При работе с девушками целесообразно делать акцент на развитии именно этих сфер.

Что же касается юношей, то необходимо отметить отсутствие различий по рефлексивности, малое количество различий по параметрам эмоционального интеллекта, т.е. в целом по когнитивной сфере. Различия в когнитивной сфере касаются лишь *понимания* эмоций.

В поведенческой сфере у юношей отсутствуют различия в социальной смелости и инициативности. В поведении юноши-геймеры и юноши с низкой компьютерной игровой активностью в целом проявляют себя одинаково активно. Но, возможно, у геймеров, это «активность ради активности», т.е. лишь внешняя. Например, он может быть инициативен в социальных контактах, но не эмпатичен. В таком случае контактов может быть много, но они будут поверхностны, юноше будет тяжело устанавливать доверительные отношения. При развитии и совершенствовании двух других сфер социальной компетентности подобных трудностей можно избежать.

Для изучения особенностей структуры социальной компетентности у девушек и юношей с разным уровнем компьютерной игровой активности нами использовался факторный анализ по методу главных компонент.

В результате факторного анализа были выделены структуры, раскрывающие специфику социальной компетентности девушек и юношей с разным уровнем компьютерной игровой активности. Каждая структура представлена четырьмя факторами (табл. 3).

Сравнение полученных результатов показывает, что в структуре социальной компетентности, независимо от пола и уровня игровой активности, выделяются сходные компоненты: когнитивно-регуляторный, поведенческий и рефлексивно-прогностический.

Анализируя структуру социальной компетентности у девушек, следует отметить, что в группе с низкой игровой активностью социальная эмпатия вошла в один фактор с показателями понимания эмоций, а в группе девушек-геймеров – с предвосхищением социального контакта. Кроме того, заслуживает внимания место показателя контроля экспрессии: у девушек с низкой игровой активностью контроль экспрессии связан с управлением своими эмоциями, а у девушек-геймеров – с пониманием и управлением чужими эмоциями.

Сравнение факторных структур, полученных в группах юношей, также обращает наше внимание на показатель социальной эмпатии: у юношей с низкой игровой активностью социальная эмпатия вошла в один фактор с параметрами уверенного и инициативного поведения, а у юношей-геймеров – с рефлексивными особенностями. То есть юноши с низкой компьютерной игровой активностью выражают свой эмоциональный отклик, сопереживание в непосредственном поведении. При этом эмоции не связаны с построением юношами планов дальнейшей деятельности и взаимодействия, чего нельзя сказать о геймерах.

Планирование взаимодействия у юношей-геймеров проявляется вместе с их эмоциональным откликом на ситуацию, взаимодействие, человека; а юноши с низкой компьютерной игровой активностью планируют взаимодействие независимо от испытываемых эмоций. Кроме того, у юношей-геймеров рефлексия общения не входит в фактор, объединяющий другие виды рефлексии.

Таблица 3

**Содержание факторов в структуре социальной компетентности
в зависимости от пола и уровня компьютерной игровой активности**

Девушки с низкой компьютерной игровой активностью	Девушки-геймеры
- понимание чужих и своих эмоций, - управление чужими эмоциями, - социальная эмпатия	- понимание чужих эмоций, - управление чужими и своими эмоциями, - контроль экспрессии
- уверенность в себе, - социальная смелость - инициатива в социальных контактах	- уверенность в себе, - социальная смелость, - инициатива в социальных контактах
- управление своими эмоциями - контроль экспрессии	- рефлексия будущей деятельности, - рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми, - социальная эмпатия
- рефлексия будущей деятельности, - рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми	- ретроспективная рефлексия деятельности, - рефлексия настоящей деятельности
Юноши с низкой компьютерной игровой активностью	Юноши-геймеры
- понимание чужих и своих эмоций, - управление чужими и своими эмоциями, - контроль экспрессии	- понимание своих эмоций, - управление своими эмоциями, - контроль экспрессии
- рефлексия будущей деятельности, - рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми	- уверенность в себе, - социальная смелость, - инициатива в социальных контактах
- уверенность в себе, - инициатива в социальных контактах, - социальная эмпатия	- ретроспективная рефлексия деятельности, - рефлексия настоящей деятельности, - рефлексия будущей деятельности
- ретроспективная рефлексия деятельности, - рефлексия настоящей деятельности	- рефлексия будущей деятельности, - рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми, - социальная эмпатия

Итак, планирование будущего у юношей с низкой компьютерной игровой активностью занимает особое место. Как правило, оно осуществляется независимо от испытываемых переживаний. Возможно, это связано с четкой нацеленностью на достижение конкретных результатов в дальнейшей жизни.

Различия в структуре социальной компетентности касаются всех ее сфер: когнитивной (специфика выделения параметров рефлексивности в факторы; роль и место эмоциональной сферы в этих факторах); эмоциональной

(специфика взаимного проявления эмоциональной сферы социальной компетентности и двух других); поведенческой (появление вместе с эмоциональной сферой или относительная автономия).

Таким образом, обнаружено, что структуры социальной компетентности имеют существенные отличия, свои характерные черты.

В структуре социальной компетентности девушек с низкой компьютерной игровой активностью выделяются аспекты управления, организации других людей, себя, а также тщательное планирование будущих ситуаций социального взаимодействия. В структуре социальной компетентности девушек-геймеров в большей степени выявляются эмоциональные аспекты.

В структуре социальной компетентности юношей с низкой компьютерной игровой активностью можно подчеркнуть аспекты достаточно четкой самоорганизации: как ситуативного координирования с учетом ранее происходивших событий, так и планирования будущего. Структура социальной компетентности юношей-геймеров отличается аспектами рефлексии: анализа деятельности в целом, во временном аспекте, а также анализа будущего общения во взаимном проявлении с эмоциональным откликом на него. Отличия в структуре затрагивают все сферы социальной компетентности.

Выводы

1. Геймеры отличаются меньшей выраженностью параметров социальной компетентности во всех сферах (когнитивной, эмоциональной, поведенческой). Девушки больше, чем юноши, отличаются друг от друга зависимости от степени компьютерной игровой активности. Возможно, сферы социальной компетентности девушек более «восприимчивы» и сильнее изменяются под влиянием регулярного участия в компьютерных играх.

2. В структуре социальной компетентности выделяются сходные компоненты, независимо от пола и уровня игровой компьютерной активности. Специфика структуры социальной компетентности геймеров разного пола связана с различным положением параметров социальной эмпатии и контроля экспрессии.

Список литературы

1. *Авербух Н.В.* Психологические аспекты присутствия в виртуальной среде // Вопросы психологии. – 2010. – № 5. – С. 105–113.
2. *Андреева М.А.* Личностные особенности старшеклассников, увлекающихся компьютерными играми: выпуск. квалификац. работа. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 81 с.
3. *Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е.* Психологические последствия информатизации // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19, № 1. – С. 89–100.

4. *Березина А.В.* Взаимосвязь личностного благополучия и компетентности социального взаимодействия студентов, играющих в компьютерные игры: курсовая работа. – Пермь: ПГПУ, 2011. – 67 с.
5. *Войскунский А.Е.* Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25, № 1. – С. 90–100.
6. *Емельянов Ю.И.* Активное социально-психологическое обучение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 168 с.
7. *Карпов А.В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 5. – С. 45–57.
8. *Кодинцева Н.М.* Опыт создания методики измерения компетентности социального взаимодействия // Психологическая диагностика. – 2006. – № 3. – С. 27–46.
9. *Котляров А.В.* Другие наркотики, или Homo Addictus: Человек зависимый. – М.: Психотерапия, 2006. – 480 с.
10. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: Опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.
11. *Панкратова А.А.* Практический, социальный и эмоциональный виды интеллекта: сравнительный анализ // Вопросы психологии. – 2010. – № 2. – С. 111–119.
12. *Ромек В.Г.* Тест уверенности в себе // Психологическая диагностика. – 2008. – № 1. – С. 59–81.
13. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. – 490 с.
14. *Черемошкина Л.В., Никишина Н.А.* Эффективность мнемических способностей и время реакции геймеров // Вопросы психологии. – 2009. – № 5. – С. 84–92.
15. *Шапкин С.А.* Компьютерная игра: новая область психологических исследований // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20, № 1. – С. 86–102.

РАЗДЕЛ 5. ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159.9: 37.015.3

Волочков Андрей Александрович

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой
практической психологии

*ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия*

614990, Пермь, Сибирская, 24, +7(342) 212-85-90, e-mail: volochkov57@mail.ru

УСПЕВАЕМОСТЬ И КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УЧЕБНОЙ АКТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКА

Andrey A. Volochkov

Doctor of psychological Sciences, Professor,
head of the Chair of practical psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»*

Perm, Russia, 614990, 24, Sibirskaja, e-mail: volochkov57@mail.ru

ACADEMIC PERFORMANCE AND COGNITIVE DEVELOPMENT AS FUNCTIONS OF STUDENT ACADEMIC ACTIVENESS

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязей учебной активности, когнитивных характеристик и учебной результативности младших школьников и подростков. Обнаружено, что когнитивные характеристики и учебная активность влияют на успеваемость школьников, при этом наибольший вклад в обеих возрастных группах вносит учебная активность. Также обсуждаются эффекты учебной активности младших школьников и подростков на вариацию когнитивных характеристик.

Ключевые слова: когнитивное развитие; учебная активность; успеваемость.

Abstract. The article presents results of research into correlations among academic activeness, cognitive characteristics and academic achievements of primary and secondary school students. It was found that cognitive characteristics and academic activeness have a significant influence on students' academic performance. The largest contribution in both the age groups is that of academic activeness. Effects of academic activeness of primary and secondary school children on variation of cognitive characteristics is also discussed.

Key words: cognitive development; academic activeness; academic performance; path analysis.

Проблема и основные понятия исследования

Насколько влиятельным оказывается фактор учебной активности, активности субъекта образовательных взаимодействий по отношению к параметрам когнитивного развития? Соотношение учебной активности и когнитивного развития школьников, а также взаимодействие этих характеристик по отношению к учебной результативности изучены недостаточно. Мы предположили, что 1) имеется статистически достоверная взаимосвязь когнитивных характеристик, учебной активности и результативности обучения; 2) учебная активность и когнитивная сфера значимо влияют на успеваемость; 3) учебная активность оказывает существенное влияние на ряд когнитивных характеристик.

Учебная активность понимается в русле концепции целостной активности субъекта конкретной сферы взаимодействий [4; 5; 6] – активность субъекта в сфере образовательных взаимодействий, которая выражает меру субъектности ученика или студента в их учебной деятельности. Это мера зависимости учебной деятельности от ученика или студента как ее субъекта. В этом плане учебная активность – мера субъектности в учебной деятельности. *Потенциал активности* выражает соотношение желания и возможностей быть субъектом образовательных взаимодействий. *Регуляция активности* – соотношение импульсивной, эмоциональной и произвольной его регуляции. *Реализация активности* – соотношение исполнительских и творческих аспектов непосредственно наблюдаемой динамики учебной деятельности. *Результат* воплощает в себе итог движения и залог его постоянного возобновления, являясь, по сути, новым потенциалом активности. Единицей анализа активности является цикл активности.

Участники и организация исследования

Исследование проводилось в 2013 г. на выборке учащихся четвертых и девярых классов. В исследовании принимали участие три школы: СОШ № 1 – пос. Ильинский и СОШ № 3 и СОШ № 1 г. Осы. Школы обычные, общеобразовательные с преобладанием традиционной системы образования. Школа № 1 пос. Ильинского является массовой школой, в которой учатся более 800 школьников. Школа № 3 г. Осы является также массовой школой, но имеет статус кадетской. Здесь в каждой параллели существует специализированный гимназический кадетский класс. Школа № 1 г. Осы (около 350 учащихся) также является типичной школой малого города, в котором имеются все ступени обучения – младшая, основная и старшая. Всего в исследовании приняло участие 263 учащихся массовых школ двух административных территорий Пермского края (Ильинский и Осинский районы), 138 младших школьников (4-е классы) и 125 старших подростков (9-е классы). По полу выборку составили: 121 девочка и 142 мальчика.

Инструментарий

Использовались программа наблюдения и опросник «Учебная активность школьника» по А.А. Волочкову [7], Стандартные прогрессивные матрицы Д. Равена [18; 19], тест вербального интеллекта «Владение словарем» и тест «Критический анализ» по Д. Барретту в адаптации А.А. Волочкова [1]. У старших подростков также использовался опросник «Уровень рефлексивности» по А.В. Карпову и В.В. Пономаревой [10].

Вычислялись усредненные за полугодие показатели текущей успеваемости отдельно по 3 предметам (русский язык, математика, природоведение у младших школьников; русский язык, математика, история – у девятиклассников). Кроме того, вычислялся агрегированный усредненный индекс успеваемости.

Анализ данных

Использовались корреляционный, путевой, дисперсионный и другие виды анализа эмпирического массива данных. Более подробно остановимся на путевом анализе и его результатах.

Путевой анализ (анализ путей, казуальный анализ и т.д.) – метод визуализации связей между тремя и более количественными переменными, основанный на построении графа связей между ними. Визуально эти графы представлены односторонними (эффекты, влияния) и двусторонними стрелками (корреляции переменных). В отличие от корреляционно-регрессионного подхода путевой анализ был разработан с целью причинного объяснения корреляции [14; 15; 16; 17; 23; 25].

В путевом анализе чрезвычайно удобным является использование стандартизированных коэффициентов регрессии, которое позволяет сопоставить влияние нескольких факторов по отношению к зависимой переменной с помощью непосредственного сравнения их путевых параметров.

1. Взаимосвязь когнитивных характеристик, учебной активности и результативности обучения

Для выявления взаимосвязей соответствующих характеристик в обеих выборках проводился корреляционный (по К. Пирсону) и эксплораторный факторный анализ по методу главных компонент. Все корреляции учебной активности, когнитивных характеристик и успеваемости оказались значимыми. Обобщенную картину связей дают итоги их факторного анализа (табл. 1).

У девятиклассников в анализе на одну переменную больше. Это – рефлексивность как метакогнитивная характеристика, по А.В. Карпову и В.В. Пономаревой (2005). Однако это не влияет на итоги анализа. В обеих выборках образовался лишь один значимый фактор, который демонстрирует сильные прямо пропорциональные взаимосвязи учебной активности, когнитивных характеристик и учебной результативности, что полностью подтверждает нашу первую гипотезу.

Таблица 1

Итоги факторного анализа взаимосвязей переменных в двух выборках

4 класс, n = 138		9 класс, n = 125	
Переменные	Factor	Переменные	Factor
УА (общий индекс учебной активности, по А.А. Волочкову)	-0,76	УА (общий индекс учебной активности, по А.А. Волочкову)	-0,59
RW (невербальный интеллект, по Д. Равену)	-0,65	RW (невербальный интеллект, по Д. Равену)	-0,67
Словарь (Вербальный интеллект, по Д.Барретту)	-0,74	Словарь (Вербальный интеллект, по Д. Барретту)	-0,70
Анализ ("Критическое мышление", по Д. Барретту)	-0,68	Анализ ("Критическое мышление", по Д. Барретту)	-0,71
УСП (успеваемость)	-0,82	РЕФЛ (рефлексия, по Карпову-Пономаревой)	-0,59
		УСП (успеваемость)	-0,87
Собственное число	2,69	Собственное число	2,91
Доля объясняемой дисперсии	54 %	Доля объясняемой дисперсии	48 %

2. Влияние когнитивных характеристик и учебной активности на успеваемость школьника

Совместное влияние учебной активности и ряда когнитивных характеристик на усредненный индекс текущей успеваемости школьников по трем предметам (математика, русский язык, природоведение или история) оценивалось с помощью путевого анализа, итоги которого представлены на рис. 1–2. Путевой анализ, с одной стороны, позволяет наглядно представить обычные корреляции влияющих переменных друг с другом (двунаправленные стрелки в путевой диаграмме), с другой – оценить воздействие каждой из этих переменных на зависимую переменную (в данном случае успеваемость) в виде стандартизованных регрессионных коэффициентов. Эти коэффициенты проставлены над однонаправленными стрелками. Кроме того, вычисляется коэффициент детерминации R^2 , который показывает меру совместного влияния всех независимых переменных по отношению к зависимой, а также вклад в ее дисперсию других факторов (обозначен как «е») [8; 11; 24].

У четвероклассников представленная модель объясняет 49 % вариации успеваемости, у девятиклассников – 61 %.

В обеих выборках учебная активность и когнитивные характеристики значимо и прямо пропорционально взаимосвязаны, на что указывают соответствующие коэффициенты корреляции. Интересно, что связь индекса учебной активности с невербальным интеллектом по тесту Д. Равена у девятиклассников становится даже сильнее! Напротив, связь учебной активности с вербальным интеллектом (тест словаря, по Д. Барретту) с возрастом ослабевает. Динамика взаимосвязей других показателей также прослеживается и легко может быть интерпретирована самим читателем. Вместе с тем подчеркнем: все переменные статистически достоверно

коррелируют в обеих выборках, что показывает устойчивую взаимосвязь учебной активности и когнитивной сферы.

Наиболее интересен сравнительный анализ влияния учебной активности и когнитивных характеристик на успеваемость школьников. Наибольший вклад в успеваемость, как у выпускников начальной школы, так и у девятиклассников, вносит учебная активность (стандартизованные коэффициенты регрессии 0,43 и 0,36 соответственно). Вклад продуктивного компонента генерального фактора g , на измерение которого направлены «Стандартные прогрессивные матрицы» Д. Равена максимален у четвероклассников (0,31), а у девятиклассников значительно снижается (0,19). У старших подростков среди когнитивных предикторов успеваемости лидируют вербальный интеллект по тесту словаря Д. Барретта и метакогнитивная рефлексивность (по А.В. Карпову и В.В. Пономаревой).

Таким образом, когнитивная сфера и учебная активность действительно влияют на успеваемость школьников. Если когнитивные влияния очевидны и хорошо изучены [3; 9; 22], то лидерство учебной активности во вкладах в успеваемость – новый факт в психолого-педагогических исследованиях.

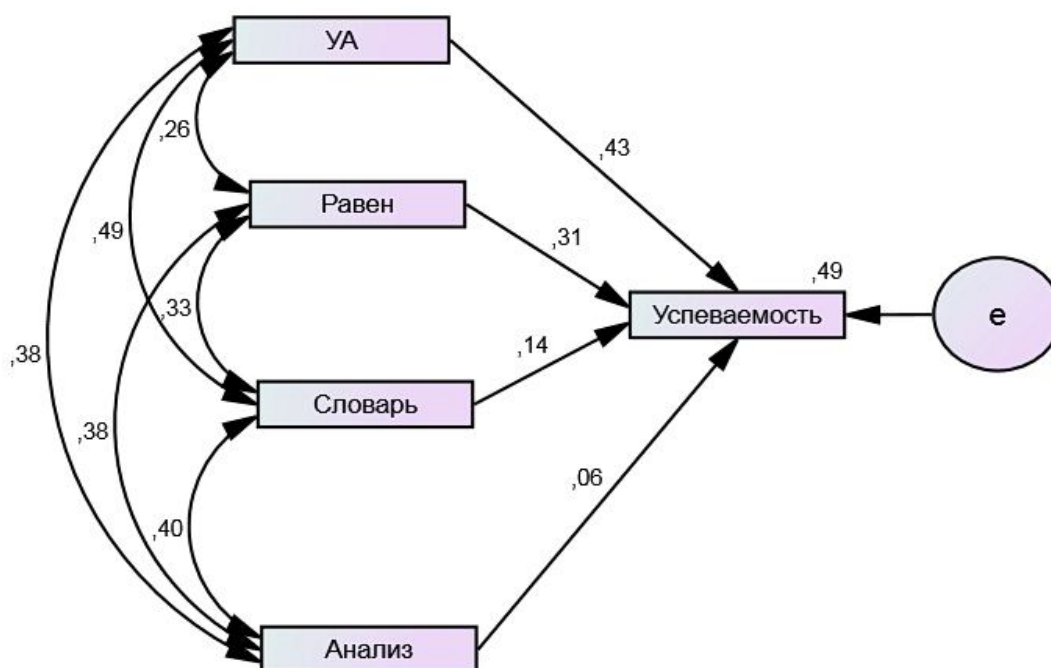

Рис. 1. Диаграмма анализа путей; выборка 138 учащихся четвертых классов школ пос. Ильинский и г. Осы Пермского края

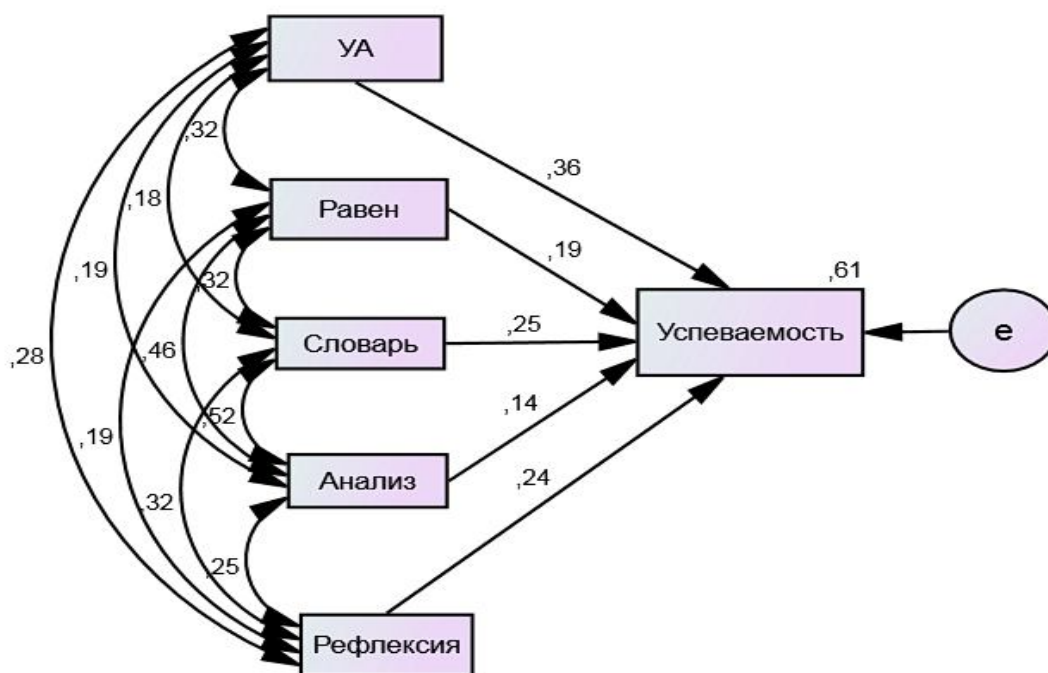

Рис. 2. Диаграмма анализа путей; выборка 125 девятиклассников школ пос. Ильинский и г. Осы Пермского края

3. Влияние учебной активности на когнитивную сферу школьника

Связь когнитивных характеристик и учебной активности, а также их взаимодействие по отношению к успеваемости школьников установлены. Имеется ли статистически достоверное влияние учебной активности на эти когнитивные характеристики? Если да, то в каком возрасте и относительно каких характеристик оно сильнее или слабее? Соответствующие предположения также проверялись с помощью путевого анализа. При этом независимой переменной был индекс учебной активности школьника, а зависимыми переменными выступали когнитивные показатели. Итоги путевого анализа представлены на рис. 3–4 и в табл. 2–3.

У четвероклассников учебная активность вносит существенный вклад ($p < 0,001$) во все измеренные когнитивные параметры, в особенности в вербальный интеллект (тест Словаря, по Д. Барретту) и критическое мышление школьников (тест «Критический анализ», по Д. Барретту). Это не удивительно, так как ряд исследований показал, что именно эти когнитивные характеристики более чувствительны к образовательным воздействиям [2; 13; 20; 21].

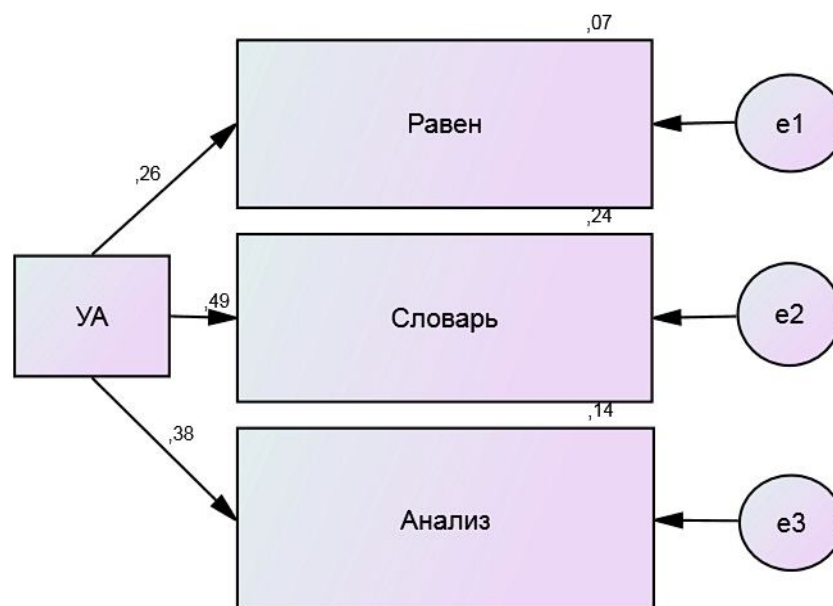

Рис. 3. Диаграмма анализа путей (четвертые классы, n = 138)

Таблица 2

Регрессионные веса путевого анализа «Учебная активность – когнитивные характеристики» (138 учащихся вторых классов)

Зависимые переменные	Путь	Фактор	Estimate	C.R.	p
Равен (невербальный интеллект, по Д. Равену)	<---	УА	1,356	3,132	,002
Анализ (критическое мышление, по Д. Барретту)	<---	УА	1,018	4,812	***
Словарь (вербальный интеллект, по Д. Барретту)	<---	УА	1,657	6,642	***

Примечание: Estimate – нестандартизованные коэффициенты регрессии; C.R. – значения критерия t-Стюдента; p – уровни значимости коэффициентов регрессии; *** – вероятность ошибки вывода о значимости регрессионного коэффициента не превышает 0,001.

У девятиклассников картина вкладов учебной активности в когнитивную сферу меняется (рис. 4, табл. 3). Снижается ее вклад в показатели вербального интеллекта и критического мышления. Одновременно нарастает влияние учебной активности на интеллектуальную продуктивность, измеренную по тесту Д. Равена. Вместе с тем «Стандартные прогрессивные матрицы» являются одним из лучших тестов, измеряющих генеральный фактор g, а он в свою очередь в значительной мере обусловлен генетически [9; 12; 18; 19]. Как объяснить полученный эффект? Имеются ли сходные факты в исследованиях с использованием теста Д. Равена?

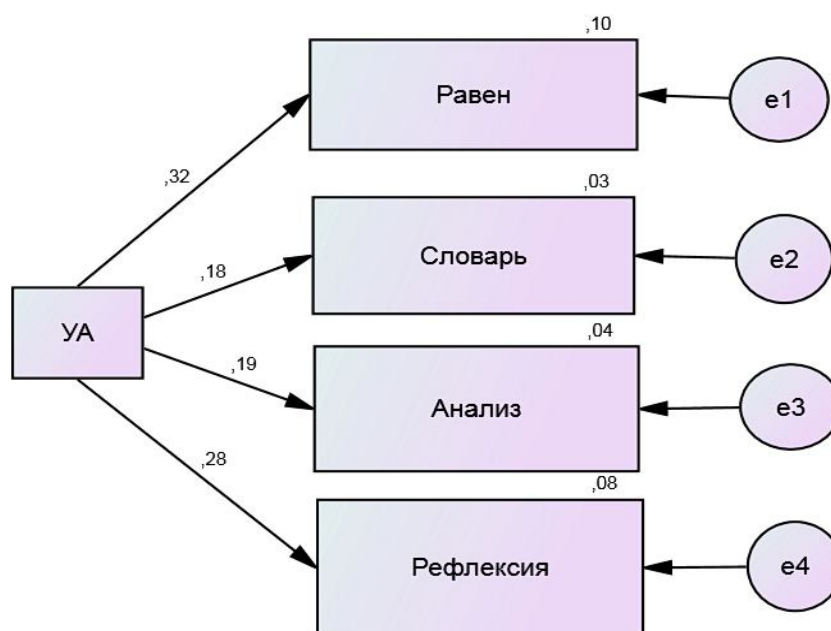

Рис. 4. Диаграмма анализа путей (девятые классы, $n = 125$)

Оказывается, да: «Безусловно, способность оперировать с задачами, поставленными в Матрицах, зависит от степени знакомства с точками, углами и линиями, а также от привычки проявлять настойчивость при осмыслении абстрактных конструкций. Практически каждый представитель общества с высоким уровнем грамотности приобретает опыт такого рода деятельности с такими 12 понятиями. Однако, хотя Дж. К. Равен был достаточно проницателен, чтобы анализировать тестовые показатели ПМР с учетом ценностного контекста, оказалось, что *различия в субъективном отношении людей к работе с абстракциями сказываются на тестовых оценках даже больше, чем он предполагал*. Напротив, их зависимость от других факторов, таких как уровень образования или домашняя обстановка, оказалась значительно ниже, чем считалось ранее [18, с. 12].

Таблица 3

Регрессионные веса путевого анализа «Учебная активность – когнитивные характеристики» (125 девятиклассников)

Зависимые переменные	Путь	Фактор	Estimate	C.R.	p
Невербальный интеллект, по Д. Равену	<---	УА	3,439	3,731	***
Критическое мышление, по Д. Барретту	<---	УА	2,065	2,036	,042
Вербальный интеллект, по Д. Барретту	<---	УА	1,620	2,152	,031
Рефлексивность, по А.В. Карпову, В.В. Пономаревой	<---	УА	8,912	3,244	***

Примечание: Estimate – нестандартизованные коэффициенты регрессии; C.R. – значения критерия t-Стюдента; p – уровни значимости коэффициентов регрессии; *** – вероятность ошибки вывода о значимости регрессионного коэффициента не превышает 0,001.

Таким образом, учебная активность оказывает существенное влияние на когнитивную сферу школьника. При этом следует обратить внимание на то, что этот вклад по отношению к продуктивному компоненту фактора *g*, определенного в теории когнитивной способности Ч. Спирмена, даже нарастает с приближением к ранней юности. Продуктивная способность, по Д. Равену – это способность генерировать новые инсайты, способность воспринимать и способность устанавливать взаимосвязи. Существенным элементом продуктивной способности является способность генерировать новые, преимущественно невербальные понятия, которые дают возможность свободно и ясно мыслить [19, с. 3].

Заключение

1. Учебная активность, когнитивная сфера и успеваемость статистически достоверно и прямо пропорционально взаимосвязаны. Эти связи устойчивы от младшего школьного к старшему подростковому возрасту.

2. Когнитивные характеристики и учебная активность влияют на успеваемость школьников, при этом наибольший вклад вносит учебная активность. Это «лидерство» обнаружено как у младших школьников, так и у старшекласников.

3. Связь учебной активности с невербальным интеллектом по тесту Равена от младшего школьного к старшему подростковому возрасту нарастает. Напротив, связь учебной активности с вербальным интеллектом ослабевает.

4. Как у младших школьников, так и у старших подростков учебная активность вносит статистически достоверный вклад в развитие когнитивной сферы. При этом снижается ее вклад в показатели вербального интеллекта и критического мышления. Влияние учебной активности на интеллектуальную продуктивность, измеренную по тесту Д. Равена, напротив, нарастает.

Список литературы

1. Барретт Д. Карьера: способности и выбор. Тесты. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 208 с.
2. Богоявленская Д.Б., Сусоколова И.А. Психометрическая интерпретация творчества. Научный вклад Дж. Гилфорда. – М.: МГППУ. – 2011. – 267 с.
3. Вайзер Г.А. Изучение проявлений субъектной позиции школьника в процессе обучения [Электронный ресурс]. – URL: <http://peanut.pp.ru/ru/conference/internet/doc.php?d=40>.
4. Волочков А.А. Активность субъекта бытия: Интегративный подход / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2007.

5. *Волочков А.А.* Активность субъекта в конкретной сфере жизни (на примере профессиональной активности учителя) // Психология. Экономика. Право. – 2013. – № 1. – С. 16–26.
6. *Волочков А.А.* Активность субъекта сферы жизни: теоретическая модель и эмпирика // Психология. журнал Высшей школы экономики – 2010. – Т. 7, № 1. – С. 19–55.
7. *Волочков А.А.* Вопросник учебной активности / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2002. – 58 с.
8. *Григоренко Е.Л.* Применение статистического метода моделирования с помощью линейных структурных уравнений в психологии: за и против // Вопросы психологии. – 1994. – № 4. – С. 108–126.
9. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 368 с.
10. *Карпов А.В., Скитяева И.М.* Психология метакогнитивных процессов личности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 352 с.
11. *Крамер Д.* Математическая обработка данных в социальных науках: современные методы: учеб. для студентов высших учеб. заведений / пер. с англ. И.В. Тимофеева, Я.И. Киселевой. – М.: Академия, 2007. – 288 с.
12. *Купер К.* Индивидуальные различия. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 527 с.
13. *Мазилев В.А., Слепко Ю.И.* Психометрическая парадигма в решении проблем творчества и способностей // Вопросы психологии. – 2013. – № 6. – С. 150–153.
14. *Митина О.В.* Структурное моделирование: состояние и перспективы // Ученые записки кафедры общей психологии факультета психологии МГУ. – М.: Смысл, 2005.
15. *Наследов А.* IBM SPSS Statistics 20 и AMOS. Профессиональный статистический анализ данных. – СПб.: Питер, 2013. – 416 с.
16. *Остапенко Р.И.* Основы структурного моделирования в психологии и педагогике. – Воронеж: ВГПУ, 2012. – 124 с.
17. *Остапенко Р.И.* Структурное моделирование в психологии и педагогике: проблемы науки и образования // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 2. – С. 49–60.
18. *Равен Д.К., Курт Д.Х., Равен Д.* Руководство к прогрессивным матрицам Равена и словарным шкалам. Разд. 1: Общая часть руководства: пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 1997. – 85 с.
19. *Равен Д.К., Курт Д.Х., Равен Д.* Руководство к прогрессивным матрицам Равена и словарным шкалам. Разд. 3. Стандартные прогрессивные матрицы: пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 1997. – 82 с.
20. *Холодная М.А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
21. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – СПб.: Питер. – 2002. – 289 с.
22. *Якунин В.А.* Педагогическая психология. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова: Полиус, 1998.

23. *Arbuckle J.L.* IBM SPSS Amos 21: User's Guide. IBM Corp., Amos Development Corporation, 2012. – 680 p.
24. *Bentler P.M.* EQS 6. Structural Equations Program Manual. Encino, CA: Multivariate Software, Inc, 2006.
25. *Tabachnick B.G., Fidell L.S.* Using Multivariate Statistics. Fifth Edition. Pearson International Edition, 2007.

УДК 159.922

Евтух Татьяна Викторовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, +7(342) 212-85-90, e-mail: TEvtuh@yandex.ru

**АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В СВЯЗИ
С ОСОБЕННОСТЯМИ ИХ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ****Tatiana V. Evtukh**

Ph.D., Assistant professor, Chair of psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: TEvtuh@yandex.ru*

**ADAPTATION OF STUDENTS TO TRAINING RELATED TO THE
FEATURES OF THEIR COGNITIVE STYLE**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования когнитивной составляющей адаптации студентов к обучению в высшем учебном заведении. Полученные данные свидетельствуют о наличии характеристик когнитивных стилей, способствующих (полнезависимость и преобладание словесного способа обработки информации над сенсорно-перцептивным) и затрудняющих (крайняя степень аналитичности) адаптацию. Различные когнитивные стратегии необходимо учитывать для адаптации студентов при обучении.

Ключевые слова: адаптация к обучению; когнитивный стиль; саморегуляция; психологическое благополучие; ситуативная и личностная тревожность.

Abstract. The article presents the results of a study of cognitive component of adaptation of students to learning in higher education. The findings indicate the presence of the characteristics of the cognitive styles of contributing (field independence and dominance of verbal information processing method of the sensory-perceptual) and hinder (extreme analytic) adaptation. Various cognitive strategies should be considered for adaptation of students in training.

Key words: adaptation of learning; cognitive style; self-regulation; psychological well-being; situational and personal anxiety.

Адаптацию понимают как совокупность реакций, направленных на наиболее эффективное приспособление индивида к определенным условиям его жизни и деятельности.

Методологические вопросы социально-психологической адаптации рассматриваются в трудах А.А. Началджяна (1988) [5], Н.А. Ошурковой (1995), О.И. Зотовой и И.К. Кряжевой (1995), С.А. Ларионовой (2002), Ф.Б. Березина (2005), А.А. Реана, А.Р. Кудашева, А.А. Баранова (2008) [7] и др.

Необходимость в социально-психологической адаптации обычно возникает при изменении привычных социальных условий или при изменении способа взаимодействия с привычной средой.

При анализе и обобщении разных подходов к понятию «социально-психологическая адаптация» можно отметить, что она предполагает процесс активного приспособления к условиям и требованиям социальной среды, в результате которого человек получает возможность успешно выполнять свою деятельность и поддерживать удовлетворённость различными сторонами своей жизни; приобщение личности к новым группам, видам деятельности, которые имеют место в данном социуме, принятие социально полезных стандартов поведения и ценностных ориентаций, сближение разных форм направленности личности с ожиданиями социальной среды; является важнейшим механизмом социализации и определяется взаимодействием личности и социальной среды.

Психологическая структура процесса социально-психологической адаптации представлена тремя компонентами: эмоциональным, когнитивным и поведенческим.

Эмоциональный компонент описывает общее эмоциональное состояние человека и его отношение к изменившейся ситуации.

Когнитивный компонент определяет степень информированности личности о ситуации, степень ориентировки в возникающих проблемных ситуациях.

На поведенческом уровне рассматривается активность индивида, направленная на преобразование ситуации. При этом активность может выражаться в виде внешнего поведения, а может выступать в форме внутренней активности, направленной на преобразование собственной личности.

Объективные (внешние) критерии адаптированности описываются в терминах «компетентность» или «успешность». Субъективные (внутренние) критерии адаптированности отражают соответствие внешних обстоятельств внутренним потребностям индивида и описываются через общее психологическое благополучие, отсутствие напряжения и тревоги (А.Н. Жмыриков, 1989; О.И. Зотова, И.К. Кряжева, 1995; Н.Н. Мельникова, 1998; 2004; Е.А. Луцко, 2008 и др).

Н.Н. Мельникова [4] выделяет пять взаимосвязанных этапов в процессе социально-психологической адаптации.

1. Первичная реакция на изменения.
2. Ориентировка.
3. Внутренняя переработка и осмысление.

4. Действия, направленные на изменение.

5. Продуктивное взаимодействие.

Отмечается, что при последовательном переходе с одного этапа к другому, различные компоненты (эмоциональный, когнитивный и поведенческий) приобретают неодинаковую значимость. Нагрузка как бы переносится с одного на другой, в зависимости от тех задач, которые приходится решать личности в процессе построения новой системы взаимодействия со средой. О большей нагрузке на когнитивную сферу адаптанта можно говорить при прохождении второго и третьего этапов адаптационного процесса.

В целом автор заключает, что особенности протекания и длительность каждого этапа могут быть различными и зависят от:

- 1) характеристик среды, с которой необходимо взаимодействовать;
- 2) интенсивности изменений;
- 3) общей адаптивности личности;
- 4) индивидуально-психологических особенностей человека,

позволяющих наиболее успешно функционировать на определённых этапах процесса. К последним, несомненно, можно отнести и особенности переработки информации человеком – особенности когнитивных стилей. Так, И.П. Шкуратова [10] среди основных функций когнитивных стилей выделяет адаптационную, состоящую в приспособлении индивидуальности к требованиям данной деятельности и социальной среды.

Непосредственно проблеме адаптации к обучению в вузе на протяжении нескольких десятков лет уделялось пристальное внимание в работах многих авторов. Однако следует отметить, что большинство публикаций по проблемам адаптации в основном посвящены психолого-педагогическому сопровождению адаптации студентов (С.Г. Рудакова, 2005; Н.С. Трофимова, 2005 [8]; Г.Ю. Авдиенко, 2007; Л.П. Баданина, 2009; Г.В. Безюлёва, 2008; Л.Л. Баландина, 2013 [3] и др.), лишь немногие исследователи обращаются к выявлению индивидуально-психологических факторов адаптационного процесса студентов-первокурсников (В.Ю. Хицкая, 2002; Т.О. Гордеева, 2005; И.М. Слободчиков, 2005; П.Д. Рабинович, М.П. Нуждина, 2006; Н.С. Лавриненко, 2010; С.А. Дюпина, 2015 [2]). В своей совокупности работы вышеуказанных авторов имеют важное теоретическое и практическое значение, однако в них не ставилась цель рассмотреть специфику когнитивной сферы в связи с показателями адаптированности.

Следует констатировать, что, с одной стороны, существует недостаточно разработана проблема адаптации в период первого года обучения в вузе, а также степень зависимости адаптационных характеристик от свойств когнитивной сферы, а с другой – необходимость дальнейшего учёта этих связей в процессе профессионального становления студентов, в организации условий для профессиональной успешности специалистов, что и определяет актуальность проведённого исследования.

Наше исследование направлено на выявление взаимосвязей адаптационных характеристик с показателями когнитивных стилей студентов первого курса.

В качестве испытуемых выступили студенты I курса Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета и Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Общая выборка составила 105 человек, в возрасте от 17 до 23 лет.

Были включены показатели по следующим диагностическим методикам:

- 1) «Включенные фигуры» К. Готтшальдта;
- 2) «Сортировка объектов» Р. Гарднера;
- 3) «Словесно-цветовая интерференция» Дж. Струпа;
- 4) «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана;
- 5) Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой;
- 6) «Шкала психологического благополучия» К. Рифф;
- 7) методика диагностики уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера,

Л. Ханина.

В результате исследования было выявлено, что большая часть первокурсников имеет достаточно высокие баллы по «Шкале психологического благополучия» К. Рифф, однако у трети студентов выборки наблюдается высокий уровень ситуативной, а у четверти – личностной тревожности.

Успешнее адаптироваться студентам могут помочь особенности их когнитивных стилей. Так, половина студентов являются рефлексивными (не торопятся с выводами, допускают мало ошибок при принятии решения, обдумывают разные варианты) и обладают гибким познавательным контролем; большее количество студентов полезависимы (а значит, социабельны) и демонстрируют широкий диапазон эквивалентности (могут легко переносить свой опыт из ситуации в ситуацию).

Нельзя сказать, что та или иная когнитивная стратегия является единственно верной для адаптации человека, однако нужно помнить о необходимости учёта разных когнитивно-стилевых характеристик в образовательной практике. Так, обобщив результаты ряда экспериментальных исследований, Г. Клаус [3] заключает следующее:

- рефлексивные люди в ходе выполнения мыслительных и учебных действий учитывают требования задач более адекватно, чем импульсивные. Однако если при выполнении сложных заданий рефлексивная когнитивная стратегия оправдывает себя, то в случае очень легких заданий она скорее мешает. Такой учет ведет к лучшему согласованию индивидуального темпа работы с особенностями решаемой задачи, а это в свою очередь стимулирует рост достижений;

- при сильной выраженности полезависимости и полenezависимости приходится считаться с их влиянием на процесс учения.

Результаты корреляционного анализа Пирсона в общей выборке испытуемых позволили выявить следующие факты:

«Индекс полезависимости/полenezависимости» по методике Готтшальдта положительно коррелирует с показателем шкалы «Личностный рост» по методике К. Рифф ($r=0,2$; $p<0,05$): чем более полenezависимы студенты, тем больше они ощущают реализацию своего потенциала и тем выше их способность к отслеживанию собственного личностного роста.

Показатель «вербальность» Д. Бровермана ($T2/T1$) по методике Струпа положительно коррелирует с показателем «самостоятельность» по методике В.И. Моросановой ($r=0,2$; $p<0,05$), а показатель интерференции « $T2-T1$ » – с показателем «гибкость» ($r=0,25$; $p<0,01$): при преобладании словесного способа переработки информации усиливается регуляторная автономность, т.е. способность самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу по достижению выдвинутой цели, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать как промежуточные, так и конечные результаты деятельности; повышение ригидности познавательного контроля способствует регуляторной гибкости, т.е. способности перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий, адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска. Если связь вербальности и волевой регуляции является вполне понятной, то связь познавательной ригидности и регуляторной гибкости требует дальнейшего детального изучения.

Показатель «количество групп из одного объекта» по методике Р. Гарднера обнаруживает отрицательную связь с показателем «гибкость» по методике В.И. Моросановой ($r=-0,22$; $p<0,05$), положительную связь с показателем «личностная тревожность» ($r=0,27$; $p<0,01$); ряд связей с показателями по методике К. Рифф: «автономия» ($r=-0,21$; $p<0,05$), «управление средой» ($r=-0,24$; $p<0,05$), «самопринятие» ($r=-0,19$; $p<0,05$), «баланс аффекта» ($r=0,2$; $p<0,05$), «осмысленность жизни» ($r=-0,223$; $p<0,05$). Следовательно, склонность к компартиментализации (крайней форме аналитичности) ослабляет регуляторную гибкость, т.е. возможность перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий, адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска; повышает личностную тревожность; снижает способность противостоять социальному давлению в своих мыслях и поступках, а также эффективно использовать различные жизненные обстоятельства; уменьшает чувство осмысленности жизни; способствует проявлению негативного отношения к себе и собственной жизни, неверию в собственные силы, недооценке собственных способностей преодолевать жизненные препятствия, усваивать новые умения и навыки.

Полученные факты свидетельствуют о неблагоприятном течении адаптационного процесса при крайних вариантах аналитичности и находят косвенное подтверждение в исследованиях других авторов. Так, в работах А.И. Палея [6] изучались проблемы соотношения стилевого параметра «аналитичность – синтетичность» с эмоциональностью личности. Выявлены тенденции связи аналитичности с преимущественно отрицательными эмоциями и синтетичности – с позитивными эмоциями

радости, достижения успеха. Отмечается, что аналитики строят дробную картину мира, используя для оценки происходящего субъективные шкалы с большим количеством градаций (пользуются «жесткими» критериями). Синтетики, напротив, склонны формировать целостную картину мира, оценивая происходящее с помощью субъективных крупномасштабных шкал (пользуются «мягкими» критериями).

По данным В. Колги, аналитичность соотносится с более низкими показателями произвольного и произвольного запоминания, низкой учебной успеваемостью [Цит. по: 9, с. 53].

В целом можно сделать следующие выводы:

1. Параметры когнитивного стиля были введены для описания и различения индивидуальных особенностей переработки информации. Они являются также уместными и для объяснения межиндивидуальных различий при рассмотрении факторов успешности адаптационного процесса к условиям обучения в вузе.

2. Успешнее адаптироваться студентам могут помочь особенности их когнитивных стилей. При этом нельзя сказать, что та или иная когнитивная стратегия является единственно верной для адаптации человека, однако, необходимо помнить о необходимости учёта разных когнитивно-стилевых характеристик в образовательной практике.

3. Выявлены характеристики когнитивных стилей, способствующих адаптации:

- чем более полнезависимы студенты, тем сильнее они ощущают реализацию своего потенциала и тем выше их способность к отслеживанию собственного личностного роста;

- при преобладании словесного способа переработки информации усиливается регуляторная автономность деятельности.

4. Полученные нами факты свидетельствуют о возможном неблагоприятном течении адаптационного процесса (зоне риска) студентов-первокурсников с крайними вариантами полюса аналитичности по методике «Сортировка объектов» Р. Гарднера. В частности, у них происходит снижение регуляторной гибкости, повышение личностной тревожности и конформизма, уменьшение самооффективности и чувства осмысленности жизни, усиление негативного самоотношения.

Список литературы

1. *Баландина Л.Л.* Психолого-педагогическое сопровождение адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе / Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь: ОТ и ДО, 2013. – 132 с.
2. *Дюпина С.А.* Когнитивные стили в структуре мнемических способностей: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2015.
3. *Клаус Г.* Введение в дифференциальную психологию учения. – М.: Педагогика, 1987.
4. *Мельникова Н.Н.* Диагностика социально-психологической адаптации личности : учеб. пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004.

5. *Началджян А.А.* Социально-психологическая адаптация личности. – Ереван, 1988.
6. *Палей А.И.* Модальностная структура эмоциональности и когнитивный стиль // Вопросы психологии. – 1982. – № 1 – С. 118–126.
7. *Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А.* Психологическая адаптация личности. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 479 с.
8. *Трофимова Н.С.* Адаптация студентов к условиям обучения: метод. пособие для педагогов-психологов. – М.: Маршрут, 2005. – 51 с.
9. *Холодная М.А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб. : Питер, 2004.
10. *Шкуратова И.П.* Когнитивные стили как регуляторы мировосприятия личности // Сборник Первой российской конференции по когнитивной науке. Тезисы докладов. – Казань: КГУ, 2004. – С. 256–257.

РАЗДЕЛ 6. ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ

УДК 159.9.07

Богомягкова Оксана Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, г. Пермь, Сибирская, 24, +7(342) 212-85-90,
e-mail: Bogomyagkova.o@pspu.ru

СПЕЦИФИКА РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК В СЕМЬЯХ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

Oksana N. Bogomyagkova

candidate of pedagogical science, Assistant Professor of Psychology

Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: Bogomyagkova.o@pspu.ru

SPECIFICITY OF PARENT-CHILD ATTITUDES IN FAMILIES OF DIFFERENT SOCIAL CATEGORIES

Аннотация. Статья раскрывает научные подходы к проблеме детско-родительских отношений, социального сиротства. Освещены содержательные вопросы проблемы, социальные категории семей, риски и угрозы психологической безопасности детства. Эмпирическая часть исследования раскрывает итоги авторских исследований и представляет сравнительный анализ родительских установок в социально благополучной, неблагополучной и замещающей семье.

Ключевые слова: семья; родительские установки; психологическое здоровье; дети; личность; безопасность; социальное сиротство; социум.

Abstract. The article reveals the scientific approaches to the problem of child-parent attitudes, social orphanhood. Substantive issues highlighted problems, social categories of families, risks and threats of psychological safety of childhood. The empirical part of the study reveals the results of original research and a comparative analysis of parental attitudes in social prosperous, happy and non-substitute family.

Key words: family; parenting attitudes; psychological health; children; person; security; social orphanhood; society.

В последние годы в отечественной научной литературе широко обсуждается вопрос о необходимости укрепления института семьи. Не секрет, что в современной России семья переживает острый кризис, проявляющийся в первую очередь в сфере детско-родительских отношений. Ослабляются социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства. Как отмечает Н.В. Богачева, «самоутверждение и автономность как наиболее важные принципы современной жизни ведут к разрушению традиционных устоев семьи, в связи с чем существенно меняются социальные роли матери и отца, супружество становится основной линией внутрисемейных отношений, тогда как родительство – второстепенной» [2].

На сегодняшний день в обществе присутствует достаточно большой процент неблагополучных семей, к которым относятся неполные, малообеспеченные, асоциальные, дезадаптированные и другие семьи, где происходит деформация личностного развития ребенка. Нарушение детско-родительских отношений в неблагополучных семьях ведет к формированию у детей различных психологических проблем и комплексов, так как неблагополучной семье характерны: недостаток внимания детям; неумение правильно воспитать самостоятельную целеустремленную личность, ценящую здоровый образ жизни; недостаточный родительский контроль; неумение поддерживать доверительные отношения с ребенком; непонимание и неуважение интересов ребенка; недостаточная информированность родителей о методах воспитания [1].

Неблагополучие в семье, как правило, порождает насилие (физическое, психическое, или эмоциональное, сексуальное). Многочисленные исследования показывают, что дети в неблагополучных семьях часто становятся жертвами собственных родителей, что жестокое отношение к детям со стороны родителей сегодня превратилось в обычное явление, при этом до 10 % детей – жертв насилия, погибает, у остальных появляются отклонения в физическом, психическом развитии, в эмоциональной сфере [1; 3]. Негативные воздействия неблагополучной семьи не только наносят непоправимый вред здоровью ребенка, травмируют его психику, тормозят развитие его личности, но и влекут за собой другие тяжелые социальные последствия.

В Пермском крае не первый год реализуется проект «Реабилитация детей и семей, находящихся в социально опасном положении». Большое количество специалистов по социальной работе отделений профилактики безнадзорности и стационарных отделений реабилитации несовершеннолетних в учреждениях социального обслуживания осуществляют работу по индивидуальным программам реабилитации семей и детей, находящихся в СОП [7]. Именно в этой категории семей наиболее часто выявляются случаи жестокого обращения с детьми. Это обусловлено низким социальным уровнем родителей, традициями воспитания с применением насилия, побоев и жестоких наказаний, низким материальным уровнем семьи, в которых родители часто имеют различные формы психических расстройств, злоупотребляют алкоголем и наркотиками. Выявление и дальнейшие мероприятия по защите прав

несовершеннолетних в случаях жестокого обращения являются сложной и продолжительной работой, которая требует от специалистов особых навыков, знаний и умений.

В отечественной психологической науке имеется большое количество исследований, целью которых является изучение проблемы личностных особенностей детей из неблагополучных семей (исследования Л.И. Божович, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна) [1]; различные социальные и психологические аспекты проблем неблагополучных семей как института воспитания и социализации детей (М.И. Буянов, И.С. Кон, А.Е. Личко, И.М. Марковская, М.С. Мацковский, В.С. Мухина, Р.В. Овчарова, А.В. Петровский, В.С. Харчев и др.) [6].

Актуальность данной статьи заключается в определении специфики детско-родительских отношений в семьях, находящихся в социально опасном положении, т.е. их характерных особенностей, обуславливающих данную категорию семей.

Проводимые автором исследования ориентированы на выявление (определение) специфики родительских установок в семьях, находящихся в социально опасном положении в сравнении с семьями социально благополучными и семьями попечительства.

То есть гипотетически семьи разных социальных категорий отличаются друг от друга своеобразием родительских установок.

В этом случае объектом исследования становятся семьи, находящиеся в социально опасном положении, семьи попечительства, благополучные семьи. А предметом исследования – родительские установки.

«Под родительскими установками понимается система или совокупность родительского эмоционального отношения к ребенку, восприятие ребенка родителями и способов поведения с ним» [3; 9].

А.С. Спиваковская конкретизирует это определение, говоря о том, что «... родительские позиции – это реальная направленность, в основе которой лежит сознательная или бессознательная оценка ребенка, выражающаяся в способах и формах взаимодействия с детьми» [8].

Родительские установки являют элементом родительских представлений.

Термин «родительские представления» является чрезвычайно широким и включает целый ряд разнообразных понятий, таких как установки, ценности, восприятия ребенка и самих родителей, представления и ожидания, связанные с развитием ребенка.

Родительские представления включают оценку того, что ребенок может или не может делать, знание о процессах его когнитивного и социального развития, роли родителей в жизни детей, целях обучения ребенка, предпочитаемых способах его дисциплинирования.

Родительские представления оказывают большое влияние на родителей и детей, являясь источником воспитательных стратегий. Они обеспечивают родителей средствами для защиты их собственной самооценки, создавая некие стандарты и эталоны, в соответствии с которыми оценивается выполнение родительской роли и устанавливаются ограничения для различных аспектов

родительской ответственности. На основе родительских представлений строятся причинные объяснения детского поведения.

Родительские установки можно определить как готовность родителей действовать в определенной ситуации на основе своего эмоционально-ценностного отношения к элементам данной ситуации [4]. Установки – это стереотипные правила поведения, которые могут выражаться в практических действиях, словах, жестах и т.п. Действуя на основе своих сложившихся установок, родители как бы следуют готовым шаблонам.

Родительские представления происходят из нормативных, культурно заданных идей и ожиданий, а также из конкретной социально-психологической ситуации жизни родителей. Нет сомнения в том, что детские характеристики, такие как пол, возраст, физическая привлекательность и другие, влияют на родительские представления. Однако такое влияние просто иллюстрирует наличие нормативных культурных представлений относительно пола, физической привлекательности ребенка и т. д. С другой стороны, исследования свидетельствуют, что родительские представления приспосабливаются к конкретному ребенку (точнее, к родительскому восприятию ребенка), если поведение ребенка отклоняется от нормы. В этом случае родители изменяют имеющиеся представления или конструируют новые [3].

По мере взросления ребенка родительские представления автоматизируются, стереотипизируются и становятся более доступными для актуализации. В этом смысле родительское поведение становится более прогнозируемым и лучше понимается ребенком, что уменьшает его стресс и обеспечивает ребенку некую модель для интерпретации каждодневных событий.

Совокупность родительских установок характеризует «родительскую позицию» [8].

В дисгармоничных семьях, там где воспитание ребенка приобрело проблемный характер, довольно отчетливо выявляется изменение родительских позиций. Родительские позиции в таких семьях неадекватны, утрачивают качество гибкости, становятся чрезмерно устойчивыми, неизменными и непрогностичными.

Неблагополучные семьи – это семьи с низким социальным статусом в какой-либо из сфер жизнедеятельности или нескольких одновременно, не справляющиеся с возложенными на них функциями, их адаптивные способности существенно снижены, процесс семейного воспитания ребенка протекает с большими трудностями, медленно, малорезультативно [1; 6].

С учетом доминирующих факторов, оказывающих негативное влияние на развитие личности ребенка, неблагополучные семьи мы условно разделили на две большие группы, каждая из которых включает несколько разновидностей. Первую группу составляют семьи с явной (открытой) формой неблагополучия – так называемые конфликтные, проблемные семьи, асоциальные, аморально-криминальные и семьи с недостатком воспитательных ресурсов (в частности неполные).

Вторую группу представляют внешне респектабельные семьи, образ жизни которых не вызывает беспокойства и нареканий со стороны общественности. Однако ценностные установки и поведение родителей резко расходятся с общечеловеческими моральными ценностями, что не может не сказаться на нравственном облике воспитывающихся в таких семьях детей. Отличительной особенностью этих семей является то, что взаимоотношения их членов на внешнем, социальном уровне производят благоприятное впечатление, а последствия неправильного воспитания на первый взгляд незаметны, что иногда вводит окружающих в заблуждение. Тем не менее они оказывают деструктивное влияние на личностное формирование детей. Эти семьи отнесены нами к категории внутренне неблагополучных (со скрытой формой неблагополучия) и разновидности таких семей довольно многочисленны [1; 2]

В социологическом смысле семейное неблагополучие – объективное явление, в определенных формах присущее в большей или в меньшей степени любой общественной формации. Основная проблема семейного неблагополучия состоит в том, что его криминогенная и иная негативная роль в деле воспитания молодого поколения не нейтрализуется в необходимом объеме обществом и государством. Еще хуже, когда общество ставит семью в более тяжелое положение, ограничивая и усложняя ее воспитательные функции. Вот почему неправильно рассматривать семейное неблагополучие как социально отклоняющееся явление. В этом случае проблема предупреждения семейного неблагополучия, помощи и защиты семьи всегда будет превращаться в проблему борьбы с неблагополучной семьей, являющейся в значительной степени порождением самого общества, его противоречий.

Семьи, находящиеся в социально опасном положении, негативно влияют на поведение несовершеннолетних, не противостоят, а способствуют совершению ими преступлений. К факторам неблагополучия относятся: воспитание детей в условиях неполной семьи, одним родителем; наличие в семье судимых родственников (родителей, братьев, сестер, бабушек, дедушек); злоупотребление спиртными напитками взрослыми членами семьи, скандалы, драки, сексуальная распущенность; тяжелое материальное положение, плохие жилищные условия семей, отсутствие отдельной комнаты для детей, нужда в питании, одежде; низкая правовая культура, правовой нигилизм родителей и других взрослых членов семьи; грубость, жестокость, насилие в семье, воспитание детей в условиях эмоционального голода [1; 4].

Для многих детей возможность обрести семью связана с передачей их под опеку (попечительство). Опека является одной из приоритетных форм устройства на воспитание ребенка, оставшегося без попечения родителей, и устанавливается в целях его содержания, воспитания и образования, а также для защиты его прав и интересов [5].

На сегодняшний день государственная политика в отношении поддержки детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, семей, имеющих детей с ОВЗ, коренным образом изменилась. Все активнее в данном направлении развивается как федеральная, так и региональная нормативная правовая база [7].

Специалистами учреждений внедряются новые социальные методики и технологии поддержки семей и детей, деятельность учреждений направлена на реабилитацию и социальную адаптацию семей и детей к новой экономической ситуации: трудовая реабилитация, устройство детей в семейные воспитательные группы, социальный патронаж, телефоны экстренной психологической помощи, телефоны доверия и многое другое.

Эмпирическая часть исследования проводилась в сотрудничестве со службой социальной реабилитации г. Перми. В исследовании приняли участие 3 группы семей с разными социальными статусами: семьи, находящиеся в социально опасном положении (20 семей); благополучные семьи (21 семья); семьи категории опекунов (19 семей). В общем количестве 60 семей. Измерение родительских установок и реакций осуществлялось по методике PARi (Е.С. Шефер, Р.К. Белл), в результате которой анализу были подвергнуты следующие показатели: вербализация, чрезмерная забота, зависимость от семьи, подавление воли, ощущение самопожертвования, опасение обидеть, семейные конфликты, раздражительность, излишняя строгость, исключение внесемейных влияний, сверхавторитет родителей, подавление агрессивности, неудовлетворенность ролью хозяйки, партнерские отношения, развитие активности ребенка, уклонение от конфликта, безучастность мужа, подавление сексуальности, доминирование матери, чрезвычайное вмешательство в мир ребенка, уравнивание отношений, стремление ускорить развитие ребенка, несамостоятельность матери.

Экспериментальные данные были подвергнуты математической статистике методом Т-критерия Стьюдента и факторного анализа.

В нашем исследовании мы разделили всю выборку испытуемых на выборки группы социально благополучных семей (СБС), группы семей попечительства (замещающая семья, ЗС) и группы социально опасных семей (СОП).

Социально благополучные семьи имеют в Т-критериальном анализе низкие показатели по следующим диагностическим критериям: чрезмерная забота, зависимость от семьи, подавление воли, ощущение самопожертвования, исключение внутрисемейных влияний, сверхавторитет родителей, подавление сексуальности, доминирование матери, чрезвычайное вмешательство в мир ребенка, стремление ускорить развитие ребенка (в сравнении с семьями СОП и ЗС). В результате факторного анализа выделены такие факторы, как: «подавление сексуальности», «зависимость от семьи», «равенство родителей и ребенка», «поощрение активности ребенка».

Семьи опекунов (в сравнении с СБС) в Т-критериальном анализе показали высокую степень выраженности показателей: чрезмерная забота, зависимость от семьи, ощущение самопожертвования, зависимость ребенка от матери, сверхавторитет родителей, уклонение от конфликта, подавление сексуальности, доминирование матери, навязчивость родителей, стремление ускорить развитие ребенка. В сравнении с социально опасными семьями преобладают такие показатели, как: подавление воли и сексуальности ребенка. Основными факторами по результатам факторного анализа являются: «необходимость помощи в воспитании ребенка», «зависимость ребенка от матери», «мученичество родителей» и «чрезмерная забота».

Это может быть связано с тем, что замещающие родители в силу принятия на себя правовых обязательств, ответственности за дальнейшую судьбу ребенка стараются чрезмерно оберегать несовершеннолетнего от трудностей, посвящать больше времени дому. Возможно, в силу неуверенности за социально-психологическое благополучие ребенка стараются подавлять его волю, предъявляя новые установки и правила. Из страха риска ограничения или лишения прав на воспитание ребенка со стороны органов опеки проявляют жертвенность. Исходя из позиции единственных близких людей в жизни опекаемого, замещающие родители чувствуют зависимость ребенка от них, как бы являются сверхавторитетом для него, скорее не имея значимых представлений об индивидуальных особенностях личности ребенка, тем самым подавляют его сексуальность. Возможно, в силу переоценки роли опекуна как главы, возложив на себя обязательство выполнения основных функций в вопросах воспитания, стараются отличаться доминированием норм, требований и правил, проявляя навязчивость в отношении ребенка, вмешиваясь в его мир. Считают целесообразным развивать ребенка в ускоренном темпе, заведомо стремясь, по-видимому, к утверждению собственного статуса.

Социально опасным семьям в сравнительном Т-критериальном анализе в большей степени свойственны (имеют высокие статистические показатели) такие характеристики, как: чрезмерная забота, зависимость от семьи, ощущение самопожертвования, подавление агрессивности, уклонение от конфликта, подавление сексуальности, доминирование матери, чрезвычайное вмешательство в мир ребенка. В результате факторного анализа обнаружены факторы: «чрезмерное вмешательство в мир ребенка», «семейные конфликты», «направленность на развитие ребенка», «мученичество родителей». Это, по-видимому, связано с тем, что статус неблагополучия должным образом влияет на стереотип мышления, следовательно, родитель не предъявляет завышенных требований своему ребенку, а, наоборот, ограждает его от трудностей, в силу низкой социальной позиции, избегая активного взаимодействия с обществом; в связи с этим родитель в большей степени выступает в роли домашней хозяйки, где может пожертвовать собой ради семьи, тем самым реализуя себя как мать в своем понимании. При всем она проявляет индифферентное отношение к состоянию и поведению членов семьи, подавляя агрессивность детей, характеризуя себя тем самым как значимое лицо. Необходимого детско-родительского взаимодействия мать избегает в связи с видимой несформированностью социокультурного опыта общения.

Вышеперечисленные факты подтверждают гипотезу исследования: семьи разных социальных категорий отличаются друг от друга своеобразием родительских установок.

Список литературы

1. *Буянов М.И.* Ребенок из неблагополучной семьи. – М.: Просвещение, 1988. – 387 с.
2. *Ковалев С.В.* Психология современной семьи. – М., 1998.
3. *Минияров В.М.* Психология семейного воспитания. – Воронеж, 2000.

4. *Овчарова Р.В.* Справочная книга социального педагога. – М., 2001.
5. *Ослон В.Н.* Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. – М.: Генезис, 2006.
6. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психология сиротства. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2005.
7. Семья и дети Пермского края (социальная поддержка семьи и детей). – Пермь: ОТ и ДО, 2007. – 72 с.
8. *Стиваковская А.С.* Психотерапия: игра, детство, семья. – М.: ЭКСМО Пресс, 2000.
9. *Целуйко В.М.* Вы и ваши дети. Психология семьи. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 448 с.

УДК 159.9.07

Богомягкова Оксана Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия

614990, г. Пермь, Сибирская, 24, +7(342)212-85-90, e-mail: Bogom-on@mail.ru

Баландина Наталья Николаевна

педагог-психолог

МБДОУ «Детский сад № 271»

614066, г. Пермь, ул. Мира, 14а, (342) 221-64-84, e-mail: mdou271.perm@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ И СЕМЕЙНЫХ УСТАНОВОК МАТЕРЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ-БЛИЗНЕЦОВ

Oksana N. Bogomyagkova

candidate of pedagogical science, Assistant Professor of Psychology

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia

24, Sibirskaia, 614990, Perm, Russia, e-mail: Bogom-on@mail.ru

Natalia N. Balandina

educational psychologist

14a, Mira, 614990, Perm, Russia, e-mail: mdou271.perm@mail.ru

FEATURES PERSONAL SPHERE AND FAMILY ATTITUDES MOTHERS OF TWINS

Аннотация. В статье представлены теоретические и эмпирические данные исследования матерей, имеющих детей-близнецов, и матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка. Концептуальное обоснование статьи раскрыто через актуальные вопросы детско-родительских отношений, семейных установок и личностной сферы матери. Отражены итоги авторских исследований: сравнительные данные и установленные взаимосвязи показателей материнских установок и особенностей личности в ситуации рождения близнецов и одиночно рожденных детей.

Ключевые слова: материнство; семья; личность; дети; близнецы; психология.

Abstract. This paper presents the theoretical and empirical research data of mothers of twins and mothers of the single children. Conceptual study paper reveals through topical issues of parent-child relationships, family attitudes and personal sphere of the mother. The article describes the results of original research: comparative data and established the relationship of maternal attitudes and personality traits in a situation of giving birth to twins, and mothers of the single children.

Key words: motherhood; family; identity; children; twins; psychology.

Рассмотрение материнства как потребностно-мотивационной сферы – это изучение материнства с точки зрения детско-материнских отношений.

Безусловно, это мощное, теоретически и экспериментально обоснованное направление, прекрасно систематизированное, благодаря прежде всего работе Г.Г. Филипповой [4]. Вместе с тем сегодня целесообразно развивать исследования и в другом направлении – изучать феномен материнства с позиции самоотношения, переживания, осмысления женщины как матери в ракурсе того, какое место занимает материнство в личностной сфере женщины, ее «Я-концепции», «Я-образе».

Семья, рождение и воспитание детей – это та сфера, в которую женщина вкладывает много, а иногда и максимум усилий, энергии, времени. Роль матери и связанные с ней мысли, эмоции, чувства, действия и поступки, поведение в целом занимают ведущее место в жизни женщины. Иногда материнство может иметь больший вес, чем профессиональные обязанности или гражданская позиция. Поэтому можно говорить о таком психологическом образовании, как материнская идентичность.

Решающую роль в формировании материнской идентичности играют когнитивный и эмоциональный компоненты идентификации. Чем более четко представлена и эмоционально положительно окрашена в сознании и самосознании человека система соответствующих знаний, связанных с функциями матери, ее поведением и другими психологическими характеристиками, тем интенсивнее и гармоничнее проходит процесс самоидентификации женщины как матери, тем более определенной является структура материнской идентичности, а также ее сбалансированное вхождение в общую структуру «Я-концепции» личности.

Женщина, родившая ребенка, ищет психоэмоциональной поддержки от значимого социального окружения. Если в семье рождается двойня, женщина-мать испытывает вдвое большую потребность в проявлении эмпатии и поддержки.

В настоящее время в России участились случаи рождения близнецов. По информации Фонда социального страхования, число рождения двоен в России выросло с 7,672 тысяч (за 2006 г.) до 10,816 тысячи (за 2010 г.), троен – с 96 до 164.

В городе Перми динамика рождения близнецов такая: в 2010 году – 141 случай рождения двойняшек и один – тройни, в 2011-м было зарегистрировано 136 двойняшек и две тройни, а в 2012 г. – 150 двойняшек и 4 тройни.

В связи с этим возникает интерес к личности матери близнецов, изменению ее семейной структуры и межличностных установок. На сегодняшний день нет исследований, объективно отражающих отличия личностной сферы и семейных установок матери близнецов от личностной сферы и семейных установок матери одиночно рожденного ребенка [1; 4]. С появлением в семье близнецов, в отличие от одного ребенка, физическая и моральная нагрузка на всех членов семьи значительно возрастает [2]. Психологические и социальные проблемы материнства представлены в исследованиях И. Кона, М. Мида, Э. Бадинтера, Г.Г. Филипповой, Е.И. Исениной, Г.И. Брехман, Ю.С. Шевченко, А.Г. Радостевой и многих других, однако психологические особенности матерей, имеющих детей-близнецов, до сих пор не достаточно изучены.

Таким образом, нами была сформулирована проблема исследования, которая состоит в изучении особенностей личностной сферы и семейных установок матерей, имеющих детей-близнецов, в отличие от личностной сферы и семейных установок матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка.

Цель исследования: выявить личностные свойства, семейные установки и ценности у матерей, имеющих детей-близнецов, и матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка.

Объект исследования: личностная сфера и семейные установки матерей, имеющих близнецов и матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка.

Предмет исследования: влияние многоплодной рождаемости на личностную сферу и семейные установки матерей.

Выборка исследования: матери, имеющие детей-близнецов, и матери, имеющие одиночно рожденного ребенка.

Гипотеза исследования: личностные свойства, семейные установки и ценности значимо различаются у матерей, имеющих детей-близнецов и матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка. Мы предполагаем, что матери близнецов находятся в большем нервно-психическом напряжении, от матерей одиночно рожденных детей их отличает степень тревоги, отношения с супругом, отношение к бытовым вопросам жизни семьи, ожидания и притязания в браке.

Экспериментальная часть исследования проводилась в 2013 г. в городе Перми на выборке женщин, имеющих детей-близнецов, и матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка. Было опрошено 25 матерей, имеющих детей-близнецов и 25 матерей с одиночно рожденным ребенком.

В качестве методик исследования были выбраны:

1. Методика «Семейно-обусловленное состояние» («Типовое семейное состояние»). Авторы: Э.Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис.

2. Опросник «Измерение установок в семейной паре». Авторы: Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская.

3. Опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке» (РОП). Автор: А.Н. Волкова.

4. Опросник «Анализ семейной тревоги» (АСТ). Авторы: Э.Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис.

Статистическое изучение различий в выраженности личностных позиций и семейных установок изучалось с помощью Т-критерия Стьюдента и корреляционного анализа Пирсона.

Наибольшие различия по Т-критерию Стьюдента приходится на показатель «отношение к разводу». У матерей, имеющих детей-близнецов, отношение к разводу более тревожное, а у женщин, имеющих одиночно рожденного ребенка, позиция по отношению к разводу более отстраненная. Матери близнецов чаще задумываются о ситуации возможного одиночества и имеют по этому поводу ясно представленную позицию тревожных ожиданий.

Статистически значимое различие выборки имеют по показателю «родительско-воспитательная сфера/ролевые ожидания» в пользу выборки мам близнецов. Это свидетельствует о том, что матери близнецов ожидают большую выраженность установки супруга на активную родительскую позицию [1], чем матери одиночно рожденных детей.

Показатель «семейная вина» статистически менее значим в выборке матерей близнецов. Матери единственного ребенка в большей степени ощущают ответственность за все, что происходит в семье, чаще испытывают чувство вины по поводу своей материнской или супружеской роли, чем матери близнецов.

Отношение к традиционному укладу семьи статистически более выражено у матерей близнецов. Показатель значительно выше проявляется у матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка, что говорит о том, что у матерей близнецов более традиционное представление о роли женщины, чем у матерей одиночно рожденных детей [4].

Показатель «хозяйственно-бытовая сфера/ролевые ожидания» выше у матерей близнецов, чем у матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка. Это значит, что матери близнецов в большей степени ожидают от партнера активного решения бытовых вопросов, чем матери единственного ребенка.

У матерей близнецов нервно-психическое напряжение выше, чем у матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка, что логично объяснимо степенью психоэмоциональной нагрузки в процессе воспитания двух и более детей.

Показатель «внешняя привлекательность/ролевые ожидания» имеет большую статистическую значимость в выборке матерей близнецов. Матери близнецов проявляют большее желание иметь внешне привлекательного партнера, чем матери, имеющие одиночно рожденного ребенка.

Следом по степени выраженности различий находится показатель – «отношение к деньгам». То есть матери, имеющие одиночно рожденного ребенка, более выражено и трепетно относятся к финансам, в сравнении с матерями близнецов. Матери близнецов к деньгам относятся более спокойно, как к средству финансового решения бытовых вопросов.

Статистические различия приходится на показатель «отношение к людям». У матерей одного ребенка отношение к людям более позитивное и оптимистическое, чем у матерей близнецов [3].

Полученные данные можно представить в виде гистограммы (см.рисунок).

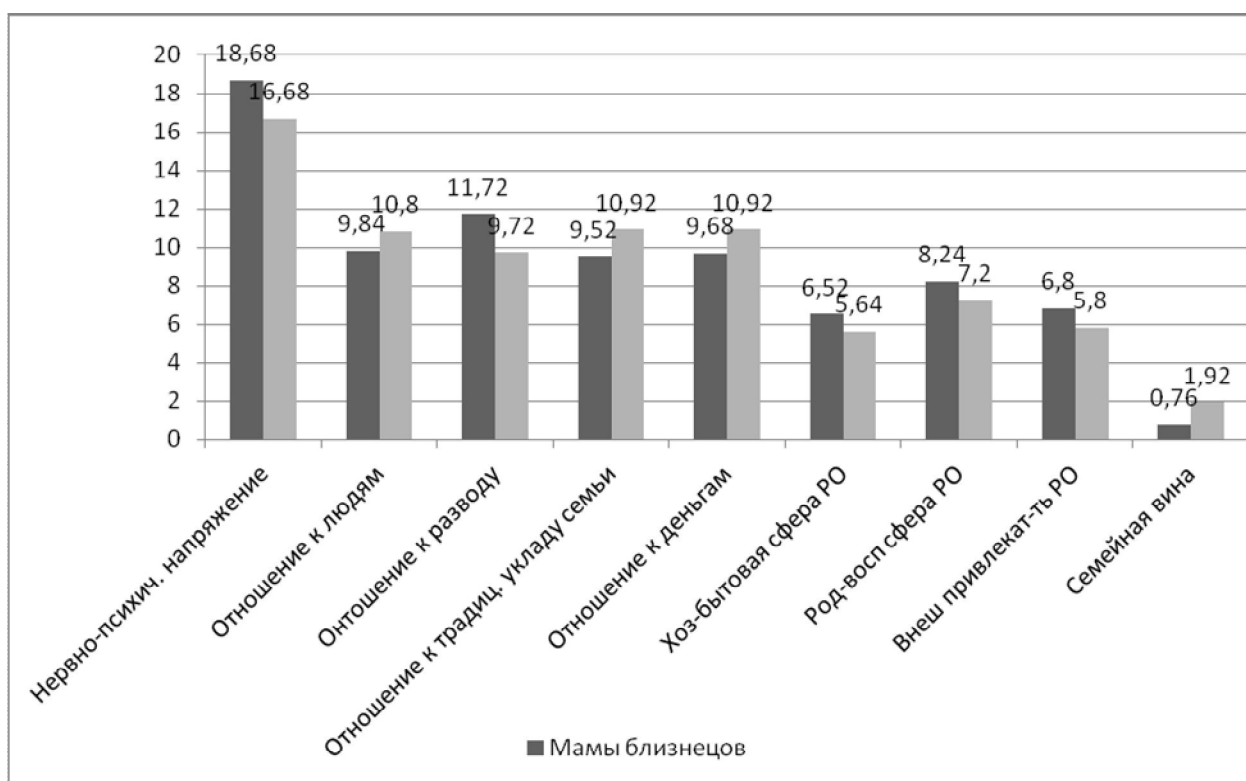

Рис. Статистически значимые различия в выраженности личностных позиций и семейных установок матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка, в отличие от матерей близнецов

Изучение взаимосвязи в выраженности личностных позиций и семейных установок изучалось с помощью корреляционного анализа Пирсона. Проанализировав сходства и различия выборок в обнаруженных корреляционных взаимосвязях, можно дать описательную характеристику выборок.

У матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка, семейная тревожность коррелирует с целым рядом показателей (общая неудовлетворенность 0,84***, нервно-психическое напряжение 0,58**, альтернатива между чувством долга и удовольствием 0,52**, отношение к детям 0,63***, отношение к автономности от супруга 0,59**, личностная идентификация с супругом 0,45*, родительско-воспитательная позиция 0,55**, социальная активность -0,49*), тогда как у матерей близнецов показатель «семейная тревожность» коррелирует только с нервно-психическим напряжением (0,69**) и отношением к разводу (-0,54**). Поэтому можно сделать вывод, что показателей, провоцирующих проявление тревоги, и показателей, через которые эта тревога проявляется в семье матери, имеющей одиночно рожденного ребенка, больше, тогда как у матерей близнецов таковых корреляционных взаимосвязей с тревожностью меньше.

Альтернатива между чувством долга и удовольствием у матерей одиночно рожденного ребенка вызывает семейную тревожность (0,52*), тогда как для матерей близнецов ситуация выбора не создает напряжения и чувства неудовлетворения своей ролью.

Зависимость от супруга у матерей близнецов и у матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка, создает ситуацию выбора между чувством долга и удовольствием. Однако у матерей одиночно рожденного ребенка «слияние» с супругом порождает напряжение (0,56*), тревогу (0,45*), неудовлетворение своей ролью (0,50*). У матерей близнецов такой взаимосвязи не обнаружено.

Поэтому можно сделать вывод, что для матерей близнецов ситуация зависимости от супруга создает комфортную ситуацию в отличие от матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка.

Оценка значения сексуальной сферы у матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка, коррелирует с альтернативой между чувством долга и удовольствием (0,42*) и отношением к любви романтического типа (0,58**), а у матерей близнецов коррелирует с целым рядом параметров (отношение к людям 0,56**; альтернатива между чувством долга и удовольствием 0,53**; отношение к автономности 0,49*; отношение к разводу 0,50**; отношение к романтике 0,62**; отношение к «запретности секса» 0,65**; личная идентификация с супругом 0,52**; хозяйственно-бытовая ролевая позиция 0,51**; родительско-воспитательные ролевые ожидания 0,53**). Диагностические данные исследуемого показателя распределяются таким образом, что чем выше балл, тем менее значимы для женщины сексуальные отношения с партнером. Отсюда можно сделать вывод, что для матерей близнецов сексуальные отношения имеют меньшую роль в супружеской жизни, чем для матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка.

У матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка, личностная идентификация с супругом порождает раскованность в интимных отношениях (-0,53**) и тревожность по отношению к семье (0,45*), а у матерей близнецов наоборот порождает замкнутость интимных отношений (0,49*), тревога за семью отсутствует (-0,47*). Поэтому можно сделать вывод, что для мамы близнецов роль «соратницы мужа» ближе и комфортнее, чем для матери, одиночно рожденного ребенка.

У матерей близнецов и матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка, существует необходимость психолого-психотерапевтической поддержки материнства специалистами-профессионалами, так как женщина-мать бессознательно ищет такой поддержки и наделяет соответствующей ролью супруга. Об этом свидетельствуют корреляционные взаимосвязи показателей «эмоционально-психотерапевтические ожидания», «эмоционально-психотерапевтические притязания» с показателями «Нервно-психическое напряжение», «семейная тревожность», «отношение к людям», «отношение к детям», «отношение к разводу», «отношение к деньгам», «отношение к социально-бытовым вопросам», «социальная активность», «родительско-воспитательная ролевая позиция» в той и другой выборке испытуемых.

У матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка, семейная вина коррелирует с целым рядом показателей (общая неудовлетворенность 0,52**; семейная тревожность 0,81***; нервно-психическое напряжение 0,40*; отношение к деньгам -0,41*; интимно-сексуальная сфера 0,74***; личностная идентификация с супругом -0,59**; эмоционально-психотерапевтические

притязания 0,52**; социальная активность -0,51**; внешняя привлекательность 0,75***); тогда как у матерей близнецов коррелирует только с показателем «внешняя привлекательность/ролевые ожидания» (0,40*). Поэтому можно сделать вывод, что воспитание близнецов снимает проявления чувства вины у матерей.

Таким образом, результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что личностные свойства, семейные установки и ценности значимо различаются у матерей, имеющих детей-близнецов и матерей, имеющих одиночно рожденного ребенка. Следовательно, гипотеза исследования подтверждена и обоснована результатами представленного исследования. Знание и понимание статистически значимых различий и корреляционных взаимосвязей показателей личностной сферы и семейных установок выборок позволят организовать психопрофилактическую работу с матерями близнецов и матерями одиночно рожденных детей в целях профилактики послеродовой депрессии, формирования нервно-психической устойчивости, оптимизации супружеских отношений и формирования конструктивной родительской (материнской) позиции по отношению к детям. Отсроченный эффект проведенной работы можно отследить в показателях психологического здоровья детей, так как психологическое здоровье материнства есть залог психологически здорового детства [2; 4].

Список литературы

1. *Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М.* Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. (Спецпрактикум по социальной психологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
2. *Варга Ф.Я.* Структура и типы родительского отношения. дис. ... канд. психол. Наук. – М., 1987.
3. *Медкова Д.В.* Семейные ценности как объект социологического анализа // Ломоносовские чтения. – М., 2003.
4. *Филиппова Г.Г.* Психология материнства. – М., 2002.

УДК 159.9.072.432

Корниенко Дмитрий Сергеевичдоктор психологических наук, заведующий кафедрой теоретической и
прикладной психологии**Ротманова Наталья Валерьевна**кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной
психологии

*ФБГОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, +7(342) 212-70-19, e-mail: corney@yandex.ru,
rotmanova@bk.ru*

ОЦЕНКА РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ И СВОЙСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СИБЛИНГОВ

Dmitrii S. Kornienko

Sc.D, head of the department of theoretical and applied psychology

Natalia V. Rotmanova

Ph.D., assistant professor, department of theoretical and applied psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: corney@yandex.ru, rotmanova@bk.ru*

SIBLING'S PARENT RELATIONS AND INDIVIDUALITY TRAITS

Аннотация. Статья продолжает серию исследований, посвященных изучению взаимосвязи различающегося родительского отношения и свойств индивидуальности. Теоретической основой является концепция метаиндивидуальности, которая позволяет рассматривать взаимодействие интраиндивидуальных (темперамент, личность) и метаиндивидуальных свойств (детско-родительские отношения) с позиции системного подхода. Изучалась оценка ребенком параметров родительского отношения (опросник И.М. Марковской), свойства личности: экстраверсия и нейротизм (опросник Г. Айзенка), интернальность (опросники УСК). Согласованности в оценках сиблингами материнского и отцовского отношения не было обнаружено. Свойства темперамента и личности старшего ребенка демонстрируют разнонаправленные связи с оценкой взаимодействия с родителями, что может являться еще одним свидетельством различающегося отношения. Негативные проявления свойств темперамента младшего ребенка приводят к тому, что ребенок характеризует родительское отношение как отстраненное и контролирующее.

Ключевые слова: сиблинги; личность; темперамент; родительское отношение.

Abstract. The article continues a series of studies devoted to the child-parent relationship and characteristics of individuality. The theoretical background is the concept of meta-individuality and the systems approach to family which allows us to consider the interaction of individuality characteristics (temperament, personality) and meta-individuality properties (parent-child relationship). The study estimates the parameters of the parent child relationship (questionnaire I.M. Markovskaya), personality traits: extraversion and neuroticism (Eysenck questionnaire), locus of control. Consistency in assessments siblings maternal and paternal relationship was not found. Temperament and personality traits of the older child demonstrate multidirectional relation with the evaluation of interaction with their parents, which may evidence the differential parental treatment. Negative manifestations of temperament of young sibling lead to the fact that the child is characterized parental relationship as detached and controlled.

Key words: siblings; personality; temperament; parent relations.

В исследованиях, проводимых в лаборатории дифференциальной психологии ПГГПУ, проблема метаиндивидуальности рассматривается с точки зрения детско-родительских отношений, как в теоретическом плане, так и в плане обнаружения эмпирических свидетельств.

Впервые понятие «метаиндивидуальность» было введено в теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлиным [8]. Метаиндивидуальность рассматривается как уровень в системе индивидуальности, описывающей вклады конкретной индивидуальности в жизнь других людей и наполненной отношением, свойствами, которые приписываются данной индивидуальности группой. Семью можно рассматривать как метаиндивидуальный контекст, в котором происходит взаимодействие и взаимовлияние индивидуальностей друг на друга [4]. В силу специфики семьи как социальной группы можно выделить те параметры, на основании которых установлены закономерности мета-эффекта. Использование указанной методологии и теоретической основы позволило дать содержательную интерпретацию внутрисемейным феноменам (например, детско-родительским отношениям) и расширило эмпирическое содержание проблемы метаиндивидуальности.

В рамках данного исследования было сделано следующее: анализ взаимосвязей разноуровневых свойств индивидуальности родителей и отношения к детям в семьях разного типа [5]. Установлено, что личностные свойства родителей в меньшей степени связаны с конфигурацией семьи и, вероятно, опосредованы другими параметрами, например, полом родителя. Личностные свойства родителей по-разному определяют отношение к детям, и, соответственно, для детей создается разная среда [4, 5]. Это имеет свое подтверждение и в других исследованиях. Так, в обзоре Д. Шэффер (2003) было показано, что отцы, по сравнению с матерями, меньше контролируют детей, в меньшей степени следят за распорядком дня, выполнением домашнего задания и т.д. [9]. В исследовании И.Е. Козловой, О.С. Алексеевой, также

обнаружилось, что матери продемонстрировали более высокие оценки по характеристикам контроля [1]. Анализ различий в восприятии материнского и отцовского отношения показал, что испытуемые-подростки значительно чаще характеризовали отцов как менее отзывчивых, менее вовлеченных в дела детей, менее требовательных по сравнению с матерями [2]. Полученные данные дают основание утверждать, что личностные свойства родителей по-разному связаны с отношением к детям разного возраста в разных типах семей. Во множестве работ матери, по сравнению с отцами, рассматриваются как оказывающие большую эмоциональную поддержку детям и соответственно получают от них более высокие оценки характеристик эмоциональной поддержки [10; 11].

Вместе с тем следствием данного положения является вывод о том, что тип семьи как средовой параметр определяет структуры взаимосвязей метаиндивидуальных и интраиндивидуальных свойств. Традиционным при рассмотрении проблем метаиндивидуальности является изучение индивидуальности, подвергающейся метаэффекту. Свойства темперамента ребенка обычно рассматриваются как предикторы параметров родительского взаимодействия [12]. С позиции метаиндивидуальности это также является оправданным, так как позволяет обнаружить метавлияние родителей на детей и обратное. В последние годы проблема метаиндивидуальности в семье была рассмотрена в контексте отношений «отец–ребенок». Так, было установлено, что отцы, относящиеся к разным моделям отцовского поведения – «традиционной», «отстраненной» и «ответственной», демонстрируют различное метаиндивидуальное влияние на ребенка, которое имеет свою специфику в связи с возрастом детей [6].

Исследование сиблинговой семьи позволяет расширить понимание метаиндивидуального влияния членов семьи. В данном направлении было получено следующее. Взаимосвязь родительско-детских и сиблинговых отношений характеризуется следующим: в группе старших сиблингов взаимосвязи характеристик материнского отношения и параметров сиблинговых отношений в большинстве случаев являются положительными. Высокий уровень требовательности и авторитета матери для старшего сиблинга связан с его большей заботой и эмоциональной близостью с младшим. Старший рассматривает строгое отношение матери как проявление внимания и в связи с этим меньше ревнует младшего. В группе младших сиблингов наблюдается гораздо меньше взаимосвязей между характеристиками родительских и сиблинговых отношений. Характеристики родительского отношения связаны в большей степени с отношением старшего ребенка к младшему. Параметры материнского отношения имеют больше связей с показателями отношений сиблингов друг к другу, чем отцовского отношения [4; 7].

Различия в восприятии детьми из одной семьи разных событий исследуются достаточно давно, в частности, дети, пережившие развод родителей, различаются в оценках эмоциональной близости, и взаимности в отношениях [13; 14]. Вместе с тем работы по различающемуся отношению сиблингов к родителям сравнительно редки и ориентированы скорее на выявление совпадения родительских и детских оценок. Различия между

взаимодействием с родителями старшего и младшего сиблингов характеризуются следующим: старшие сиблинги считают, что мать по отношению к ним демонстрирует большее контролирующее поведение. По мнению детей, отец в отношениях, напротив, стремится предоставить им автономию. Отношение матери в большей степени, нежели отца, воспринимается старшими и младшими сиблингами как принимающее [7]. О согласованности представлений детей об отношении родителей были получены следующие данные: сиблинги демонстрируют высокую согласованность характеристик эмоционального отношения матери и контролирующего поведения отца.

Проблема детско-родительских отношений является достаточно разработанной, однако остается открытым вопрос о том, как связаны свойства личности ребенка с его отношением к родителям. Как было показано, личность родителя рассматривается как основание для характеристик отношения к ребенку. Возникает вопрос относительно личностных особенностей детей. В чем специфика взаимосвязей между свойствами интраиндивидуальности (темперамент, личность) и метаиндивидуальности (характеристик детско-родительских отношений) у детей, проживающих в одной семье. Это и определило цель данной работы.

Организация исследования

Выборка. Участниками исследования являлись 50 полных семей, имеющих двух детей. Возраст родителей – от 32 до 52 лет ($M=39,8$; $SD=3,8$). Возраст старшего ребенка 14–16 лет, а младшего – 8–10 лет. Разница в возрасте между сиблингами не превышает пяти лет.

Методики. Для исследования параметров взаимодействия детей и родителей использовался опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» (вариант для детей) И.М. Марковской. Показатели: нетребовательность–требовательность, мягкость–строгость, автономность–контроль, эмоциональная дистанция–близость, отвержение–принятие, отсутствие сотрудничества–сотрудничество, несогласие–согласие, непоследовательность–последовательность, авторитетность родителя, удовлетворительность отношениями. Методика заполнялась старшим и младшим сиблингами в отношении матери и отца.

Опросник для диагностики темперамента ребёнка (В. Керри) позволяет выделить особенности 9 свойств темперамента, которые в свою очередь являются основой для выделения синдромов темперамента по теории А. Томас, С. Чесс: активность, предсказуемость поведения, контактность (удаление–приближение), приспособляемость, интенсивность эмоциональных реакций, преобладание негативного или положительного настроения, настойчивость в достижении цели, отвлекаемость, порог чувствительности. Опросник адресован и заполнялся матерями относительно особенностей младших детей.

Методами диагностики свойств личности старших детей являлись: личностный опросник Г. Айзенка, измеряемые свойства: экстраверсия и нейротизм; опросник УСК (Локус контроля), позволяющий диагностировать «интернальность».

Результаты обрабатывались при помощи метода корреляционного анализа по Спирмену в программе SPSS 20.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 14-3601332.

Результаты и их обсуждение

Согласованность sibлинговых оценок родительского взаимодействия

Анализировалась согласованность оценок параметров взаимодействия с матерью и отцом отдельно у старшего и младшего sibлинга. При рассмотрении согласованности оценок младшего ребенка обнаруживаются минимальные значения согласованности и не значимые, за исключением показателя «эмоциональная дистанция – близость» ($r=-,270$; $p<,05$). Сходная ситуация обнаруживается и для показателей старшего ребенка. Только один показатель «отвержение – сотрудничество» обнаруживает значимый коэффициент корреляции ($r=-,310$; $p<,05$). Это позволяет утверждать, что дети оценивают характеристики взаимодействия с матерью и отцом противоположным образом. Отсутствие согласованности по другим показателям и минимальные значения показателей означают, что ребенок по-разному воспринимает взаимодействие с матерью и отцом. Эти данные еще раз подтверждают утверждения о различающемся родительском отношении. Дети воспринимают по-разному отношение родителей к ним, причем как старший, так и младший ребенок.

Взаимосвязи свойств личности и темперамента с восприятием родительского отношения у старшего ребенка

Обнаружены следующие корреляции свойств темперамента с характеристиками детско-родительского взаимодействия (рис. 1): отрицательные взаимосвязи «интеллектуальной эргичности» с отцовской «нетребовательностью—требовательностью» ($r=-,383$; $p<,01$) и «мягкостью—строгостью» ($r=-,289$; $p<,05$) и положительная с «отвержением—принятием» ($r=,294$; $p<,05$); обнаружена связь «психомоторной скорости» и «авторитетности» ($r=,315$; $p<,05$).

С характеристиками отношения к матери обнаружены положительные взаимосвязи «психомоторной эргичности» с «отстранением – сотрудничеством» ($r=,303$; $p<,05$), «психомоторной пластичности» с «отвержением – принятием» ($r=,297$; $p<,05$). Отрицательные взаимосвязи «психомоторной скорости» с «эмоциональной дистанцией – близостью» ($r=-,305$; $p<,05$) и «удовлетворенностью отношениями» ($r=-,284$; $p<,05$), а также «интеллектуальной эмоциональностью» с «отстранением – сотрудничеством» ($r=-,315$; $p<,05$) и «согласием – несогласием с ребенком» ($r=-,351$; $p<,05$) и «коммуникативной эмоциональностью» с «нетребовательностью – требовательностью» ($r=-,350$; $p<,05$) и «согласием – несогласием с ребенком» ($r=-,330$; $p<,05$).

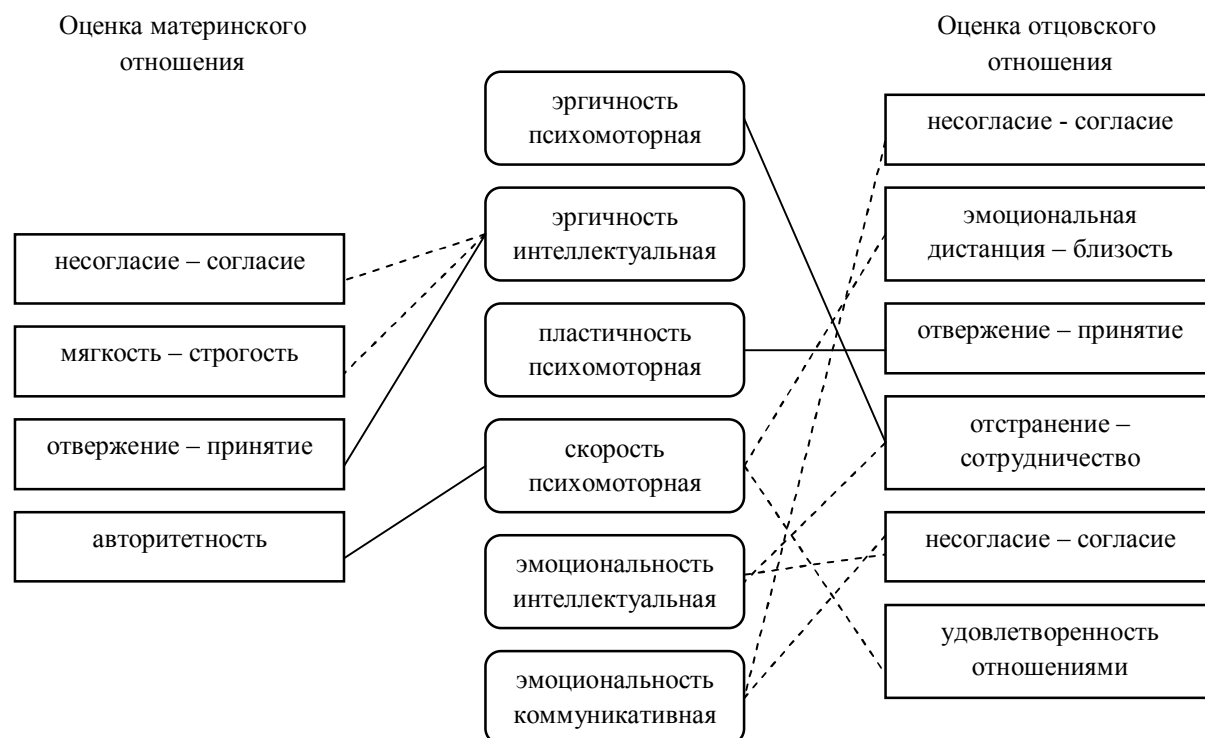

Рис. 1. Графическое отображение взаимосвязей оценки параметров родительского отношения и свойств темперамента у старших детей (подростков)

Высокая интеллектуальная активность ребенка связана с его негативной оценкой параметров согласия и мягкости во взаимодействии с матерью, но при этом усиливает его оценку принятия матерью. Высокие скоростные параметры ребенка приводят к более высокой оценке авторитета матери, однако снижают его оценку сотрудничества со стороны отца и удовлетворенность отношениями с ним.

Высокая моторная активность и пластичность усиливает положительную оценку отцовского принятия и сотрудничества соответственно. Высокие эмоциональные характеристики снижают оценку отцовского согласия, сотрудничества и последовательности по отношению к старшему ребенку.

Свойства темперамента по-разному связаны с восприятием отношения матери и отца (рис. 2). Так, практически отсутствуют связи свойств темперамента и характеристик взаимодействия с матерью, тогда как с характеристиками взаимодействия с отцом обнаруживаются преимущественно отрицательные взаимосвязи. Проявления темпераментальной активности наиболее связаны с положительной оценкой параметров взаимодействия с ребенком, тогда как эмоциональность, напротив, связана с отрицательными оценками взаимодействия.

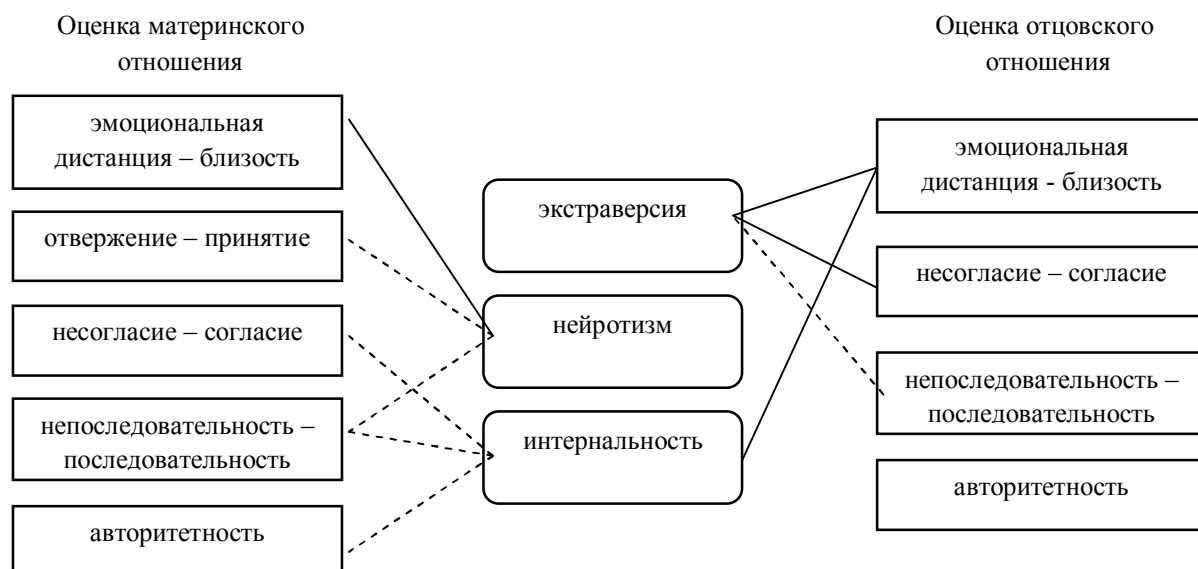

Рис. 2. Графическое отображение взаимосвязей оценки параметров родительского отношения и свойств личности у старших детей (подростков)

Свойства личности обнаруживают следующие взаимосвязи с характеристиками взаимодействия с ребенком: «нейротизм» положительно связан с восприятием материнских характеристик «эмоциональная дистанция – близость» ($r=,296$; $p<,05$), отрицательно с материнским «отвержением – принятием» ($r=-,320$; $p<,05$) и отцовской «последовательностью – непоследовательностью» ($r=-,461$; $p<,05$). Экстраверсия положительно связана с отцовским «несогласием – согласием с ребенком» ($r=,282$; $p<,05$) и материнской «эмоциональной дистанцией – близостью» ($r=,590$; $p<,01$).

Интернальность обнаруживает положительные связи с отцовской «эмоциональной дистанцией – близостью» ($r=,417$; $p<,01$), материнской «последовательностью – непоследовательностью» ($r=,461$; $p<,05$) и отрицательные с материнскими «согласием – несогласием» ($r=-,452$; $p<,05$) и «авторитетностью» ($r=-,446$; $p<,05$).

В данном случае можно утверждать, что высокая эмоциональность и интернальность скорее приводят к негативной оценке характеристик материнского взаимодействия. В случае рассмотрения оценок взаимодействия с отцом, напротив, экстравертированность и интернальность ребенка усиливают позитивные оценки. Исходя из этого можно предположить, что экстерналист и эмоциональный ребенок обладает большим негативизмом в оценке материнских действий и авторитета. Для оценки отцовских параметров более значимым личностным свойством становится экстраверсия, которая усиливает позитивную оценку близости и согласия.

Рассматривая результаты по взаимосвязям свойств темперамента и личности, можно отметить, что характеристики эмоциональности (независимо от того, являются ли они свойствами темперамента или личности) ребенка в большей степени связаны с оценкой ребенком параметров взаимодействия с родителями, чем характеристики активности или экстраверсии.

Взаимосвязи свойств личности и темперамента с восприятием родительского отношения у младшего ребенка

Обнаружены отрицательные взаимосвязи «активности» и «настойчивости» с оценкой родительских «отстраненности – сотрудничества» ($r=-,509$; $p<,05$; $r=-,591$; $p<,05$) и «интенсивности реакций» с «автономностью – контролем» ($r=-,588$; $p<,05$). «Активность» также положительно связана с материнской «мягкостью – строгостью» ($r=,572$; $p<,05$), «предсказуемость» отрицательно связана с «отвержением – сотрудничеством» ($r=-,585$; $p<,05$), а «интенсивность» положительно с «несогласием – согласием» ($r=,529$; $p<,05$) (рис. 3).

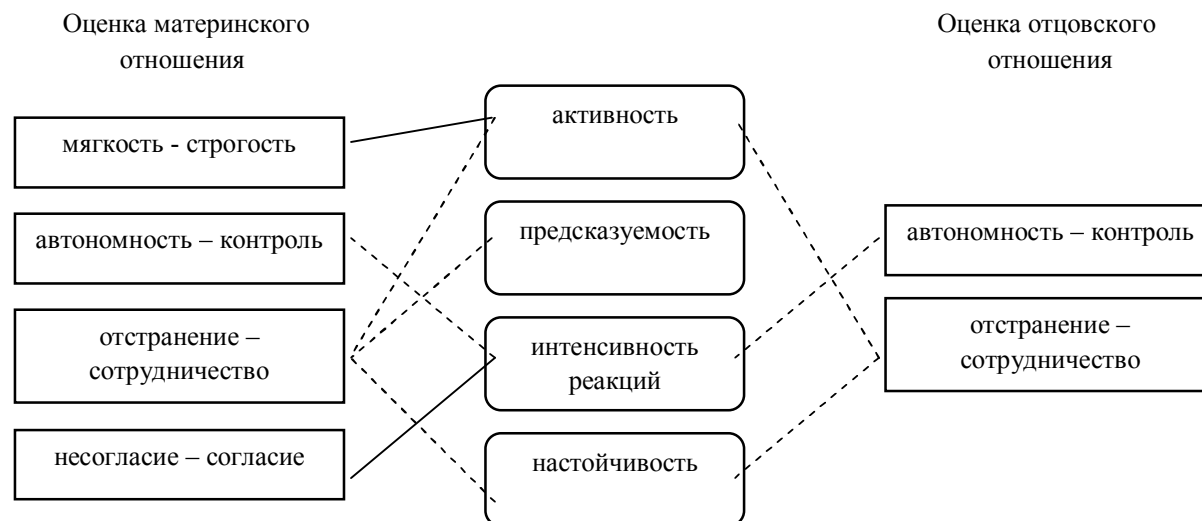

Рис. 3. Графическое отображение взаимосвязей оценки параметров родительского отношения и свойств темперамента у младших детей (младший школьник)

Активный ребенок высоко оценивает мягкость матери и отстранение отца от взаимодействия. Высокая интенсивность эмоциональных реакций связана с высокой оценкой родительского контроля. Ребенок, отличающийся неритмичностью, непредсказуемостью в поведении, также склонен характеризовать взаимодействие с матерью как отстраненное.

Выводы

Традиционное исследование анализа отношений в семье «от родителей к детям» и анализ индивидуальности родителя как основы этих отношений на сегодняшний день требует дополнения новыми фактами. Основываясь на транзитной модели взаимодействия в семье и концепции метаиндивидуальности возможно рассматривать детскую индивидуальность как основу для отношения к родителям. В данной работе предпринята попытка обнаружить, как свойства личности и темперамента связаны с оценкой родительского отношения sibлингами. Обобщая полученные результаты, можно констатировать следующее:

1. Отсутствуют связи свойств темперамента и характеристик взаимодействия с матерью, тогда как с характеристиками взаимодействия с отцом обнаруживаются преимущественно отрицательные взаимосвязи. Обнаруженные связи активностных параметров (эргичности и пластичности) соотносятся с положительной оценкой отцовского взаимодействия со старшим ребенком, тогда как эмоциональность, напротив, связана с отрицательными оценками отцовского взаимодействия.

2. Обобщенные свойства личности отрицательно связаны с восприятием характеристик взаимодействия с матерью. Специфика взаимосвязей личностных свойств и восприятия родительского отношения проявилась в том, что усиливается негативная оценка материнского и позитивная оценка отцовского отношения. Это может являться еще одним свидетельством различающегося отношения.

3. Свойства темперамента младшего ребенка демонстрируют высокую схожесть во взаимосвязях с оценкой родительского отношения. При этом негативные проявления свойств темперамента приводят к тому, что ребенок характеризует родительское отношение как отстраненное и контролирующее.

Список литературы

1. Козлова И.Е., Алексеева О.С. Личностные характеристики родителей и особенности родительско-детских отношений // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6, № 32. – С. 11. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.04.2015).
2. Козлова И.Е. Особенности сиблинговых отношений в двухдетных семьях // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2010. – № 4(12). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.04.2015).
3. Корниенко Д.С. Проблема метаиндивидуальности в детско-родительских отношениях // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 2. – Т. 7. – С. 124–137.
4. Корниенко Д.С. Родительское отношение как метаиндивидуальная характеристика в связи с конфигурацией семьи и возрастом ребенка // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – № 1(15). – URL: <http://psystudy.ru>. (дата обращения: 01.04.2015).
5. Корниенко Д.С., Баландина Л.Л., Харламова Т.Т. Интегральная индивидуальность и конфигурация семьи: монография / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2011. – 222 с.
6. Красильникова Е.Н. Метаиндивидуальные и интраиндивидуальные характеристики отцов в связи с конфигурацией семьи // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8 (4). – С. 959–964.
7. Красильникова Е.Н., Дериш Ф.В. Взаимосвязи характеристик сиблинговых и детско-родительских отношений // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. – Пермь, 2014. – Вып. 1. – С. 47–57. – (Сер. 1. Психол. и пед. науки).

8. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986. – 254 с.
9. Шэффер Д. Дети и подростки: психология развития. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 976 с.
10. Fry P.S., & Leahey M. Children's perceptions of major positive and negative events and factors in single-parent families // *Journal of Applied Developmental Psychology*. – 1983. – 4(4). – P. 371–388.
11. Ji-Hee Kim J.-Y. L. Siblings Perception of Parental Neglectful Behaviors // *Child Studies in Asia-Pacific Contexts*. – 2011. – Vol. 1(1). – P. 51–58.
12. Kochanska G., Friesenborg A.E., Lange L.A. et al. Parents' Personality and Infants' Temperament as Contributors to Their Emerging Relationship // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2004. – Vol. 86, № 5. – P. 744–759.
13. Kowal A., Krull J. & Kramer L. The perceived fairness of parental differential treatment: links with parent-child relationship quality // *Journal of Family Psychology*. – 2004. – № 18. – P. 658–665.
14. Shek D.T. Differences between fathers and mothers in the treatment of, and relationship with, their teenage children: perceptions of Chinese adolescents // *Adolescence*. – 2000. – 35(137). – P. 135–146.

Электронное научное издание

**ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 1
Психологические и педагогические науки

ВЫПУСК 1, 2015

Электронный научный журнал

Ответственный редактор выпуска
Силина Елена Алексеевна

Ответственный секретарь выпуска
Евтух Татьяна Викторовна

Компьютерная верстка выполнена *Д.Г. Григорьевым*

Свидетельство о государственной аккредитации вуза
№ 0902 от 07.03.2014

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001

Формат 60х90 1/16. Набор компьютерный.

Усл. печ. л. 8,13. Уч.-изд. л. 7,37

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф.71
тел. +7(342) 238-63-12
e-mail: rio@pspu.ru